

В. Николаев

Вы всё, конечно, помните...

Издательство НТЛ
Томск 2009

УДК 3-17
ББК 24(2Р)6
3 177

Николаев В.И. ВЫ ВСЁ, КОНЕЧНО, ПОМНИТЕ... —
Томск: Изд-во НТЛ,
3 177 2009. — 280 с.

ISBN 978-5-89503-361-6

«Вы всё, конечно, помните...» — поставив эти есенинские слова в название книги о Поэте и людях его окружения, автор расширил круг героев своего повествования, включив в него и каждого читающего, не говоря о том, что он сам и его Личность из того же ряда, что образует этот круг. Текст книги по форме — мемуары, основанные на фактическом материале личных встреч с носителями информации — с родными и близкими людьми Сергея Есенина, с литераторами, досконально изучившими биографию и творческий путь поэта, наконец, с его горячими поклонниками. По сути же содержание труда В.И. Николаева — возвышенный образец, подтверждающий глубокую духовность и красоту истинно русского человека, в котором непостижимым образом уживаются противоречивость отношения к историческим российским реалиям, безоговорочная любовь к Родине и способность выразить все это в Слове. Все то, что гениально воплощал в своем творчестве любимый поэт русского народа.

Прочитав книгу, вы все, конечно, вспомните «своего» Есенина и захотите перечитать его стихи.

УДК 3-17
ББК 24(2Р)6

ISBN 978-5-89503-361-6

© Николаев В.И., 2009

Содержание

Путь с Есениным	4
От автора	7

Часть I. Константин Есенин

Предисловие	10
Глава I. Ваганьково	15
Глава II. Вечер в Политехническом	21
Глава III. Знакомство	30
Глава IV. Беседа в Балашихе	40
Глава V. Поездка по Рязанщине	52
Глава VI. Последняя встреча	68
Глава VII. В поисках истины	75

Часть II. Поиски. Находки. Встречи

Глава I. Путь к Есенину	94
Глава II. Дневник моих встреч	105
<i>Екатерина Холина</i>	105
<i>Татьяна Флор-Есенина</i>	112
<i>Петр Проскурин</i>	117
<i>Александр Есенин-Вольпин</i>	120
<i>Александра Спирова</i>	147
<i>Надежда Вольпин</i>	170
<i>Татьяна Есенина</i>	182
<i>Наталья Приблудная</i>	204
Глава III. «Радунца»	215

Часть III. Доклады, публикации, благодарственное слово

Глава I. Великий ученик великих учителей	230
Глава II. Эхо событий	260
Глава III. Благодарственное слово	275
<i>Основатели</i>	275
<i>Спасибо</i>	282

Путь с Есениным

Известно, что творчество С.А. Есенина обладает притягательной силой, объединяя вокруг себя людей с трепетной и чуткой душой. Самозабвенное служение делу увековечивания памяти замечательного русского поэта отличает когорту удивительных людей, посвятивших свою жизнь изучению творчества С.А. Есенина и просветительской деятельности. К их числу принадлежит и Владимир Иванович Николаев. Связав свою жизнь с именем Есенина, он стал свидетелем событий, которые для современников являются уже историческим фактом, а потому все больше и больше вызывают интерес. Своеобразным подведением итогов этого «пути с Есениным» и должна стать книга воспоминаний В.И. Николаева. Подготовленные материалы свидетельствуют о внимательном и проницательном взгляде мемуариста, охват представляемых событий позволяет судить о систематичности, значительности и глубине деятельности, которую вел и продолжает вести Владимир Иванович.

Автор высвечивает самые яркие, значительные стороны «есенинского движения», которое ознаменовало собой культурную жизнь страны во второй половине XX века. Мемуарист насыщает повествование деталями, создает зримые живые образы эпохи и людей, с которыми ему приходилось встречаться, что в свою очередь дает читателю возможность погрузиться в ткань повествования и почувствовать пульс жизни, ее движение, динамику, ощутить себя в гуще событий.

Уверена, что книга воспоминаний В.И. Николаева будет интересна и специалистам в области есениноведения, и самому широкому кругу читателей, для которых наследие прошлого является залогом достойного будущего.

*Н.Н. Бердянова, ученый секретарь
Государственного музея-заповедника С.А. Есенина*



Владимир Иванович Николаев хорошо известен в кругу исследователей и читателей С.А. Есенина, а также творчества других новокрестьянских поэтов.

Он обладает прекрасными организаторскими способностями, чему свидетельство созданной им в городе Северске общественный музей С.А. Есенина. Его серьезная поисковая работа сочетается с оригинальным подходом к осмыслению накопленного материала.

Публикации и рукописные работы В.И. Николаева отличают глубокое знание предмета, понимание эпохи, в которую творил поэт, и

литературного контекста времени, свежие наблюдения над текстом и основательные выводы. Работы Николаева написаны хорошим русским языком, они интересны как специалистам, так и широкому читателю.

Думаю, что новая работа В.И. Николаева также будет одобрена всеми, кто любит отечественную словесность.

*Е.И. Маркова, доктор филологических наук, зав. сектором литературы
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*



Далеко от Москвы, в сибирском городе Северске, что рядом с Томском, живет человек, бесконечно любящий Россию и ее великого певца Сергея Есенина — Владимир Иванович Николаев. «Вы собиратель?» — спросил его при первой же встрече сын Сергея Есенина, Константин. «Собиратель» — это определение было высшим для К.С. Есенина, который с особой заботой относился к тем, кто занимался поиском всего, что связано с жизнью и творчеством его отца.

В основу книги легли документальные записи бесед с К.С. Есениным, конспекты выступлений на вечерах памяти Есенина, сохранившиеся в архиве автора неопубликованные фотографии, записки и дарственные надписи.

Достойным сыном великого русского поэта, простым и добрым человеком увидел и запомнил К.С. Есенина автор.

И в этом великая ценность книги, которая станет большим подарком любителям поэзии.



Слева направо:
Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов,
Т.П. Флор-Есенина после заседания
комиссии по изданию академического
ПСС С.А. Есенина

*Н.И. Шубникова-Гусева,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Есенинской группы ИМЛИ РАН*



Меня всегда восхищало искреннее увлечение инженера-физика, начальника цеха крупнейшего в мире ядерного комплекса Владимира Ивановича Николаева поэзией Сергея Есенина. Почти полвека бережно он изучает каждую страницу творчества и биографии великого русского поэта, открывая что-то новое, неизведанное... Десятилетия творческого сотрудничества связывают Владимира Ивановича с такими же подвижниками — членами есенинского общества «Радуница».

А сколько он провел творческих встреч в Северске — городе, с которым связал свою судьбу! Большую поддержку и понимание все эти годы получает Владимир Иванович от любимой супруги Людмилы Герасимовны, уважение и заботу — от дочерей Елены и Татьяны, любовь и восхищение — от внуков...

Автору этой книги удалось встретиться с людьми близкими Сергею Есенину, с теми, кто относился к его окружению. Настоящим подарком судьбы стали для Владимира Ивановича встречи с сыном поэта Константином Есениным. «Великий собиратель» — так образно и точно назвала Владимира Николаева доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Есенинской группы ИМЛИ РАН Наталия Игоревна Шубникова-Гусева.

Не только Собиратель, но и Великий Даритель: все свое несметное богатство передал В.И. Николаев в Центральную городскую библиотеку Северска. Уникальный домашний музей в 2001 году получил статус общественного музея, расширил границы своей деятельности и охватил все образовательные учреждения и рабочие коллективы. Здесь проходят уроки литературы и творческие встречи, сюда с удовольствием приходят любители поэзии и гости города.

Почетный гражданин закрытого административно-территориального образования Северск, член городской организации общества «Знание» России с многолетним стажем, создатель музея Владимир Иванович Николаев продолжает огромную просветительскую деятельность. Это потрясающее увлечение, которое наполнило всю его жизнь озарениями и открытиями, щемящими душу встречами и воспоминаниями... Яркие всполохи памяти, крупницы вековой истории нашли отражение в этой книге, которая, на мой взгляд, является достойным вкладом в культурное наследие России.

*Е.А. Хованскова,
начальник отдела культуры ЗАТО Северск*

От автора

*Только я забыл,
Что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам.
Соглядатай праздный,
Я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.
С.Есенин, 1925 год*

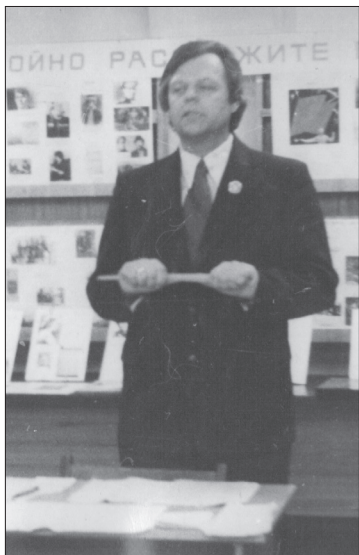
Работа над планом книги «Вокруг Есенина» привела меня к мысли, что невозможно раскрыть тему воспоминаний о есенинской жизни вне связи со своей жизнью... В жизни все протекало в единении. Так должно быть и в книге. В это время и родилась идея написать трилогию.

Окончив ФТФ Томского политехнического института, по диплому я — инженер физико-химик 43-й специальности. После снятия грифа «Секретно» стало известно, что она означает: технология редких, рас-

сеянных и радиоактивных элементов. Для специалиста математически точных дисциплин необходима хорошая память. Один из методов ее укрепления — заучивание наизусть стихов. Так стихотворения русских поэтов заменили мне недостаток филологического образования. А.С. Пушкин и А.С. Грибоедов, Н.А. Некрасов и М.Ю. Лермонтов, Александр Блок и Марина Цветаева стали моими учителями, а их поэмы «Руслан и Людмила», «Мцыри», «Железная дорога», «Владимир Ильич Ленин» и сотни других, выученных наизусть стихов, привели меня к творчеству Сергея Есенина.

Вступительную статью я пишу с эпиграфом. Это парадокс. Читатель вправе осудить такое невежество. Но в этом и заключается своеобразие авторского стиля — для передачи сво-

их сокровенных мыслей и чувств обращаться к стихам любимых поэтов. Уход на заслуженный отдых позволил мне всецело посвятить себя творчеству любимого поэта. Общение с поэзией — это труд.



Работа над книгой началась 9 лет назад. И сегодня с полным основанием могу сказать словами С.А. Есенина к Г.А. Бениславской: «Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия».

Воспоминания — это не автобиография. Они основываются на собственных наблюдениях. Мемуарист повсюду на первом плане выражает собственную точку зрения. При этом субъективизм неизбежен. Автор заранее просит извинения у читателя за эмоциональное восприятие и отражение жизни в своей книге. Стремясь придать максимум правдивости своему труду, я перечитал тысячи страниц своих дневниковых записей, просмотрел тысячи фотографий, отснятых во время своего увлечения. Это максимально приблизило меня к реалиям жизни. И я буду рад каждому данному Богом дню, шаг за шагом приближающему к осуществлению задуманного: написанию воспоминаний.

В. Николаев

Часть I
Константин Есенин

Предисловие

Отец и сын...

Это были личности.

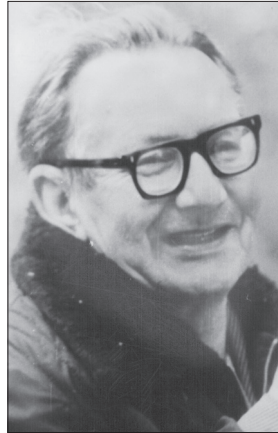
Ю.Л. Прокушев

Он родился, когда родители уже не жили вместе. Зинаида Николаевна, не имея в Москве крова над головой, осталась в роддоме, где устроилась на работу. Имя сыну она дала по названию родного села Есенина — Константиново, таков был совет отца новорожденного... Ребенок вскоре заболел, и Зинаида Николаевна уехала с ним из голодной и холодной Москвы двадцатого года на юг, на всю жизнь затаив ненависть к тем, кто сделал все, чтобы развести их с мужем. Они любили друг друга и, несмотря ни на что, до конца жизни Есенина тайно встречались.

Вскоре Зинаида Райх вышла замуж за знаменитого режиссера Всеволода Мейерхольда, который усыновил Костю, полюбил его и всю жизнь заботился о нем. Баловал. Но фамилию ему сохранил отцову и воспитывал его, не забывая, что он — сын Есенина. Мейерхольд был спортивен, любил волейбол, футбол. Константин Сергеевич с благодарностью вспоминал, как осенью 1927 года Мейерхольд впервые взял его с собой на стадион. В тот день команда Ленинграда играла с английской командой и победила, в семье по этому поводу был устроен праздник. Этот эпизод запомнился навсегда. Личный шофер Мейерхольда А.И. Романцев спустя годы жил в нашем городе, нынешнем Северске. Он вспоминал, как Мейерхольд, бывало, говорил: «Сегодня футбол, Леша, ты должен свозить Костеньку на игру. Ты же знаешь, как любит он футбол!» Мальчику в то время было 10-12 лет. С 13 лет он начал составлять футбольные таблицы, а с начала 30-х годов — вести учет чемпионов Союза.

В 1939 году, после ареста Мейерхольда и зверского убийства Зинаиды Райх, Костю забрала к себе в дом Анна Романовна Изряднова, мать старшего сына Есенина Юрия.

В 1941 году студент Московского инженерно-строительного ин-



К.С. Есенин

ститута Константин Есенин, негодный по зрению к строевой службе, добровольцем ушел на фронт. Он защищал Москву, участвовал в обороне Ленинграда, а затем в его освобождении. От рядового в начале войны до старшего лейтенанта в 1945 году — таков ратный путь сына поэта Есенина. «Я не поэт... Но Родину, Россию я люблю», — так сказал однажды Константин Есенин корреспонденту газеты «Красный Балтийский флот». Эти его слова перекликаются со стихотворными строками отца:

*Я люблю Родину.
Я очень люблю Родину!*

«Безусый храбрец» — называл его комбат. Сам же он рассказывал: «Во время войны я шестнадцать раз поднимал солдат в атаку и никогда не кричал, не ругался. Говорил спокойно: «Ну, что, пошли, друзья, вперед». Четырежды был ранен — перебиты ребра, пробито легкое. В 1944 году, 9 декабря, в той же фронтовой газете о нем писали: «Мы послали его в роту, когда она залегла. Немецкие корабли били по берегу, и, казалось, нет никакой силы, чтобы снова поднять бойцов в атаку... Но Есенин поднял роту и повел ее в бой. Когда его ранило — никто не знал. Он умер от потери крови».

Чудом он выжил и был награжден за боевые заслуги тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Ленинграда». Свято носил в своем сердце память о героических днях обороны Ленинграда друг Константина Есенина, наш земляк, бывший заместитель начальника Томского территориального управления Кофман. Будучи начальником штаба дивизии, он лично вручал Есенину два ордена Красной Звезды. Третий ему вручили только через 15 лет, так как в своей части он считался погибшим, даже похоронка родным была отправлена.

Перед демобилизацией из армии в середине 1946 года Есенин, уже капитан, подарил своему другу только что изданный томик стихов отца с автографом: «Одному из уцелевших представителей некогда славной 177-й С. Д. Израэлу Яковлевичу Кофман книжицу своего папаши его незадачливый и пока неудачливый потомок дарит 5 июня 1946 г. К. Есенин.

*Не каждый умеет петь —
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам. (С.А.Е.)»*

После демобилизации Константин Сергеевич восстановился на четвертом курсе института, окончил его. Работал на строительстве жилых домов и других объектов Москвы. Был на должности референта в Министерстве строительства СССР, главным специалистом Госстроя РСФСР. Гордился, что курировал строительство Лужников. В 49 лет он перенес инфаркт и в 1970 году переведен на инвалидность. С тех пор всецело отдался своему любимому делу — футбольной статистике и спортивной журналистике. Первые его статьи в этой области были опубликованы в 1956 году.

За 30 лет журналистской деятельности им написаны многие сотни статей и девять книг: о сборной СССР, о московском футболе, о любимом «Спартаке». Это был настоящий летописец футбола! Только он мог (и имел право!) с высокой трибуны при тысячной аудитории твердым голосом сказать: «А вот о футболе я знаю все!» Но мечта его жизни — написать большую книгу по истории футбола — осталась неосуществленной.

«Незадачливый и пока неудачливый» потомок великого поэта украдкой писал стихи, но никогда никому не читал, не печатал и запрещал делать это всем остальным Есениным. Только благодаря его другу, спортивному журналисту Льву Филатову, сохранились написанные им в минуты редких затиший между боями строчки:

*День придет,
И перламутром шелка
В бирюсе сверкающей росой,
Замелькают красные футболки
С знаменитой белой полосой.*

Даже в тяжелые дни боев за Ленинград он помнил свою любимую команду!

Всю жизнь он оставался верным имени своего отца. Много сделал по сохранению, а затем по возрождению и увековечиванию его творчества. В годы запрета на упоминание даже имени поэта он смело говорил: «Я сын Есенина!» С начала 50-х годов, когда после почти 30-летнего забвения начало восстанавливаться имя Сергея Есенина, он был участником всех есенинских мероприятий: вечеров, встреч, конференций. Даже в самые тяжелые времена он шел навстречу тем, кто осмеливался заниматься изучением жизни и творчества его отца, поиском материалов о нем.

«Есть в Москве и Ленинграде и в других городах люди, книги, неопубликованные материалы, воспоминания, заметки, дневники, из которых можно многое почерпнуть, воссоздать образ поэта», — говорил он. Но ко всему, что писалось и говорилось о Есенине, он относился очень требовательно, с непреклонной честностью. Константин Сергеевич был доброже-

лателен, к людям относился приветливо. Но иногда он становился неузнаваем, казался даже дерзким. Он очень много знал об отце от матери, бабушки, тетушек — сестер Есенина, от близкого есенинского окружения, с которым много общался. Эти знания не всегда совпадали с тем, что о Есенине писали. Уже после смерти Константина Сергеевича Юрий Львович Прокушев написал: «Не всегда наши оценки и взгляды на то, что происходило с увековечиванием памяти Есенина, изучением его наследия, пропагандой творчества поэта, совпадали. Случалось, мы по-разному относились к тем или иным событиям и фактам, затрагивающим Есенина, образ поэта, его творчество».

И тем не менее Прокушев бережно хранил его автограф: «Юрию Львовичу... Наперекор всем злым языкам, с осознанием больших заслуг твоих в том, что С.А. сейчас, сегодня читают миллионы. К. Есенин».

С особой заботой Константин Сергеевич относился к тем, кто занимался поиском всего, что связано с Есениным, на общественных началах. Таких людей он называл с глубокой признательностью «собираателями». Это слово я часто слышал от него: «Вы собираатель?» — спросил он у меня при первой же встрече. «Так он собираатель?» — уточнял он в разговоре о ком-то. «Сегодня после обеда у меня будут Синельников и Макеев. Знаете таких? — Собираатели!» «Когда бывает в моих силах помочь тем, кто ищет, я готов идти навстречу советом, телефонным звонком, поездками — хоть и в даль, хоть и не по возрасту», — писал он в 1985 году.

Судьба свела меня с Константином Сергеевичем, и он ни в чем не отказал, не оттолкнул. Он отвечал на мои звонки, письма, приглашал к себе домой, возил на дачу. Был рад всегда встрече, показывал свои материалы, читал воспоминания, над которыми работал, позволял переснимать редкие фотографии. Он взял меня с собой в поездку по Рязанщине в дни празднования 90-летия Есенина, там познакомил со своей родней, ввел в круг писателей и есениноведов.

Он собирался приехать в Томск для встречи с любителями Есенина и с футбольными болельщиками: «Я был уже в Сибири, у Синеокого в Омске. Было очень интересно. Вы только организуйте встречи с людьми, договоритесь с помещениями, сделайте объявления. Люди сами придут, я знаю». Намерение побывать в Томске он не успел осуществить.

Со сборной страны по футболу и с клубными командами К.С. Есенин часто выезжал за рубеж. Он рассказывал мне, как однажды был в Германии. Там в это время издали большой справочник по футболу на немецком языке. «Знаете ли, они очень любят футбол и очень ревностно относятся ко всему, что связано с ним. Я полистал его с полчаса, почитал и нашел три грубых ошибки. Сказал им. Это страшно поразило их: «Господин Есенин! С вашими знаниями у нас вы были бы миллионе-

ром!» Он жил небогато. Даже больше: порою мне казалось, что он просто беден. Все его богатство (личный семейный архив С. Есенина, В. Мейерхольда, огромный футбольный архив) было похищено и продано кому-то его последней женой А.И. Есениной (Давыдовой), о чем писали журнал «Крокодил» и газета «Литературная Россия». Пропали и воспоминания о Есенине и его окружении, над которыми он работал.

Подробности каждой встречи с Константином Сергеевичем я подробно записывал, их оказалось около двадцати. Это были встречи в различных условиях и разной продолжительности: от десяти минут до девяти часов. Всего наше общение с ним длилось около 50 часов. Все беседы сохранились в записных книжках. Выступления на вечерах конспектировались. При личных контактах записи делались сразу же после встречи, пока память не засорилась: в автобусах, электричках, на вокзалах, ночью в гостинице, в самолете. Памяти помогают многие десятки фотографий, сделанных непосредственно во время встреч.

Надеюсь на снисходительность читателей к моему запоздалому «писательскому опыту». Но мне помогает осознание того, что, имея такой материал, я не имею права держать его при себе.

Уже после смерти Константина Сергеевича Есенина, в дни 100-летия С.А. Есенина, главный есениновед страны, доктор филологических наук Юрий Львович Прокушев, почти полвека отдавший Есенину, написал в одной из своих статей: «Отец и сын... Это были личности».

Достойный сын великого гения России Сергея Есенина, Константин был простым, добрым человеком. Таким я его увидел и запомнил.

Глава I Ваганьково

*Ветви густые дерев осеняют
простые могилы,
И свежа мурава, и спокойно,
и тихо, как вечность...
Тут на воскресные дни православный
народ наш московский
Любит к усопшим родным,
как к живым,
приходить на свиданье...*

М.А. Дмитриев, «Ваганьково кладбище», 1845

Осенью 1980 года, используя отпуск, я усиленно заканчивал подготовку к своему первому значительному есенинскому мероприятию — заводскому вечеру, посвященному 85-летию со дня рождения Сергея Есенина. Уже прочитал все, что писали о нем Ю. Прокушев, С. Кошечкин, П. Юшин, М. Ройзман, И. Шнейдер, сборник воспоминаний о нем. Восстановил в памяти десятки есенинских стихотворений. Переснял из книг и журналов множество фотографий. Выписал все, что попадались, адреса есенинских мест.

И вот, приехав в Москву, метался из конца в конец в розысках этих адресов. Знакомых в Москве не было. И здесь мне неожиданно повезло: я встретился с очень интересным человеком, членом Союза писателей, поэтессой Екатериной Сергеевной Холиной. В юности она работала в «Кафе поэтов», знала всех его посетителей. Влюбилась в Есенина, «бегала за ним», как она выражалась. После смерти Есенина собирала воспоминания и рассказы о нем. Записывала. Жила домработницей в семье поэта Городецкого. Потом ее приютил у себя Горький, напечатал ее стихи, устроил в Литинститут. Она встречалась с Маяковским, Клюевым, посещала Никитинские литературные субботники. Об этой жизни двадцатых-тридцатых годов рассказывала без устали.

Екатерина Сергеевна познакомила меня со своими материалами, позволила переписать неопубликованные воспоминания и поэму о Есенине, свои стихи о нем.

Она знала и сестер Есенина. Была хорошо знакома с женой Константина Есенина, дала мне их адрес и посоветовала съездить к нему, сказав: «Он очень хороший человек и любит есенинцев». Поехать вот

так просто я не решался. Тогда она посоветовала мне 3 октября, в день рождения С.А. Есенина, съездить на Ваганьковское кладбище: «Костя любит бывать на могилах родителей и в день рождения отца обязательно придет туда».

Я уже побывал на Ваганьково, обошел весь 17-й участок, сфотографировал все надгробия есенинского окружения, побывал и на могилах Тропинина, Сурикова, Саврасова.

Ваганьковское кладбище — московский некрополь — «город мертвых» — самое большое кладбище в городской черте Москвы, всего в одной остановке метро от Садового кольца. Более чем за 200 лет существования кладбища здесь похоронено полмиллиона москвичей. Более 100 тысяч надгробий сохранилось до последнего времени. Здесь похоронены многие писатели, художники, артисты, композиторы, воины, революционеры, спортсмены...

В XIX веке оно стало последним приютом для многих родных и близких Пушкина и Лермонтова. Сегодня исследователи и краеведы разыскали 27 из 66 похороненных здесь потомков, друзей и близких Пушкина, 5 из 15 могил лермонтовского окружения. Здесь покоятся друзья Пушкина: Павел и Вера Нащекины, Владимир Иванович Даль, Федор Толстой (Американец); здесь первая любовь Лермонтова — Надежда Федоровна Иванова (знаменитая Н.Ф.И.). В XX веке Ваганьково приютило Сергея Есенина, его родных, многих друзей и близких. Рядом с ним могила матери Татьяны Федоровны, чуть далее — его подруги Галины Бениславской и его жены Зинаиды Райх. Чуть подалее — сестры Екатерины Александровны и его сродного по матери брата Разгуляева Александра Ивановича. Здесь похоронены его близкие друзья: Августа Миклашевская, Лидия Кашина, Сергей Городецкий, Александр Ширяевец, Георгий Устинов, Петр Чагин.

И вот 3 октября я уехал туда, чтобы отдать долг памяти Сергея Александровича Есенина и воспользоваться возможностью увидеться с его сыном. То, что увидел там, поразило меня. Несмотря на раннее время (было 10 утра), к Есенину шли и шли люди. Издалека, почти с центральной аллеи, было видно, сколько там собралось народа. Еще на подходе к могиле слышно было, как кто-то читает стихи. До самого вечера стихи не умолкали ни на минуту. Читали все, кто знал и любил Есенина и хотел выразить свои чувства к нему: мужчины и женщины, молодые девушки и почтенные старушки, читал молодой человек с галстуком-бабочкой и убого одетый безногий старик-инвалид. Никто не пользовался книжкой или бумажкой. Стихи лились наизусть. Это были «Письмо от матери», «Сорокоуст», «Русь советская» и «Инония». Читали из «Персидских мотивов» и из «Москвы кабацкой». Кто-то, ограничиваясь одним стихом, уступал ме-

сто следующему, кто-то, выкладываясь до предела, читал по полчаса. Один рискнул прочитать всю «Анну Снегину»... Каждый читал, отдавая всю душу, «волнуясь сердцем и стихом». Очень редко стихи повторялись, в большинстве же звучали все новые и новые, даже малоизвестные вещи. И казалось, что народ читает наизусть полное собрание стихов и поэм своего самого любимого поэта.

И так происходило всегда, когда случалось бывать на Ваганьково 3 октября. И по праву день рождения Есенина можно назвать всенародным праздником есенинской поэзии.

Около двух часов дня по толпе прошелестел говорок: «Вот он! Вот! Костя! Костя пришел!» И я увидел Константина Сергеевича, он пробирался поближе к выступающим. Среднего роста, был одет в темное демисезонное пальто, в шляпе, в очках. К нему сразу же пробрались две женщины и о чем-то начали спрашивать. Он отвечал короткими фразами, сам внимательно слушал выступающих. Потом к нему подошел еще кто-то. Еще и еще... Что-то стали спрашивать, по-

казывать бумажки. Он перешел на новое место, но вскоре его нашли и там. Это ему явно не нравилось.

Постояв около получаса у могилы отца, он прошел чуть дальше по аллее и свернул вправо. Я пробрался вслед за ним, продолжая чуть издалека наблюдать. Он прошел к могиле матери. Открыл оградку, расстегнул пальто и сел на край гробницы. Кругом было много бродящих среди могил людей. Но к нему никто не подходил. В одиночестве он сидел долго, в задумчивости глядя на памятник. Чуть слышно доносились голоса читавших стихи. Он сидел неподвижно, и я незаметно внимательно его рассматривал.



«Потом ты идешь до погоста...»
В. Николаев у могилы Есенина

Он был черноволос, седина не тронула его голову. Овалом лица, цветом волос, разрезом глаз похож на мать. Но что-то неуловимо есенинское виделось в нижней части его лица. Невольно вспомнилось: «И чувствую в скулах упрямых дрожащую судоргу щек...» Сергей Есенин

на всех фотографиях, где он без галстука, заснят с расстегнутым воротником. У Константина Сергеевича рубашка была застегнута до последней пуговицы, строго по-армейски.

Через полчаса он поднялся, не возвращаясь к отцу, вышел на большую аллею и пошел вглубь кладбища. Сфотографировать его, а тем более подойти к нему, я не решился и возвратился к Есенину.

Людей, казалось, еще прибавилось. Многие висели на оградках, сидели на деревьях. Минувя могилу Бениславской, я пошел в сторону могилы Шириявца. Местами группки по три-четыре человека «поминали» Есенина, кто-то предлагал книгу Наумова в обмен на что-нибудь о Есенине, кто-то просил налить сто граммов, обещая рассказать кое-что интересное. Шел уже пятый час. Возвратившись к памятнику и послушав еще несколько стихотворений, я стал пробираться к выходу. И это оказалось почти невозможным. Был конец рабочего дня. И, хотя многие уходили с кладбища, встречный поток был гораздо больше. Казалось, вся Москва двинулась к Есенину. Не имея возможности выйти на есенинскую аллею, люди заполняли другие пути, чтобы пройти в обход. От ворот Ваганьково до самой станции метро «1905 года» поток людей занял обе стороны улицы.

Позже рассказывали, что чтения продолжались до поздней ночи. По всюду горели свечи.

...Прошло 20 лет. Приняла в эти годы ваганьковская земля сестру Есенина Александру Александровну (Шуру) и ее дочь Татьяну Петровну Флор; друга Есенина Рюрика Ивнева; художника, создавшего свою живописную есениниану, Николая Ромадина; партнеров З.Н. Райх по сцене, бывших артистов театра Мейерхольда — Эраста Гарина и Михаила Царева; старших товарищей Константина Есенина — футболистов Александра и Андрея Старостиных, постоянных героев его репортажей — легендарных Льва Яшина и Эдуарда Стрельцова. На вечный покой пришел сюда и сам Константин Сергеевич. Близким друзьям он говорил: «Случай чего, похороните меня в ногах моей матери». Там, где когда-то в 1980 году сидел он на краю могилы, стоит табличка с датами его рождения и смерти. На стеле, где выбиты имена Всеволода Эмильевича Мейерхольда и Зинаиды Николаевны Райх, добавилось: «Константину Сергеевичу Есенину».

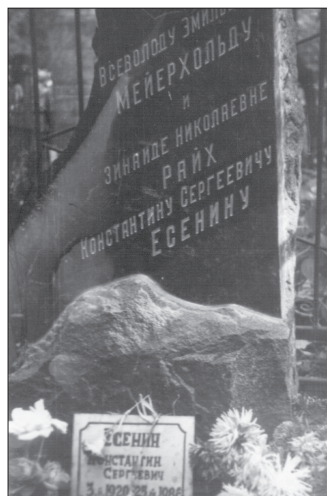
Многое изменилось за эти годы на кладбище. Сегодня идут люди на Ваганьково к Владимиру Высоцкому и Игорю Талькову, Андрею Миронову, к овечьям мировой славой Людмиле Пахомовой и Александру Алметову, заходят к актерам Олегу Далю, Борису Андрееву, Юрию Гуляеву, к другу Шукшина Георгию Буркову и Федьке из «Вечного зова» — Вадиму Спиридонову. Ежедневно от московских вокзалов отходят десятки автобусов с экскурсиями по городу с заездом на Ваганьково «к Есенину и Высоц-



29 апреля 1986 года — прощание с К.С. Есениным у могилы его отца

кому». Постояв несколько минут у Высоцкого, экскурсоводы почти бегом доводят группу до Есенина, дают послушать два-три стихотворения в исполнении штатной кладбищенской чтицы и так же быстро уводят группу обратно, не оставляя людям времени посмотреть большее.

Все есенинцы, приезжая в Москву даже ненадолго, находят время посетить Сергея Есенина, пройти и к его родным и близким. Я захожу всегда и к Константину Сергеевичу, чтобы посидеть на том месте, где когда-то впервые увидел его. Посидеть и с благодарностью вспомнить все то хорошее, что сделал он для людей. А в душе звучат, хотя и не относящиеся к нему, строки есенинского стиха:



*Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставлясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.*

Работая сейчас над своими записками, восстановив в памяти все то небольшое, что позволял себе говорить в свое время Константин Сергеевич о судьбе отца, матери и отчима, я неожиданно осознал, о чем он мог думать на могиле матери тогда, 3 октября 1980 года, когда отразилось вдруг отцовское в лице и почувствовал я в его «...скулах упрямых дрожащую судорогу щек». Он знал правду о трагедии Всеволода Мейерхольда и Зинаиды Райх, вокруг которой было так много противоречивых домыслов... Знал и унес с собой. Возможно, он знал много больше, чем другие, о смерти отца.

Глава II

Вечер в Политехническом

*«Задолго до назначенного часа народ
устремился к Политехническому
музею. Здание музея стало походить на
осажденную крепость. Отряды конной
милиции едва могли держать напор толпы.
Люди, имевшие билеты, с величайшим
трудом пробирались сквозь толпу,
чтобы попасть в подъезд, плотно
забитый желающими попасть на вечер.
Председательствующий объявил: «Сейчас
выступит поэт Сергей Есенин...»*

Рюрик Ивнев. «Воспоминания о Сергее Есенине»

О времени проведения вечера, посвященного 85-летию со дня рождения Сергея Есенина, я узнал дня за три. Помня былую славу Политехнического, обретенную в проведении поэтических вечеров, зная, как трудно было попасть на эти вечера, особенно когда это были вечера Есенина или Маяковского, я сразу же поехал за билетом. Но в кассе уже ничего не было. В поисках выхода из ситуации пошел вокруг здания музея и сразу наткнулся на вывеску: «Правление Всесоюзного общества «Знание». Толкнул дверь и решительно переступил порог. В ближайшей комнате сидели три приветливые женщины. Я представился лектором общества, сказал, что приехал из Томска и что мне обязательно надо быть на есенинском вечере. И, хотя вечер проводился не их обществом, женщины живо откликнулись на мою просьбу. Начали куда-то и кому-то звонить. Но все оказалось безрезультатным. Они посоветовали приехать в день проведения вечера и пораньше. Администратора они знают и помогут. И помогли.

И вот 12 октября. Сiju в совсем пустом еще зале музея. Место выбрал самое удобное, чтобы все видеть, слышать, записывать, фотографировать.

Осматриваюсь и представляю, что здесь происходило когда-то в начале века. Припоминаю из лекций нашего томского профессора-химика Г.Н. Ходалевича, как здесь Дмитрий Иванович Менделеев показывал свою открытую во время сна таблицу. Здесь выступали величайшие Жуковский

и Тимирязев, Мечников и Вернадский. В первые послереволюционные годы сценой завладели поэты и проводили свои «смотры поэтических школ», «вечера поэтесс», выбирали «короля поэтов». Здесь выясняли отношения символисты, акмеисты, футуристы, ничевоки, центрофугалы, пролетарские и крестьянские неоклассики. Эти стены внимательно очарованию стихов благородного Блока, слышали уничтожающе разящие противников фразы Маяковского, залихватский свист Есенина, голоса Андрея Белого, Ахматовой, Пастернака. Здесь мудрый Брюсов говорил возмущенному отдельными строками есенинского «Сорокоуста» залу, что лучшего стихотворения он еще в своей жизни не слышал...

Наконец начали появляться люди, и вскоре все места были заняты. Люди встали вдоль стен, «стоячие» места на балконе заполнили полностью.

Появился президиум. Все ждали, что на вечер придет сестра Есенина — Александра Александровна. Неожиданно в президиуме появился сын поэта Константин Сергеевич Есенин. Зал встретил его аплодисментами.

Коротким вступлением открыл вечер друг Сергея Есенина, поэт Василий Васильевич Казин:

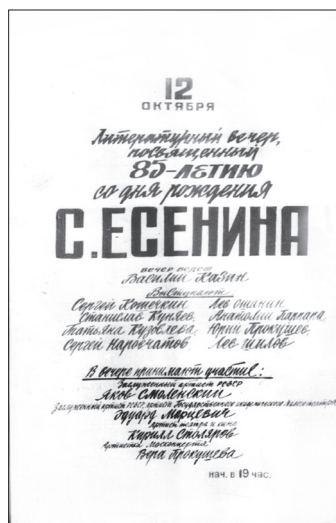
— Я видел, как здесь, в этом зале, выступал Есенин. Мы стояли с Владимиром Владимировичем Маяковским вон там (показывает).

И предоставляет слово Прокушеву Юрию Львовичу...

— Вспоминаю третье октября 1955 года, первый есенинский вечер. Так же переполнен зал. Это было начало пятилетних циклов есенинских вечеров в Политехническом.

(Вдруг вспомнилось: а ведь осенью 1955 года, возвращаясь с каникул в Томск, привелось на два дня задержаться в Москве. Встретил афишу о есенинском вечере. Вечер Есенина?! Не поверил... — авт.)

— За эти двадцать пять лет, — продолжает Прокушев, — проведе-



Афиша литературного вечера, посвященного 85-летию со дня рождения С. Есенина. Москва. Политехнический музей. 12 октября 1980 года

но пять поэтических вечеров Есенина, издано пять многотиражных собраний его стихотворений, в том числе одно трехтомное, тиражом в два миллиона экземпляров. Но подписаться на него невозможно. В эти годы открыто два музея Сергея Есенина: в Константинове и в Мардоках, 400 тысяч посетителей ежегодно приезжают к Есенину в Константиново.

На днях, в канун его 85-летия, коллегия Министерства культуры совместно с комитетом по увековечиванию памяти Есенина приняла решение создать на его родине заповедную зону из 17 памятных есенинских мест, восстановить дом, где Есенин родился, дом деда, школу, церковь, связанные с ним места Рязани, Спас-Клепиков, Солотчи.

Далее Ю.Л. Прокушев высказал мысль о том, что каждый век в России давал поэтических гениев. В XIX веке — Пушкина. В начале XX века — Есенина, поэта, который звал к доброте, воспевал любовь к женщине, к матери, чувствам, которые так необходимы в наше жестокое время, породившее фашизм. Но нет сегодня поэта, равного по силе поэтического слова Сергею Есенину.

Вдохновленный словами Прокушева Константин Сергеевич, которому затем предложили выступить, сказал:

— После такого оратора говорить очень трудно, да я и не готовился выступать. А вот минут через сорок минут буду отвечать на вопросы, в них всегда бывает много интересного!



К.С. Есенин представляет зрителям
своего племянника Ивана Митрофанова

И добавил:

— Через 15 лет будет 100-летие Есенина. После перенесенных инфарктов до него не доживу. А сейчас тут собрал осколки есенинской семьи... — эти слова прозвучали совсем не как шутка, не как случайная метафора, а как что-то болезненное, выстраданное. После паузы он продолжил:

— Хочу представить вам потомков Есенина, — показав рукой в сторону президиума, назвал племянницу поэта, дочь сестры Есенина Кати, Наталью. Затем по очереди вывел на авансцену дочь сестры Шуры Светлану и ее 15-летнего сына Ивана. И завершил представление заявлением:

— С ним вы будете отмечать столетие Есенина!

На трибуне появился директор музея «Звучащая литература» Лев Шилов. Он говорит о том, как тяжело переозвучивать старые записи поэтов. Несовершенной была техника, непривычно было читать стихи перед аппаратом, волнение тоже отражалось на качестве записи. Записи Есенина сохранили его голос, но тембр звучания обеднен.

— Включайте запись! — дает команду Шилов и зал наполняется голосом Сергея Есенина:

*Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах,
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать...*

В зале установилась идеальная тишина. Голос Есенина звучит звонко, почти надрывно, затем вдруг нежно и ласково. Чувства волнами, сменяя друг друга, накатываются на слушателей. Предельно внимательны родные. Казин слушает наклонив голову. В отрешенном блаженном состоянии, подперев голову, сидит Кошечкин.

*Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем...*

— заканчивает Есенин свою «Исповедь хулигана», и зал награждает аплодисментами поэта и главного реставратора записи его голоса.

После выступления Татьяны Кузовлевой и Сергея Петровича Кошечкина на трибуну поднялся не успевший отдышаться и почти опоздавший к своему выступлению Лев Ошанин.

— В жизни каждого советского поэта, в его творчестве Есенин оставил свой след. Его влияние испытали даже Твардовский и Исаковский. Моя встреча с Есениным состоялась еще в далекой юности.

*Где ты, где ты, Сергей Есенин?
Отзвучала песня твоя.
Но мы, милый, тебя заменим,
Мы, мой Сашка и я...*

Закончив чтение еще одного своего стихотворения словами: «Наконец я пришел к Есенину», Ошанин сошел с трибуны и вскоре покинул зал.

Историк и писатель Анатолий Парпара сказал:

— Возьмите сборник стихов Есенина начала 30-х годов. Вот предисловие: «Просматриваются реакционные корни есенинской поэзии». Сейчас я занимаюсь историей Куликовской битвы. В этом году отмечается 500-летие создания Объединения русских княжеств... Посмотрите, как сказано у Есенина: «Затерялась Русь в Мордве и Чуди...». Редкий историк так скажет. Есенин будет жить не только с нами, а столетия. Многие будущие поколения будут говорить о Есенине, как о «цветке неповторимом».

— Слово предоставляется зачинателю нашей советской поэзии, другу Сергея Есенина Василию Васильевичу Казину, — объявляет Прокушев.

— О творчестве Есенина сказано много. Я хочу поделиться короткими воспоминаниями о нем как о человеке. Я знаком с ним с первых лет Октября. Выступал он в «Пролеткульте», где я в то время учился... Говорят, что Есенин легко писал. Нет, он очень много работал, даже над таким шедевром, как «Не жалею, не зову, не плачу». Это лучшее, что им написано... Есенин не малообразован. Он очень много знал. Он очень много знал наизусть даже из Библии. Библия в его поэзии отразилась... Недавно вышел «Алмазный мой венец», в нем Королевич — это Есенин. У Катаева там и я есть — Водопроводчик, — с гордостью добавил Василий Васильевич.

— Однажды, — продолжал он, — в «Кафе поэтов» выступал молодой Александров. Хороший поэт. Пьяные нэпманы за стойками шумели, не давали читать ему стихи. Есенин вышел на сцену и «в мать твою перемать»! Милиция. Хотели забрать. Но часть зала заступилась. А один воротник отвернул, показал значок — из ЧК, оказывается, был. Скандал сгладили.

Когда Есенин читал стихи, он так сжимал кулаки, что ногти врезались в ладонь. Сейчас я слушал восстановленный его голос. Что-то не то. Так Вознесенский читает...

Заканчивает Казин свое выступление тютчевским стихом:

*Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!*

Объявленные в афише Сергей Наровчатов и Станислав Куняев на вечере отсутствовали.

Константин Сергеевич Есенин сидел рядом с трибуной и внимательно слушал выступающих. Поступающие вопросы перебирал и складывал в стопки. И вот он снова выходит на трибуну.

— Вопросов поступило очень много. Я классифицировал их по трем частям. Литературоведческие, их большинство, отдаю Юрию Львовичу. Пять довольно путаных — отвечать не буду. Часть оставлю для ответов себе.

Первой зачитывает записку с просьбой назвать любимые стихи отца и прочитать их.

— Какая это огромная ответственность — сыну читать стихи отца. Никогда не возьму ее на себя и с эстрады их читать не буду... Любимые? «Устал я жить в родном краю», «Не жалею, не зову, не плачу». Знаете, когда выходит сборник «Избранное», — все читаю. А вот сейчас шеститомник вышел, там ранние есть — эти не нравятся.

И продолжает:

— Вот группа вопросов. Я бы назвал их «семейные». «Представьте семью, пишет ли кто из них стихи? Расскажите об «осколках есенинской семьи», чтобы мы знали, какие они есть? (Мой вопрос — авт.) Есть ли в потомках литературно одаренные? Когда напишете воспоминания? Хотим видеть вас автором воспоминаний. Как относилась мать к Есенину, когда он вас бросил? Что помните о Есенине?»

— Представляю семью: Александры Александровны нет сегодня на вечере. Жаль. Болеет.

Дочь Есенина Татьяна Сергеевна после эвакуации из Орла осела и живет в Ташкенте. Ей очень легко переехать в Москву, могу прописать у себя. Но не всем хочется в Москву. Работает она в Узбекской Академии наук, редактирует технические работы. На днях выдает внучку замуж, поэтому не приехала на юбилей.

Юрий, брат мой, погиб в годы культа личности. Знаете, какое это было время. Мать ждала, думала, что он где-то на войне. Не дождалась, умерла.

Вот сидит Наталья Васильевна Наседкина — дочь Екатерины Александровны, сестры Есенина. Она у нас ученый — кандидат биологических наук.

Светлана Петровна, дочь второй сестры Александры Александровны, — педагог. Ее сын Иван учится в школе.

У меня дочь Марина. У Татьяны Сергеевны два сына. Младший, Сергей — альпинист.

Перебрав записки, Константин Сергеевич продолжает:

— Все, кто носит фамилию Есенина, хотели писать стихи. Пробовали писать и Юрий, и Татьяна Сергеевна, и я — раз в два года. Марина писала много. Печаталась в «Огоньке», «Московской правде». Журналисты зря шумят об этом. У каждого из нас свой путь. Я всем запрещаю этим заниматься! Каждый должен заниматься своим делом.

— О воспоминаниях. Прошу опубликованное мной в сборнике «Есенин и современность» не называть воспоминаниями. Ведь я помню очень-очень мало.

Я инженер-строитель. Строил Лужники, координировал все участвующие в строительстве организации. После инфаркта перешел на хобби — спортивную журналистику. Вот в этом я неповторим (говорит уверенно, гордо, с чуть заметным пафосом — авт.). Даже Константин Иванович Бесков робеет передо мной. Вот о футболе я знаю все. Здесь мне нет равных!

Еще вопрос: «За что Есенина любили женщины?» (в зале оживление).

— Посмотрите. Они, женщины Есенина, ведь в чем-то схожи. Да? О них у меня много материала. Есть что рассказать. Ведь я у Анны Романовны Изрядновой жил. Софью Андреевну Толстую знал хорошо. Уходя на фронт, свой чемодан с архивом Есенина забросил ей в Стальную комнату толстовского музея. Она была директором музея. Помните еще нашу историю с пропажей чемодана? Сгорел, говорили. Нашелся после войны. Хорошо упрятала она его.

Часто захожу, бывая в Ленинграде, к Анне Борисовне Никритиной, жене Мариенгофа. Она очень много рассказывает о Есенине. Ей скоро 80. Недавно позвонил Кириллу Лаврову. Он мой друг — болельщик «Спартак». Сказал: «Смотрите, не забудьте поздравить Никритину с юбилеем». Так они уже на следующий день завалили ее квартиру цветами.

В общем, я, как уже обещал раньше, воспоминания писать буду, только не о Есенине, а о его окружении, прежде всего о его женщинах. Вот зимой футбольных дел не будет, засяду за книгу, и называться она будет «Вокруг Есенина».

— Каково ваше отношение к книге Катаева «Алмазный мой венец»?

— Есть в ней прекрасные строчки, но и плохого много. «Я его, собаку, кормил, поил, а он мою жену увел». Не надо так! Он (Мейерхольд) в Наркомпросе работал, пьесу катаевскую отверг. За это Катаев и мстит ему. Все вы врете, Валентин! Но есть в книге места, за которые хочется автора по плечу похлопать. Мимо моей матери проходят почему-то, даже Прокушев.

— Дойду еще. Время нужно! — бросает реплику Прокушев.

— Как относился Есенин к футболу?

— Положительно. Есть у меня рукопись есениноведа Земского. Однажды Есенин у Коненкова был. Увидел, как у соседей ребята в футбол



Алексей Кансовский (на трибуне); в президиуме (слева направо):
К. Есенин, Н. Наседкина, Ю. Прокушев, В. Казин

играют. Зашел к ним и тоже поиграл. Вскоре снова пришел. В новом спортивном костюме. Подарил им хороший мяч. Я отыскал кое-что. Проверил. Все могло быть. Так что Сергей Александрович знал футбол и мяч пинал.

Из зала реплика: «Значит, и любовь у Константина Сергеевича Есенина не случайна!» (смех в зале).

— Как вы относились к запрещению Есенина?

— А вы представляете себя на моем месте? Я был сыном поэта, сначала великого, затем запрещенного, затем известного, замечательного, выдающегося и, наконец, снова великого. Судите сами.

— Помогала ли поэзия Есенина на войне?

— Недавно сидел на стадионе рядом с генералом. Возник разговор: кто лучше других писал о войне. Реплика! Ужас, страх. Трудно очень! И он описал это лучше всех. И мне было страшно: лежим, огонь кругом, надо в атаку. Рядом лейтенант говорит: «Подождем еще». Но ответственность за имя Есенина поднимала меня.

Уходит с трибуны. Садится. В зале тишина. Она прерывается репликой Прокушева:

— Да... Лег Есенин бревном в литературе... и многие об него еще споткнутся. В новом пятилетии на очереди двухтомник воспоминаний современников о Есенине.

Ответив на вопросы, Прокушев предоставил сцену артистам.

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая была...*

— задумчиво читает Алексей Кансовский стихи Есенина о большой и светлой любви поэта.

*И в синюю высь звонко
Глядела она, скуля...*

— казалось, пел Яков Смоленский «Песнь о собаке». Не успели еще смолкнуть аплодисменты выступающему следующим Эдуарду Марцевичу, как перед забывшим о времени залом появилась гардеробщица.

— Вы чего раззаседались? — грозно спросила она. — Долго еще будете здесь сидеть? У меня время кончилось!

— Сейчас, сейчас, — почти прошептал Прокушев, — еще минут пятнадцать, кино посмотрим...

Лирический настрой души был наконец сломлен. Фильм «Пой песню, поэт» смотрелся уже с трудом. Длившийся почти четыре с половиной часа вечер окончен, но уходить не хотелось. Казалось, я соприкоснулся с чем-то вечным, высоким и прекрасным. И в то же время драматичным. Эти же впечатления возникли и позже, когда перечитывал свои записи, просматривал фотографии.

Посидел в зале еще немного, проводил взглядом удаляющегося Константина Сергеевича, обменялся впечатлениями с не спешащими уходить соседями по ряду.

Так закончился тот незабываемый вечер 1980 года в Политехническом.

Через пять лет начались «Праздники есенинской поэзии» на его родине в Константинове, ежегодно в день рождения поэта — 3 октября.

Глава III

Знакомство

«Звоните. Пишите. Заходите».

К. Есенин. 27 августа 1982 г.

На Рижский вокзал мы с женой приехали в 10 утра. Вылет на Томск из Домодедово в половине двенадцатого ночи. Свободного времени много.

Меня одолевает одна мысль, одно желание: зайти наконец к Константину Сергеевичу Есенину. Повод для этого был давно подготовлен: пакет фотографий, отснятых в 1980 году в Политехническом, лежал сверху в нашей дорожной сумке. Там же был фотоаппарат «Зенит».

Невероятная робость овладевала мною, лишь только я начинал думать, как практически осуществить свое желание. Сын Есенина! Желание увидеть его, просто поговорить с ним было огромно и непреодолимо. Оно родилось во мне, когда я узнал, что он жив и живет в Москве. Желание превратилось в реальную цель, когда, проявив пленки с вечера, посвященного 85-летию Есенина, убедился, что они получились. Тогда я решил: обязательно привезу фотографии Константину Сергеевичу. И вот этот момент наступил, надо было решиться!

Мы долго бродили по Москве: прошли по проспекту Мира до метро «Щербаковская», проехали на Арбат, вышли на Калининский проспект. Но я ничего не видел. Голова была занята одним: идти — не идти?! Наконец, решил: «Идти! И немедленно! Иначе будет поздно!».

От принятого решения сразу же полегчало на душе. Дальше было только действие: вперед и вперед! Как сохатый ломится через тайгу, грудью рассекая подлесок и валежник, так и я пробиваюсь сквозь толпы людей в метро, руководствуясь указателями и схемами. И вот он, заветный дом! Подъезд. Лифт. Волнение запредельное. Слышу вопрос: «Вам какой этаж?» Не задумываясь рублю: «Пятый». Затем почти бегом, глядя налево-направо на номера квартир, проношусь еще этажей шесть. Затем — вот она, квартира 126! Не дав себе ни секунды на сомнение, едва смахнув с лица пот и поправив галстук, жму кнопку звонка и застываю в ожидании: вдруг не тот адрес дали? А если нет дома? За дверью послышались шаги, и она открылась. Передо мной стоял человек с лицом знакомым до последней черточки, изученным еще тогда, в 80-м году, и позже, по фотографиям. За два года он не изменился. Передо мной стоял сын Есенина, частица его плоти, воплощенная память его духа. Сквозь очки недоуменно смотрели на меня его глаза.

— Здравствуйте, Константин Сергеевич! Извините меня. Я член общества «Знание», сибирское отделение, город Томск, — говорю твердо и решительно.

Чтобы не показаться проходимцем, предъявляю уже оказавшее мне когда-то услугу спасительное удостоверение члена общества.

В ответ — неопределенное, недоуменное молчание...

— Я на минутку, — продолжаю напористо, но уже не так решительно. — Читаю лекции по есенинской тематике. Два года назад был на вечере в Политехническом, фотографировал, принес вам карточки.

— Ну, если на минутку — заходите. Простите, спешу очень.

— На футбол? С киевлянами? В 18:00? — спрашиваю, вспомнив, что видел афишу и боялся, что его не будет дома — уедет на игру.

Смотрю на часы: 17:10.

— Да нет, в 19:00. Не волнуйтесь, у нас еще минут 20-30 есть. Лобановский не придет, он в ФРГ улетел, а Валентин Иванов этим воспользовался и перенес игру на «Торпедо» на 19:00. Знаете ли, он любит играть на своем поле, — чуть оживившись говорит Константин Сергеевич, вероятно, почувствовав, что я в футболе тоже хоть что-то понимаю.

— Проходите вот сюда, — приглашает он меня в комнату и усаживает на диван.

Достав из сумки фото, начинаю показывать.

— Вот смотрите, Смоленский читает «Песнь о собаке», а вы слушаете, как он подражал собачьему вою... Помните?

— Помню!

— Вот читает Кансовский... А вот вы представляете нам потомков Есенина...

Внимательно рассматривает фотографии. Молчит.

И вдруг неожиданно спрашивает

— Так вы, оказывается, болельщик еще? За кого болеете?

— За «Спартак» сейчас, — отвечаю я, не зная еще, что он тоже спартаковец. — А раньше когда-то был ярым болельщиком ЦСКА, еще тогда, когда она называлась ЦДКА. Сейчас еще помню своих любимых игроков: Никаноров, Нырков, Башашкин, Кочетков, Соловьев, Водягин, Гринин, Федотов, Бобров, Демин, Николаев, — на одном дыхании перечисляю их в этой расстановке, как слышал в юности в репортажах Вадима Синявского.

Чувствую, ожил Константин Сергеевич, подобрел, глаза засветились. Я не представлял, что значат для него эти имена. Мы, мальчишки первых послевоенных лет, все в классе болели только за ЦДКА. Мы знали их только по радиорепортажам, но не забыли

даже за 30 лет. А для Константина Сергеевича они были хорошими знакомыми, и, наверное, многие на долгие годы оставались его друзьями.

Доверие ко мне возросло. Контакт возник сам по себе. Фотографии он стал рассматривать внимательнее. Заулыбался, заговорил.

— А это Казин? Хороший человек! У меня, к сожалению, с ним фото нет. Это очень хорошо вы сняли.

— А вот тогда на вечере он записал мне в записную книжку свой ответ — обещание написать воспоминания о Есенине. Да поздно! Мне сказали: умер Казин.

— Да... жаль... Умер Василий Васильевич... В прошлом году.

— А вот Прокушев. Он приезжал к нам в Томск. Дважды даже.

— Вы знаете, мои тетушки завели тяжбу против него. Настаивают даже снять его с есенинского комитета. Меня вызывали в ЦК. Советовались. Я предложил оставить его — все равно лучше не найдешь. Вообще, он очень много сделал для Есенина, — сказал он убежденно. — Ну, надо торопиться. Знаете что? Мы с вами сейчас сделаем так. Я возьму машину и поеду на футбол. Ехать недалеко. Там посидим минут 30 еще до начала, поговорим. Вы где остановились?

— Я проездом. Сегодня приехал и вечером улетаю.

— Когда летите?

— В восемь надо быть на регистрации, а в семь с женой встретиться.

— Где?



Сыновья Сергея Есенина:
Константин
и Юрий. 1936 год

— В районе ГУМа...

— Ну, это все в ту сторону. Так как?
Едем?

— Едем!

Встаю. Бегло осматриваю комнату. Все заставлено стопками газет и папок. В дальнем углу, в книжном шкафу за стеклом вижу несколько фотографий.

— Константин Сергеевич! Только простите, я хотел бы посмотреть у вас вот это. Фотографии. И, если можно, переснять.

— Переснимите. Вот ту, где мы вместе с Юрием. Это очень характерное, хорошее фото. Или вот, рядом. Тоже мы вдвоем.

Пытается достать фотографии из-под стекла — не выходит.

— Вытащите сами.

— Ничего. Я сниму через стекло.

Хочу пройти через комнату между стопками газет, разминувшись с Константином Сергеевичем, — не получается. Все загромождено так, что прохода практически нет.

— Простите, я стану на ваше место. Вы только выйдите вначале, а я потом пройду.

Константину Сергеевичу, чтобы обеспечить мне проход сквозь горы своих сокровищ, пришлось выходить из комнаты в коридор.

Делаю снимки прямо через стекло.

— Ну, коль на то пошло, дам я вам еще кое-что! Это Юрий. Один, — достает он еще откуда-то фото.

— Это 1935 год?

— Нет, 1936-й. А вот моя мать. Самое лучшее ее фото. Мое любимое. А это они с Мейерхольдом вдвоем, в Париже.

— 1923 год, февраль?

— Нет, 1932-й.

— Такие драгоценности я просто так не могу снимать, чтобы плохо получилось — не смею. Надо поближе к свету.

— Да, да, пожалуйста. Все равно уже опоздали. Поеду на второй тайм.

Допущенный доброй душой сына Есенина к самым любимым его фотографиям, я забываю, что опаздываю на встречу с женой в установленное время. Ищу место у окна, где можно переснять драгоценные фотографии, и не нахожу. Не знаю, как я решился на дерзкую просьбу:

— Константин Сергеевич! Разрешите, я залезу на окно?

Не знаю, что подумал он обо мне. То ли в моем голосе слишком много было мольбы, или опоздавшему на интересную игру Константину Сергеевичу было уже все равно.

— Пожалуйста, — спокойно разрешил он и ушел на кухню.

Раздвинув на окне папки, я забрался с ногами на подоконник и в условиях идеальной освещенности сделал с фотографиями все, что надо.

— Так вы еще и собиратель, а сказали — лектор, — говорит он, возвращаясь в комнату. — Это хорошо.

— Да. У меня уже более двухсот есенинских фотографий. Все наклеены на легкие картонные планшеты — раскладушки. Ношу с собой на лекции. Подписано все есенинскими стихами. Разве можно более точно выразить мысль? Ведь Есенин говорил: «Что касается сведений о себе — они в моих стихах»... Скажите, а как Марина живет? — ухожу я от вопроса о себе.

— Давно не видел ее. Я недавно прилетел из Краснодара — това-

рищи устроили встречу. Захотели о Есенине поговорить. До этого за границей был. А сейчас Марина уехала на юг.

— Так вы в Испании были? На чемпионате мира?

— Да.

— Вот это здорово! А мы чемпионат смотрели в тайге. На покосе были десять дней. Телевизор на березу повесили. Запитали от аккумуляторной батареи и смотрели. Скажите, а не было установки не обижать поляков, чтобы не усугублять политической обстановки?

— Нет, не было. Установки на ничью не было, а вот встреча с командой на высшем дипломатическом уровне была. И была установка — не грубить, играть культурно.

— Поэтому наши и бегали вокруг поляков, боялись идти на отбор мяча.

Перед выходом посещаю ванную. Ищу, чем вытереть вымытые руки. Ничего не нахожу и выхожу, вытирая руки о себя.

— Там на кухне есть тряпочка. Пройдите.

Захожу на кухню — впечатление нежилого помещения. Не видно ни тарелочки, ни кастрюльки. Пугающее ощущение пустоты. Возле крана — чайная чашка, можно попить воды.

Так неожиданно из своих радужных ощущений возвращаюсь на грешную землю. Внимательно осматриваю квартиру. При входе в комнату слева большой светлый шифоньер. Обе дверки раскрыты, на дверках висят две рубашки. Шифоньер полностью пуст. На всю квартиру эти две рубашки — единственные вещи из ткани! Все остальное — бумаги: газеты, книги, журналы, папки.

— Да, Владимир Иванович! Оставьте мне свои координаты. Напишите вот здесь, на обороте фотографии.

Ищу, где можно присесть. Возле дивана из-за папок выглядывает лежащий на табурете чемодан. Сажусь, пишу на нем.

— Вот видите, как вы пишете? Мне тоже почти на короточках приходится писать. Обещают уже четыре года квартиру и не дают. Не сложилась у нас жизнь с женой. Разошелся. Ей лучшую часть отдал, а сам вот так, как видите, живу. Рубашки еще тут поразвесил, — говорит он грустно, как бы извиняясь.

— Здесь у меня есенинский архив, — показывает он на книжный шкаф справа в углу. — Здесь мейерхольдовский, — показывает на шкаф слева.

Затем, обведя рукой вокруг:

— А все остальное — мой. Видите, какой беспорядок?

— И все это богатство в таких условиях хранится? Жалко...

— Да, жалко. Но у меня большая часть на даче. Есенинское, самое ценное, здесь.

— Давайте я напишу в райком или в МК. Нельзя же к таким ценно-

стям так небрежно относиться. Должны квартиру дать, — уверенный во всемогуществе партии, предлагаю я.

— Что вы! Бесполезно. Вы ничем не сможете помочь. Поехали?

— Константин Сергеевич! Оставьте мне еще вот здесь автограф, пожалуйста, — подаю я ему записную книжку.

— Знаете, я вам свою визитку дам. Это делали мне во времена Олимпиады. На одной дам домашний телефон, на второй — распишусь.

— Вот спасибо.

— И дам вам еще поручение: у меня в Томске друг живет. Сейчас найду адрес, — ищет в маленькой голубой записной книжке.

— Нет. Где-то в другом месте записано. Запишите. Кофман Александр. Отчество забыл. Начальник штаба у нас был, найдете. Людей там у вас немало. Какой там у вас город Томск? Не обижаетесь?

— Зачем обижаться? Действительно, 400 тысяч с Москвой не сравнишь. Найду через Совет ветеранов. Кстати, начальник штаба армии? Дивизии?

— Вначале полка был, а потом дивизии, 177-й стрелковой дивизии. Он мне еще два ордена Красной Звезды вручал. Ну, поехали! — закрывает дверь.

Смотрю номер квартиры и вспоминаю...

— Знаете, кто мне ваш адрес дал? Поэтесса Холина, знакомая вашей супруги. Говорит, когда-то любила Есенина, потом долго у Городецкого жила, потом ее к себе Горький взял. Печаталась в его «Летописи», в первых четырех номерах. Встречалась с окружением Есенина, собирала о нем материал.

— Это очень интересно может быть. Не теряйте с ней связь.

— Она и о вас в газете печатала. А вот дала мне ворошиловградскую газету со своей статьей — воспоминаниями об Иване Приблудном.

— Интересные воспоминания?

— Не знаю, еще не читал. Не успел.

Идем через двор, мимо гаражей на другую улицу. По пути продолжаю мучить его вопросами, но он отвечает охотно. Даже кажется, что ему все это нравится.

— Константин Сергеевич, у вас внуки есть?

— Да, один. Дима. 12 лет.

— А у Татьяны Сергеевны?

— Три и еще правнук. Это она не приехала на 80-летие. Написала, что не будет на юбилей, так как у внучки свадьба. А сама на что-то обиделась и не пошла на свадьбу. А я на следующий день после вечера улетел в Ташкент и успел на свадьбу.

— Правнук у Татьяны Сергеевны чей?

— У младшего сына Сергея две дочери, у одной уже сын.

— Это который строитель, вы говорили?

— Да. Знаете, у них в Ташкенте музей Есенина есть. Ребята создали на общественных началах. Могу дать адрес, — достает записную книжку и диктует: — Директор музея Николок Вадим Викторович.

— Константин Сергеевич, про Марину расскажите, пожалуйста.

— Нелады у меня с ней. Редко встречаемся. Разошлась. Квартира от второго мужа. Живет хорошо. Почему-то все как-то не так у нас с ней. Не так, как у всех людей, — заканчивает он с нескрываемой болью. — Вы идите сейчас вон туда, видите, где военный столит. Под часами. И стойте, ждите. А я только за газетой забегу и поедем.

Возвращается он очень быстро.

— Что же вы встали не там? Я же говорил — под часами. Вы поставьте сумку. Тяжело держать. Что там у вас?

— Да так, по мелочам, понемножку набралось.

— Вот сейчас я собираюсь в Батуми, — говорит он, сам глазами всматривает такси.

— Это здорово. У меня в мечтах побывать в Батуми, посмотреть. Есть два батумских адреса Есенина. Сфотографировать надо. У меня всего около 60 адресов. Вот лажу по Москве, ищу, фотографирую. Спешу, пока не сломали. Когда узнал, что принято решение о взятии на учет всех есенинских мест Москвы, немного успокоился. Пока не нашел дом Софьи Толстой — Померанцев переулок. Где он?

— Это на Кропоткинской, — отвечает он, продолжая следить за машинами.

— Не знаю, где жила Анна Романовна.



— А... хорошее место. Я часто хожу туда. Это где Юрий жил. Сивцев Вражек, 44. Это на старом Арбате.

— Что-то такси у нас перехватывают. Но ничего, доедем. Вот опять машину упустили.

— Налево повезете? — останавливает частника. — Не хотите? Никто не хочет, — начинает волноваться он.

— Скажите, правильно говорят, что Изряднова умерла от аппендицита? — спрашиваю я, пользуясь каждой минутой ожидания транспорта.

— Да. Хорошая была женщина. Я очень благодарен ей. В сорок шестом после демобилизации я жил у нее. Мне страшно признавать это, но я виню себя в ее смерти. 20 октября «Спартак» играл на Кубок. Я спешил на игру. Она попросила занести в кладовку картошку. Я втащил мешок, поставил и убежал. А надо было еще поставить на стол от крыс. Она затащила мешок на стол сама, и аппендикс лопнул. Конечно, я виноват. Юрия так и не дождалась... На каком-то кладбище похоронена, я теперь уже не найду.

Неожиданно взвизгнули тормоза, и прямо напротив нас остановился белый «жигуленок».

— Вот, остановился! До «Торпедо» довезете? А... Это вы! На игру? Ну, тогда поехали! Но с меня обязательно гонорар, — затем, повернувшись ко мне: — Так куда вас подвезти?

— Да мне все равно, доберусь. У метро где-нибудь остановитесь.

— Тогда едем по набережной. Не возражаете?

И, повернувшись к водителю, молодому человеку крепкого спортивного сложения, сразу же поделился с ним своими новостями:

— Сегодня о тренере сборной решали: снимать ли? Кого ставить? Спросили у меня. Не знаю, говорю. Бескову вроде надоело и безразлично стало все после обвинения его в прессе. Якушин может команду подготовить быстро и вывести на пик формы. Качалин тоже подходит — порядок наведет. Говорю: ставьте Лобановского! — и добавляет с лукавинкой, многозначительно: — Все равно, подумал, снимать будут.

И вдруг, повернувшись ко мне, спросил:

— А вы откуда едете?

— Из Истры, из санатория.

— Так почему не приехали раньше?

— Да кардиограмма плохая была. Лечения всякие назначили. Ограничения всякие установили. В бассейн даже не пустили. Ближние и дальние экскурсии запретили. Жена строго следила, чтобы режим соблюдал, в Москву не пускала.

— А что у вас?

— Сказали, предынфарктное. Ничего, сейчас подлечили. Санаторий хороший. Оборудование такое в Союзе есть только в центре подготовки космонавтов. Специалисты тоже отличные. Так что все хорошо.

— Я вам вот что посоветую. Давайте свою записную книжку.

Пишет: «Пелетон, разжижает кровь, против тромбоза».

— Я постоянно пользуюсь. Как только почувствуете плохо, сразу принимайте. А работа не нервная? Где работаете?

— Работаю начальником цеха. Позавчера отметил тринадцать лет. Работа, конечно, нервная. Постоянная напряженность. Сотни людей. Ответственность большая.

— Надо менять.

— Осталось три года до пенсии. За условия труда раньше положено. Тогда и можно будет заняться собой. Приводить себя в порядок.

— Так где вас высадить? — поворачивается он к окну.

— Да вот, кажется, Краснохолмский мост.

— Прекрасно. Оказывается, разбираетесь. Вот здесь, чуть-чуть еще, и высадим. Там наверх метро «Таганская».

— А там, вниз — метро «Павелецкая», — демонстрирую свое знание Москвы.

От «Павелецкой» пришлось отталкиваться, когда искал есенинские места Замоскворечья: Щипок, Большой Строченовский. Так что этот район мне был знаком.

— А ворошиловградскую газету с холинской статьей я, пожалуй, вам оставлю. Прочтете и вышлете мне.

Как высшую форму бесстыдства оценил я это свое условие: «вышлете мне», когда ночью записывал события нашей встречи.

— Хорошо, — спокойно ответил он и, повернувшись к почти остановившему уже машину водителю, подвел черту под всеми событиями этого дня:

— Представляете? Вот этот молодой человек совершенно без предупреждения три часа назад пришел ко мне, и я доверительно разговариваю с ним. Опоздал на игру. Уже даже на второй тайм не успеваем. И вот еще везу его. Удивительно!

— Спасибо вам за все, Константин Сергеевич! Большое спасибо! А за вторжение без спроса извините. До свидания!

— Ничего, Владимир Иванович, не переживайте. Все было хорошо. Звоните, пишите, заходите.

И улыбнувшись, подает руку:

— До свидания!

Машина рванулась с места и, слившись с потоком других мчащихся мимо машин, быстро исчезла из вида. Смотрю на часы: время 19:40! Ого! Опоздал!!!

Далее все проносится на предельной скорости. Метро «Динамо». Маршрутка. Аэровокзал. Испуганные глаза жены и ее молчаливое, без

упреков, прощение. Регистрация уже почти без очереди. До входа в накопитель успеваем еще перекусить. Посадка в автобус. Усевшись поудобнее, передохнув и успокоившись, начинаю записывать, пока свежо все в памяти. Переход в самолет — ничего не видеть, не слышать — писать, писать, писать...

Постепенно все восстанавливается в памяти и ложится на бумагу... Задумался над последней фразой Константина Сергеевича, слышу толчок — шасси коснулись взлетной полосы в Томске. Слава богу! Успел. Записал еще один день из жизни сына Есенина. Последние слова пишу уже при остановившемся двигателе: «Записано в самолете Москва — Томск в ночь с 27 на 28 августа 1982 года».

Глава IV

Беседа в Балашихе

*«...не менее благодарен за открытие —
Алексея Романцева. Если он еще жив, если
еще можно зацепиться за его воспоминания
— было бы очень здорово».*

К.С. Есенин. Из письма автору. 4 июля 1984 г.

В начале декабря 1983 года в книжном магазине города Томск-7 вместе с директором магазина Галиной Баниной мы проводили вечер на тему «Жизнь и судьба Есенина, Райх, Мейерхольда». Разговор у выставки длился около двух часов.

В конце вечера ко мне подошел наш местный журналист Иван Погуляев и спросил, известно ли мне, что в нашем городе живет личный шофер Мейерхольда Романцев Алексей Иванович? В 1929 году девятнадцатилетним юношей он поступил учиться к Мейерхольду в его студию ГЭТЕ-МАС. В период 1932–33 годов — совмещал учебу с работой личным шофером Всеволода Эмильевича.

Я знал заслуженного артиста Романцева, который приехал в наш город из Красноярска-26 во второй половине 60-х годов, играл роль Ленина в спектакле Погодина «Человек с ружьем». Затем, когда театр переименовали в музыкальный, он перешел в Дом культуры имени Островского, где еще долго руководил юношеской драматической студией.

Получив по телефону решение Алексея Ивановича на визит, мы с Погуляевым уже вскоре оказались у него дома. Встретил нас аккуратно одетый, приветливый, бойкий пожилой человек. Угостил чаем с вареньем. Он жил один, но рядом, в пяти минутах ходу от него, жил сын Владимир с семьей. Владимир Алексеевич еще до недавнего времени работал у нас на Реакторном заводе Сибирского химического комбината.



А.Н. Романцев, И.Т. Погуляев. Северск.
Февраль 1994 года

Алексей Иванович, узнав о целях нашего визита, познакомившись с моими фото Константина Есенина, сделанными в 1980 году, и со снимками из его архива, выполненными мною в 1982 году, обрадовался, разговорился. На вопросы отвечал живо, с выражением и поставленным артистическим жестом. Начатый в семь, разговор затянулся почти до двенадцати ночи, и он за это время почти не приседал. Показывал фотографии, документы. Я едва успевал переснимать. Эти фотокопии хранятся в фондах Северского общественного музея С. Есенина.

Побывав у Алексея Ивановича еще несколько раз, я написал о нем письмо Константину Сергеевичу, и вскоре получил восторженный ответ (см. эпиграф к этой главе). Этот ответ воодушевил меня и привел к решению «зацепиться» за воспоминания Романцева. Сходил к нему еще раз, передал привет и сказал, что Константин Сергеевич помнит о нем. Затем сел за свои записи, стал готовиться передать Константину Сергеевичу все услышанное и записанное. Все романцевские воспоминания я разбил на шестьдесят четыре эпизодика и переписал их в записную книжку по порядку, подготовился в письме переслать их в Москву.

Совершенно неожиданно в октябре 1984 года меня направили в командировку в министерство, и в воскресенье, 21 октября, в 10 утра, предварительно созвонившись, я уже нажимал кнопку звонка есенинской квартиры.

— Здравствуйте! — радостно приветствовал меня хозяин. — Знакомьтесь, это моя новая жена Алина Ивановна. Вы с какого года? О! Алина Ивановна на год моложе вас! — бравой гордостью засветились его карие глаза.

Не теряя времени, практически сразу достав записную книжку и фотографии, начинаю рассказывать о Романцеве. Этот разговор длился более девяти часов.

Сначала дома. Мы сидели в зале. Алина Ивановна на кухне готовила завтрак. Я зачитывал эпизод за эпизодом и следил за реакцией Константина Сергеевича. Он очень внимательно слушал, периодически бросал реплики.

— Знаете что, — сказал вдруг Константин Сергеевич, — мы сейчас позавтракаем и уедем на дачу. Там спокойнее, никто не будет нам мешать!

Воспользовавшись такси, через час мы сидели уже в саду на даче в Балашихе. Я продолжил чтение своей записной книжки. Возвратившись в гостиницу, еще всю ночь записывал ответы и реплики Константина Сергеевича на все эпизоды романцевских воспоминаний и прочие детали разговора. Вернувшись домой, я сразу же рассказал обо всем Алексею Ивановичу. Затем, обработав, переписал начисто свой конспект.

При последующей обработке текста выделилось несколько эпизодов в виде рассказа Алексея Ивановича Романцева и комментариев к нему

Константина Сергеевича Есенина. Так я стал свидетелем их заочного диалога.

Романцев: «Костя был задиристым, никому спуска не давал, но был трусоват. Мальчики его били. Он часто просил «Дядя Леша, отведи на озеро!» Был он толст и увалень. Вредничал. В школе баловался. Однажды Зинаида Николаевна била его и кричала: «Хулиган! Веси в отца!» Я делал ему пугач и заступился за него. Я всегда заступался. Тут и мне досталось... Всеволод Эмильевич часто мне говорил: «Отвези Костеньку на футбол, ведь он так его любит». Мне футбол был «до лампочки», а он знал всех игроков и знал, как играть надо. Тогда команд-то было всего «Спартак» да «Динамо» и еще кто-то. Что на стадионе было-то?! Все орут, друг на друга ругаются. Он со своим соседом сцепился, а сосед-то старик был, но он так увлекся, что забыл, что старых надо уважать. Вот я и дал ему подзатыльник... Так что он должен помнить. Зинаида Николаевна очень хорошо говорила по-французски, Всеволод Эмильевич — попеременно с русским. Однажды сидим за столом: Мейерхольд, Зинаида, я и... забыл фамилию. Простите, мне надо, чтобы вспомнить, перебрать по алфавиту первые буквы фамилий. А...нет, Б... Барбюс! Да, да, Барбюс. Вот видите, вспомнил!

Он по-русски ничего не понимал — разговор ведут по-французски. Лидия Анисимовна подает на стол, Поля хозяйничает на кухне, Костя возле нее — канючит поесть. Зинаида Николаевна объяснила ему: «Сейчас уйдет гость, тогда и поешь». Сидим, вдруг дверь открывается и Костя во всю глотку орет: «Когда эта сволочь уйдет?!» Барбюс удивленно поднял непонимающие глаза. Зинаида Николаевна что-то живо залепетала по-французски...»



Зинаида Райх с детьми Костей и Таней

— Интересно, но не припомню, — прокомментировал эту историю Константин Сергеевич. — Был я баловень, но вредным не был. Впрочем, какой спрос с мальчишки!

Он заметно волновался, чувствовалось, что дорожит своим именем, не хотел бы чем-то его унизить.

— Вы не волнуйтесь, я записал это только для вас! — попытался я успокоить Константина Сергеевича.

— А я и не волнуюсь, — был ответ. — Вали истории неотвратим, и, хочешь не хочешь, с ним столкнешься. Поэтому я смотрю спокойно на эти вещи, знаете ли, философски как-то, — эти последние слова Константина Сергеевича позволяют мне опубликовать рассказанный Романцевым эпизод.

Романцев: «На даче у них висела медная табличка, где было написано: «Дача Татьяны и Константина Есениных». Мейерхольд шутил, мол, надо начинать копить деньги на свою дачу, а то дети подрастут и выгонят...

Константин Сергеевич оживился:

— Да! Да! Была такая табличка, но во время ремонта ее сняли, и теперь где-то затерялась. Но есть фото!

Довелось Алексею Ивановичу видеть и старшего сына Сергея Есенина — Юрия. Рассказывает: «Однажды слышу в соседней комнате незнакомый голос. Посмотрел: Костя с Таней молча слушают, а он, светловолосый, голубоглазый, что-то им оживленно рассказывает о том, что собирается куда-то поступать учиться, с самолетами как-то связано. И рассказывает, рассказывает... Ушел. Спрашиваю: «Кто это?» — «Наш братик!»

А с Татьяной я встретился в начале войны в Ташкенте у Дома Красной армии. Я только что вернулся с фронта, куда ездил с фронтовой бригадой с концертами...

Какие неожиданные, загадочные повороты случаются в наших человеческих судьбах! Романцев встречает в Ташкенте дочь Сергея Есенина, уже не девочку, и не одну — рядом с нею белоголовый внук поэта, один из ее сыновей... Через много лет происходит моя с ним встреча в сибирском нашем городе, и он рассказывает мне об этой ташкентской встрече, чтобы спустя время уже я поведал об этом Константину, а позже обо всей этой цепочке встреч самой Татьяне. Ташкент был в ее жизни тяжелым периодом эвакуации, когда родственная принадлежность к семье репрессированных со стороны мужа закрыла ей возможность трудоустройства. Был эпизод, когда узнавшие о бедственном положении дочери Есенина артисты-ленинградцы добились, чтобы Татьяну с детьми положили в больницу — там хоть как-то кормили...

Константин Сергеевич слушал эту историю молча, задумчиво, с печальными глазами. А я продолжал зачитывать эпизоды рассказа Романцева, связанные с воспоминаниями о Зинаиде Райх, настроенное отношение к которой он проявил в самом начале, когда я показал ему ее фотографию, а он, бегло взглянув, тотчас же вернул...

Рассказ о Зинаиде Райх он начал так: «Когда я пришел к ним на работу, Мейерхольд ей заявил, что это, мол, Леша — шофер наш новый. Он будет жить в нашем общежитии. А она: ну, почему в общежитии, он может

жить у нас наверху. И поселили меня в одной из комнат наверху. Обедал я тоже с ними за одним столом.

Зинаида часто парилась в ванной, чтобы похудеть. Однажды выходит после ванны. Раскраснелась, халат накинула, а на груди расстегнут. Я лежал с газетой на диване. Спрашивает: «Леша, ты что делаешь?» — «Дрова колю» — «Ну, Леша, ты почему так?..» — «Ну, читаю, не видишь, что ли?»

Ушла. Обиделась. Нужна она мне — у меня вон сколько их было! А Всеволода Эмильевича я обижать не хотел».

Тогда, у Константина Сергеевича, сына, я по соображениям такта этот эпизод опустил. А сейчас вот пишу — считаю во многих отношениях очень важным.

Непростые отношения в этой сложной семье высвечиваются каждым высказыванием очевидца, которым пришлось быть Алексею Ивановичу Романцеву, о чем он рассказывал: «Мейерхольд часто спрашивал: «Ты почему так груб с моей женой?» Я отвечал: «Твоя жена, а не моя». Зинаида Николаевна часто устраивала дома «концерты». Она очень злая была. А Мейерхольд со словами: «Ну, Зиночка! Ну, Зиночка!» обнимал ее, и она успокаивалась.

Однажды заставила меня съездить зачем-то к Андрею Белому, дала адрес квартиры. Выходит хозяйин: «Не знаю никакого Белого», — и спустил на меня двух цепных собак. Одну я трахнул об землю у калитки, а вторая успела впиться мне в ногу и порвала штаны. Приехал и говорю: «Никакого там Белого нет». А она смеется и дает мне белые штаны Мейерхольда: «Вот возьми штаны Всеволода Эмильевича. Ты ведь давно мечтал о таких». А потом Мейерхольд мне показывал — Андрей жил совсем в другом месте, рядом с нами.

Однажды Мейерхольд получил посылку из Франции. Приехали домой. Он радостный вбегает в комнату: «Зиночка, Зиночка, смотри, что я тебе привез!» Она выбегает навстречу, хватается за пакет, разворачивает его, и, бледная, застыла на месте. Затем... потеряла сознание. Потом пришла в себя и со слезами, прижимая к груди томики Есенина, прошептала: «Спасибо, спасибо тебе, родной!»

О Мейерхольде его бывший шофер мог рассказывать часами, вдохновенно и с благоговением. О спектаклях, репетициях, сам его изображая: «Во время подготовки спектаклей Мейерхольд ничего не видел вокруг себя. К нему иногда обращались с разными вопросами, он отвечал: «Вот директор! Обращайтесь к нему!» А сам весь на сцене, вбегает туда, показывает: «Кашо! Кашо!»

— Это он восклицал на репетиции, когда был доволен артистом. «Кашо» — это означало «хорошо», — подтвердил слова Романцева Константин Сергеевич, очень внимательно слушавший каждое слово.

«Очень ценил жену. Всё только: «Зиночка! Зиночка!» Роли специально для нее готовил. Красивых актрис не было. Была одна одаренная ее дублерша, но некрасивая. В театре подчинялась, но дома начальником была она. Хотя и в театре иногда командовала. В одном спектакле мужчины выносили ее на сцену на руках. Один в поддержке допустил вольность. Настояла — Мейерхольд выгнал его из театра.

Вообще, Всеволод Эмильевич был добрейший человек. Однажды я по отношению к нему поступил подло. Как — не скажу. Он пожалел меня, оставил у себя, а того, кто научил, из театра выгнал.

Питались мы все вместе: хозяева квартиры, мать и сестра Зинаиды Николаевны, домработница и ее помощница Поля. Отец Зинаиды, Николай Августович Райх, жил отдельно, в каморке на лестничной клетке. Все время молчал, ни с кем не разговаривал. Строгий такой. Мы его почти не видели.

Однажды, когда я уходил от них и жил внизу, в полуподвале, со студийцами, питался в столовой, Мейерхольд спрашивает у меня: «Неужели у нас хуже? Посмотрю — стул стоит, а Леши нет...» Я и возвратился назад.

Зинаида Николаевна не прикасалась к вину, не терпела. Мы со Всеволодом Эмильевичем попивали иногда. У них был погребок — там хранили шампанское. Мы и попивали. Однажды — гости. Полю послали за шампанским. Немного принесла. Зинаида Николаевна говорит: «Мало! Нам еще надо». Поля в ответ: «Там больше ничего нету!» Ну и досталось ему тогда! Всеволод Эмильевич любил вино «Карданахи». Из крепких напитков признавал одну «Зубровку». Однажды после ссоры с Зинаидой Николаевной я пытался уйти. «Ну что ты, Лешенька? Все пройдет! А у меня «Зубровка» есть. Турецкая. Я был на приеме в турецком посольском участке».



Алексей Романцев в молодости

Выпили. А он и говорит: «Ну какая она турецкая? Сам подумай! Ну разве может быть у турок «Зубровка»? — и смеется».

Я заинтересовался у Алексея Ивановича, помнит ли он, как обвиняли Мейерхольда в шпионаже в пользу Японии?

«Как же, называли еще японским шпионом», — ответил он и рассказал о дачном соседстве с японцами.

«С одной стороны от Мейерхольда жила старуха, звали Варвара, — сторожила дачи. С другой — дача секретаря японского посольства. Общались мало. Помню, однажды я мыл машину, а японец говорит Всеволоду Эмильевичу: «Зачем моет машину? Надо только обтирать пыль».

Была поздняя осень. Японцы с дачи уехали. Сторожиха ходила по их двору. На их даче был гараж. Спрашиваю: «Можно поставить машину в гараж?» — «Ну, ставь», — разрешила Варвара.

Однажды ночью шум на улице. Посмотрел — японцы приехали. Всеволод Эмильевич пришлепал в своих тапочках и говорит: «Что ты, Леша, наделал? Японцы приехали. Что теперь будет? Ведь из-за этого может быть война!» Японцев Мейерхольд боялся хуже смерти, а ему — японский шпион!»

Эта тема потянула воспоминания Константина Сергеевича:

— Вы знаете, ведь у меня были большие неприятности, связанные с Мейерхольдом. Несколько лет назад ко мне пришла журналистка из Америки с просьбой познакомиться с материалами о Мейерхольде. Показала рекомендательное письмо-направление от Союза театральных деятелей. Показал ей все, что у меня есть. Вы ведь видели у меня шкаф с архивом Мейерхольда. Записала на магнитофон мое интервью. Попросила у меня несколько лично снятых мной любительских фотографий. Ведь я в юности много снимал своим фотоаппаратом. Через некоторое время вызывают меня кое-куда и обвиняют в разбазаривании национального достояния. Оказывается, она опубликовала все в Америке. Вот и хорошо! У меня этот материал мертвым капиталом лежит уже почти сорок лет, и никому нет дела до этого. А тут вспомнили!

Поведал я Константину Сергеевичу версию Романцева относительно убийства его матери в 1939 году, по которой убийц поймали, и одним из них оказался сын артиста Большого театра Головина. При этих словах Константин Сергеевич полузадумчиво, но удивленно приподнял брови. Чувствовалось, держит в себе более серьезные знания и обвинения. Вернувшись, я передал Романцеву его сомнения, на что тот сослался на рассказ о том событии сестры Станиславского Зинаиды Сергеевны. А тогда, на даче, разговор о матери сильно зацепил Константина Сергеевича, и он прервал воспоминания Романцева фразой: «А ведь я тоже пишу о ней. Почти закончил...» И предложил мне размяться, погулять по саду, пока

он отлучится. Я с интересом прошелся по саду. Все заброшено, обработанной земли почти нет. С десяток старых разросшихся яблонь. Малина, кое-где еще краснеют несорванные ягоды. Недалеко от входа в дом — колодец с погруженным насосом. Сарай. Гараж с заросшим въездом. Туалет. (Все удобства во дворе.) Летняя кухня...

Константин Сергеевич возвратился с тремя зелеными, с портретом Маяковского, и одной — желтой обычными школьными тетрадами.

— Вот, смотрите! — показывает: на трех тетрадях на обложке написано «З.Р.» (Зинаида Райх), на одной — «З. Н. Р.». И начинает рассказывать:

— Я как-то отдыхал в Софрино. Задумал написать воспоминания. Начал с матери. Вначале подобрал и решил описать сто эпизодов. Затем начал рассчитывать, когда это было по годам. Затем расположил по годам и записал в виде плана. Вот посмотрите. — Посмотрев, я увидел: впереди записаны года, затем мелким отчетливым почерком две-три строчки — краткое содержание эпизода. План занимает треть тетради. Затем идет текст воспоминаний.

На мое восхищение исключительно систематизированным порядком, объяснил это профессиональной привычкой. Затем зачитал эпизоды из памяти детских лет: «Мать часто меня била. Однажды разбила нос, а потом зарыдала, бросилась целовать. И на моем лице смешались ее слезы и моя кровь...» Чувствуется, ему самому нравится образность и глубокая эмоциональность, значимость содержания. Приостанавливается в ожидании моей реакции. И вдруг — чуть дальше — вставка о футболе. И так почти в каждом эпизоде воспоминаний о матери звучат полузабытые футбольные имена и события, волновавшие его в те далекие годы.

Прочитал почти всю тетрадь... И удовлетворенно сказал:



К.С. Есенин. Балашиха. 21 октября
1984 года

— Вот так я писал. Когда это было? Софрино 1965 год. Мне было 45 лет. Почти столько, как вам сейчас. Теперь уже так не получится. Нужно подбирать доказательства. Кроме того, нужно вдохновение. Писать о футболе — это ведь другое дело. Мне помогает учет.

Впечатленный содержанием тетради, я воскликнул:

— Константин Сергеевич! Люди простят все шероховатости, корявости слога. Простят и поверят на слово, даже аргументов не потребуют. Всяких «шнейдеров» и «ройзманов» забудут, а вас помнить будут. А ведь скоро очередные юбилейные вечера. Почитатели Есенина вспомнят, где обещанная вами книга «Вокруг Есенина»? Надо будет отвечать.

— Да, да, знаю. Я буду писать. Вот из этих трех дачных дней денек выкрою на воспоминания. Только, знаете ли, я ведь буду писать все, что знаю и считаю нужным сказать всем. Так ведь не опубликуют... Да ладно, время рассудит! Было видно, что Константин Сергеевич устал, но разговор наш ему нравился, и расставаться не спешил, а предложил попить чаю:

— Настоящий, цейлонский! Зять, муж дочери Алины Ивановны, привез, он в тех краях часто бывает... А потом пойдем на озеро смотреть закат солнца.

Еще было достаточно светло, и я поторопился сделать несколько снимков — у крыльца на лавочке, на фоне сада... Хозяин прервал съемку:

— Все. Поднимусь наверх — включу камин. Пусть прогреется, чтобы ночью не замерзнуть. И свитер поддену... Прежде чем уйти со двора, остановился у террасы, застекленной цветными стеклами. Сказал, что все сохранилось со времен Мейерхольда, когда здесь на рояле играли Шостакович, Шебалин, Лев Оборин, читали стихи Маяковский и Ярослав Смеляков, бывали Михаил Кольцов, Эраст Гарин и даже Зиновьев и Ягода...

...За дачами, чуть под углом влево, прямо по редкой роще уходила тропинка. Зеленела трава, а деревья еще не полностью сбросили свой золотистый осенний наряд. Заходящее солнце светит навстречу прямо по тропе. Прекрасно!

— Вот отсюда я всегда вечером люблю смотреть, как заходит солнце. Здесь гуляю, здесь даже собираю грибы.

Константин Сергеевич дышит очень тяжело. Идем медленно. Через каждые тридцать-сорок метров отдыхает. Пояснил:

— У меня ведь отек легких был. Весной был в Тбилиси — пригласили любители футбола. Выступал. А потом застолье, вино рекой. По грузинским законам: не пьешь — значит не уважаешь. Вот оттуда попал прямо в реанимацию, еле спасли. Теперь вот быстрее ходить не могу, задыхаюсь.

Подходим к озеру, хотя, скорее, это запруда. Глубокие тени с противоположного берега лежат на зеркальной глади воды.

— Вот мосток, с которого мы с Алексеем Ивановичем любили пры-

гать в воду... — вернулся к началу нашей долгой беседы мой спутник и заявил:

— А теперь я расскажу об Алеке, моем сродном брате, что живет в Америке. Отношения с ним у меня нормальные. Он у меня бывал часто. Много фотографировались. Жаль, фото не могу показать — они у меня дома. Специальность у него — математик. Окончил физмат МГУ, кандидат наук, но шизик! Чокнулся на том, что в Советском Союзе нет прав и свобод. Лечился в психбольнице, сидел в Крестах. Тетушки, сестры отца, Екатерина и Александр, отрелись от него, напечатали в «Правде» какую-то галиматью.

Как-то после войны меня пригласили в органы: попросили последить за ним и обо всем докладывать. Он по-прежнему бузит, а я молчу. Вызвали еще раз и такой нагоняй дали! Запретили ездить за границу. В 1956 году выпала возможность поехать — не пустили. В первый раз я выехал за границу с футболистами только в 1958 году, и то по большому ходатайству.

Как-то ему удалось где-то за рубежом опубликовать свои стихи, но мне удалось запомнить лишь отдельные фразы:

*О сограждане, коровы и быки!
До чего ж вас довели большевики...
Но еще начнется страшная война,
И другие поступчатся времена.*

*...И когда пойдут свободно поезда,
Я уеду из России навсегда!*

*...Что я сделаю? Конечно, не вернусь!
Но отчаянно напьюсь и застрелюсь...*

— Стихи попали к Хрущеву: «Так вот чем занимаются наши молодые поэты!» И начались репрессии и гонения.

Алек вытворял не только это, пока в 1972 году его не вызвали в КГБ.

— Вот вы говорите, что у нас нет прав и свобод, какие есть на Западе. А вы там были? Нет? А хотите побывать? Тогда собирайтесь!

И выдворили его из Союза. Уехал, жену бросил. С 72-го года не виделись. Работал в Бостонском университете. Сразу по приезду в США напечатал книжицу-инструкцию «Как вести себя, если вас вызвали в КГБ». «А вы, прежде всего, не являйтесь» и т.д., и т.д. Расписал, как отвечать на возможные вопросы.

Напечатал еще несколько пасквилей на СССР. Женился на одесситке, еврейке. Там родство языка ценят. Сближает.

Встречался с Буковским, Еленой Боннер. Когда исписался, стал никому не нужен — оказался безработным. Я несколько раз звонил. Последний раз звонил года три назад. Был в Париже с футболистами, позвонил оттуда. Прямо на его счет. Соединили. Предупредил его: «Ты там не очень! Тебя ведь знают не только за твои достижения, но и благодаря имени отца». Попритих, бузить перестал. Лечился еще. Сейчас преподает. Не переписываемся. Надежде Давыдовне тоже не пишет. Диссидент, — заканчивает Константин Сергеевич.

Во время нашей долгой беседы в саду откуда-то возникла хромая серая кошка. Подошла, заскочила на столик, у которого мы сидели. Константин Сергеевич тотчас достал из кармана сверток, в нем оказалась заранее приготовленная еда. Покормил, погладил, приподнял над собой и, ласково заглянув в кошачьи глаза, опустил на землю. Я тут же щелкнул фотоаппаратом, пояснив: «На память с вашей любимицей!» Он же возразил на это, что кошка бродячая, приходит только во время его приездов, чтобы переночевать в доме. На это я процитировал невольно: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». В ответ сын автора этих известных строк заметил, что любовь к животным у Есениных — наследственное.

...Почти стемнело. Возвращаемся на дачу. Собираю сумку, укладываю фотоаппарат, записную книжку.

— Спасибо вам, Константин Сергеевич, за все! Извините, замучил вас совсем. Обратную дорогу найду сам.

— Нет, нет! Я вас провожу. Вот сейчас пойду выключу все, закрою и пойдем. Кстати, что за газета лежит у вас сверху в сумке?

— Свежий «Футбол-Хоккей». Это я купил в киоске у метро по дороге. Еще не смотрел.

— Там моя статья есть. Дайте мне. Не возражаете, я здесь оставлю надпись? — и ушел наверх.

Возвратившись, он вернул мне газету. Над статьей Константина Есенина «Есть над чем призадуматься» синими чернилами было написано: «Владимиру Ивановичу Николаеву. На память о хорошем дне 21 октября 1984 года. Когда мы гуляли по Балашихе. К. Есенин».

С глубокой благодарностью посмотрел я в карие, излучающие добро глаза:

— Спасибо!

В начале седьмого, наконец, выходим на улицу. Темно. Еле передвигаемся по колее. Одинокий фонарь высвечивает надпись на заборе: «Улица Есенина».

— Это у вас написано просто так?

— Нет, так официально называется улица.



Балашиха. Улица Есенина, 3. Дача Константина и Татьяны Есениных.
13 октября 1990 года

Идем в сторону стадиона «Машиностроитель».

— Вот справа за глухим забором ведомственное здание военных. Отсюда по утрам на разминку выбегают крепко сложенные молодые люди. Похоже, здесь кого-то готовят. Дальше я не пойду. Обойдете стадион, будет остановка «Горсовет», переходите на ту сторону — там переход есть — и любым автобусом до метро «Измайловская».

— Спасибо вам за все! Утомились?

— Нет, ничего. Пойду сейчас работать, как вам обещал. Буду писать «Вокруг Есенина». Вы когда улетаете? Двадцать пятого? Звоните, буду ждать. До свиданья! — и крепко пожал руку. Возвращая книгу, он приветливо и слегка грустно сказал:

— Спасибо вам.

— Мне? Спасибо... За что?

Глава V

Поездка по Рязанщине

Встретить 90-летие со дня рождения Есенина я намеревался на его родине, в селе Константиново. Но жизнь попыталась внести в задуманные планы коррективы — 15 июля 1985 года в подшефном совхозе «Межениновский» при заготовке кормов в тайге, на «неудобицах» (так назывались недоступные для техники лесные поляны) со мной случилась беда: порвал мениск и повредил крестообразную связку коленного сустава. Врачи сказали, что после операции не менее двух месяцев придется ходить на костылях. Это ставило поездку под угрозу срыва. Пришлось письменно отказаться от операции и начать учиться, сцелив зубы, ходить с тростью в тугой повязке на ноге. Затягивать приходилось так, что к вечеру нога опухала и становилась как бревно. Но намеченные планы все же удалось воплотить.

В начале сентября послал письмо Константину Сергеевичу с просьбой написать, когда и где планируется провести основные юбилейные мероприятия.

23 сентября он написал мне ответ:

«Вплоть до самого последнего дня «среднеуважаемая» есенинская комиссия не имела четкого плана мероприятий в связи с 90-летием С.А. по Москве.

И вот только 19.IX на заседании ее (наверное, последнем) был зачитан план... упор на декаду 14–24 октября.

1–4 — По городам.

Меня уже тянут «силком» в Рязань, хотя я не очень хотел...

Чем Вам помочь?

В Рязани, если успеете — я возьму Вас под «крыло» — если не успеете — вот Вам «пропуск»:

«Прошу сим томича Николаева Владимира Ивановича пропустить ко мне через все рогатки и препоны в граде Рязани».

До встречи. К. Есенин 23.IX.1985»

Взяв отпуск, я вылетел в Москву, утром 26 сентября уже нажимал знакомую кнопку 126-й квартиры в доме 32/7 на Щербаковской улице.

Константина Сергеевича дома не было. Алина Ивановна встретила приветливо, пригласила в комнату, захлопотала над чаем и незамедлительно стала делиться новостями:

— Константин Сергеевич едет в Рязань. Пошел в магазин «скупаться». На вопрос, «пишет ли воспоминания», ответила отрицательно:

— Очень много пишет для газет о футболе. Жить-то не на что, надо зарабатывать. А еще, — перешла она на шепот, очевидно, выдавая семей-



Рязань. Памятник Сергею Есенину

ную тайну, — он пишет... стихи. Знаете, неплохие стихи, получше Евтушенко.

Раздался звонок. Со словами: «Пришел! А мне же надо в парикмахерскую!» — Алина Ивановна бросилась испуганно открывать дверь.

— А, ты еще здесь, не ушла. Сейчас же собирайся! Две минуты, и чтоб ноги твоей не было здесь!

— Вот так надо обращаться с ними! Диктатура! Диктатура! И еще раз диктатура! — проговорил Константин Сергеевич, здороваясь со мною. — Прилетели? Когда? А письмо мое получили? Вы сидите, а я прилягу. Устал очень, отдохну — поговорим. Где устроились? Сколько времени будете у нас? — получив ответы на свои вопросы, он стал делиться информацией:

— Очень жаль, опоздали! Вчера был на вечере в МГУ. Там всем zapравляет Виталий Александрович Вдовин. Вы его знаете — профессор, есениновед. Вечер прошел очень хорошо. Много интересных докладов. Преподаватели, кандидаты наук, аспиранты, студенты меня засыпали вопросами.

Раздался телефонный звонок.

— А-а, Виталий Александрович, вы? Здравствуйте! Нет, нет! Просто лежу, отдыхаю... Что, что? Понравилось, как я ему ответил? Да, да...

Это армейская привычка политработника... Вы ведь знаете, я окончил школу политруков. Что? Как сыграли вчера наши с Данией? Не знаю еще. Вчера от вас пришел поздно, а сегодня с утра не стал звонить.

— Это Вдовин, — говорит Константин Сергеевич мне, — большой болельщик футбола. Вчера не посмотрел встречу — жалеет очень, как и я. Хочу сообщить вам приятную вещь: договорился с Сергеем Михалковым (его ЦК назначил ответственным за проведение всех есенинских мероприятий) — вас включили в состав делегации Союза писателей для поездки по Рязанщине на юбилейные мероприятия. Руководителя группы Проскурина Михалков уже предупредил. Довольны? Только все за ваш счет. А теперь мне надо сходить еще в одно место. В прачечную. Собрался ехать, а не в чем. Придется ехать в этом костюме. Вот только приведу его в порядок. У вас время есть? Вы куда не спешите? Не хотите ли со мной прогуляться? Здесь недалеко.

Переодевшись в старенькое синее трико (обыкновенное х/б), накинув сверху плащик и прихватив сумку на колесиках, Константин Сергеевич поспешил на выход. Я пошел за ним. В который раз подумалось: «В какой бедности, почти в нищете, живет в нашей стране сын великого поэта. Даже на родину отца съездить не в чем!»

Приемный пункт был недалеко, на соседней улице. Проводил его туда и обратно. Говорили просто про жизнь в Москве, о моей травме ноги. У подъезда, прощаясь, как-то виновато извинился:

— Не смею вас задерживать больше. Тороплюсь. Ко мне скоро, в 3 часа, собирались прийти Синельников из Липецка и Макеев из Неи. Не знакомы? Жаль. Хорошие ребята. Тоже собиратели.

Я вновь почувствовал, с каким уважением относится он к таким людям. Наверное, потому что сам был самым великим собирателем всех знаний и материалов о мировом и отечественном футболе.

Вечером, возвратившись к себе в номер гостиницы молодежного спортивного лагеря «Спутник» под Звенигородом, поужинав и сняв с ноги тугую повязку, полулежа в постели, я до поздней ночи заносил в записную книжку события прожитого дня и четырехчасовой беседы со ставшим близким мне человеком.



Тридцатого, чуть раньше условленного времени, приехал на вокзал. Посадка на рязанский поезд уже шла. Заглянув в газетный киоск и купив несколько юбилейных «есенинских» свежих журналов «Огонек», прошел к девятому вагону. Немного волновался. Встав в створонке, стал наблю-

дать. Около проводника стояли две женщины, приветствовали входящих. Минут за двадцать до отхода поезда пришел мой покровитель. Отправив Алину Ивановну в вагон, Константин Сергеевич подошел ко мне и, поздравившись, повел меня к женщинам.

— Знакомьтесь! Тамара Петровна! Это товарищ из Томска, Владимир Иванович. Сергей Владимирович вам говорил о нем.

— Да-да. Я помню.

— Вот и хорошо. Вы тут решайте все вопросы, а я пошел в вагон. Устал немного — посижу.

— А он в состоянии «решать»? — поинтересовалась женщина.

— Ну, раз приехал, значит, на что-то рассчитывал. Я его предупредил.

Вторая женщина, как оказалось, тоже Тамара Петровна, главбух отдела пропаганды Союза писателей, открыла дипломат, быстро посчитала что-то на счетах, выписала квитанцию.

— Пожалуйста! Здесь все: проезд, гостиница, питание за четверо суток, автобусы.

Сумма оказалась приличной, но вполне терпимой.

— Проходите в следующий, девятый, вагон. Поедете с начальством.

Следующий вагон оказался плацкартным, полупустым. Поставив сумку в свободном купе, прошелся по вагону, увидел Прокушева с супругой, Кошечкина, в соседнем купе узнал писателя Проскурина.

Поезд тронулся, а вагон остался полупустым. Возмутило до глубины души. Как так? Больной сын поэта, на чей юбилей едет вся эта делегация, сидит в душном переполненном общем вагоне! Прошел к проводнице, заплатил еще за одно место и пошел за Константином Сергеевичем. Он с большой радостью согласился перейти ко мне в купе, и потекла оживленная трехчасовая беседа. Вначале он прилег. Минут пятнадцать полежал с прикрытыми глазами, затем сел. Начал расспрашивать о моей работе. Пришлось отвечать «вокруг да около», только не говорить правды о своем засекреченном производстве. Наконец удалось перевести разговор на футбольную тему. Теперь уже изредка задавал вопросы я, а он все говорил и говорил. Вспомнил снова томича — однополчанина Израиля Яковлевича Кофмана — начальника штаба 177-й стрелковой дивизии, лично вручавшего ему боевые награды. Интересовался, как он живет, где работает. Потом спохватился:

— Скоро Рязань. Знаете, что? («Знаете?» — было его любимым словечком.) Давайте пойдем в мой вагон — я познакомлю вас с есенинской родней.

Выведя меня на середину вагона, зычным командирским голосом, перекрывая стук колес, держа за руку, он представил меня всем окружаю-

щим. Где-то рядом блеснула фотовспышка — это седая, вся в белом старушка сфотографировала нас вдвоем. Подойдя к ней, он познакомил нас ближе:

— Это доктор филологии, есениновед Джеси Девис из Англии.

Она еще раз щелкнула фотоаппаратом. Я растерялся — вдруг напечатает где-нибудь в английской прессе?! И на обратном пути, подойдя к ней с книгой за автографом, хотел попросить ее не публиковать фото — для меня это было недопустимо, потом постеснялся.

— Извините, знаете ли, я забыл сделать одно дело. Пойдемте, — Константин Сергеевич поспешил обратно в мой вагон. Войдя в купе, он сел за столик, взял из стопки один «есенинский» «Огонек», полистал, посмотрел материал и, слегка улыбнувшись, тихо и душевно сказал:

— Я хотел сделать вам на память автограф. Не возражаете? Вот здесь, — показал он понравившееся место и, достав ручку, написал: «Владимиру Ивановичу на память о 604 поезде Москва — Рязань и беседе в 9 вагоне. К. Есенин. 30.IX.85».

Он ушел, оставив меня с грустными мыслями: «Как такое может быть?! Константин Сергеевич ехал в «штабном» вагоне почти четыре часа. Все видели это — двери в купе были открыты. Никто не подошел и даже не поздоровался. Вот откуда его слова: «среднеуважаемая» есенинская комиссия!»



В Рязань приехали в начале двенадцатого ночи. Два «Икаруса» быстро отвезли нас в гостиницу. Второпях расселили по номерам и позвали на ужин («Бланки заполните потом — ресторан закрывается!»). Мне достался номер как у поезда — 604-й! Вторым в номере оказался московский поэт Владимир Иванович Куприянов.

В ресторане для гостей было выгорожено ленточкой чуть более трети зала. Константин Сергеевич позвал к себе:

— Будем питаться вместе. Не возражаете?

Стол был на четверых, но одно место так и осталось на все четыре дня свободным.

В номере, быстро подготовив на завтра фотоаппараты, включив с разрешения соседа настольную лампу, засел записывать события прожитого дня.



1 октября. В плане — Рязань: с утра — экскурсия, затем встречи с трудовыми коллективами.

В ресторане перед завтраком Тамара Петровна попросила меня тоже подойти к ней. За столом Константин Сергеевич сказал:

— Я рекомендовал вас Прокушеву как лектора общества «Знание» по есенинской тематике, неплохо знающего Есенина и его стихи, и просил наряду с писателями использовать вас на встречах с коллективами — не будете же вы полдня сидеть без дела?! Не робейте, Владимир Иванович! Знаю, у вас все хорошо получится. Я с вами не буду: у меня своя группа.

Освободившись, я пошел к столику Тамары Петровны. Заметив, что они с собеседницей развернули бумаги и о чем-то разговаривают, присел за столик рядом и стал невольным слушателем окончания разговора: «Михалков сказал: «До столетия я не доживу, так отгромаем 90-летие так, чтобы запомнили все!»

— Юрий Львович велел включить вас в свою группу. Поедете с ним на станкостроительный завод. Подготовьтесь выступать, минут на 5-7. Выезд в 15:00, сбор в вестибюле. Не опаздывайте, — сказала Тамара Петровна тоном, не терпящим возражений.

Стало ясно, что долг за включение в состав делегации надо отрабатывать.

Экскурсия началась с рязанского кремля. Здесь проявила активность племянница Есенина Татьяна Петровна Флор, дочь сестры Шуры. Она умело задавала вопросы экскурсоводу, изредка дополняла его. И даже мягко одернула опоздавшего вместе с женой и увлекшегося посторонними разговорами Станислава Куныева. Ее кузина, дочь сестры Есенина Кати, Наталия Васильевна Наседкина-Есенина, наоборот, слушала все не обронив ни слова.

До этого я был в Рязани три раза, с экскурсоводами и без, поэтому, пользуясь негласными правами фотографа, позволял себе отвлекаться. Заметив отставшую от группы и увлекшуюся осмотром собора Джеси Девис, подошел к ней и попросил разрешения сфотографировать ее. Через несколько минут откуда-то появился молодой человек и предупредил, чтобы я не задерживался. Позже узнал, что это был «сопровождающий из обкома». Еще одно нарушение режимной инструкции, запрещающей мне вступать в контакт с иностранцами, я допустил, когда подал руку Джеси, спускающейся с высокой ступени «Икаруса».

Вечером в гостинице я обнаружил, что вещи в моей сумке лежали не в том порядке как обычно. А дома, по возвращении на работу, меня действительно ждала «воспитательная» беседа.

После обеда в вестибюле собрались отъезжающие на встречу писатели. В группу Прокушева, кроме меня, вошли еще писатель и критик Семен Шуртаков, поэт Виктор Гончаров и Джеси Девис. На заводе нас встретили с цветами. Зал был переполнен. В президиум прошли еще двое: секретарь парткома завода и Герой Социалистического Труда, бригадир станочников завода. Встречу открыл вступительным словом секретарь, затем пере-

дал слово ведущему Прокушеву. Мне пришлось выступать сразу за Джеси Девис. Джеси говорила по-русски; говорила долго и интересно о том, что в Англии сейчас сделали серьезное открытие, будто растения чувствуют и понимают человеческий голос.

— Поэтому рекомендуется, поливая домашние цветы, разговаривать с ними, и они в ответ лучше растут. Есенин любил природу и тоже разговаривал с нею. Недавно в Англии вышла книжка, где 147 его стихотворений переведены на английский язык.

В заключение она прочитала наизусть на английском языке «Русь советскую».

Я быстро сориентировался и начал свое выступление, соригинальничав:

— Джеси только что прочитала «Русь советскую» на английском, я попытаюсь перевести ее на русский! — и прочитал ту же поэму Есенина наизусть.

Контакт с залом был установлен, но в положенное время я не уложился.

Поэт Гончаров читал свои стихи о Есенине. Интересно рассказывал Семен Шуртаков о новых изданиях Есенина, об их громадном тираже, говорящем о большой всенародной любви к гениальному русскому поэту.

Герой — станкостроитель Поляков сказал, что он вырос в другое время, когда Есенина не издавали, но его стихи помнит с детства. Ведь родился и вырос он тоже в Рыбновском районе, недалеко от Константинова.

Нас долго не отпускали, окружили, расспрашивали. Кажется, Прокушеву встреча понравилась. По дороге в гостиницу он долго говорил на отвлеченные темы, улыбался. Таким я видел его впервые.



2 октября. В плане — поездка в Спас-Клепики на открытие музея и памятника Есенину.

В ресторане Константин Сергеевич, еще не доходя до нашего стола, громогласно спросил у меня, но так, чтобы слышали все: «Ну, как? Вас здесь не обижают? Нет? Это хорошо». Затем спросил о вчерашней поездке: с кем и куда ездили, как выступал, как встречали? Доволен ли? Завтракали торопливо — автобусы уже ждали.

В автобус Константин Сергеевич пришел последним. У входа его ожидала, задерживая отправление, Наталия Васильевна Наседкина.

— Знаете ли, пришли рязанские знакомые: Бурачевский с друзьями. Я познакомлю вас, — прошептал он мне, устраиваясь напротив в третьем ряду. И уже громко сказал:

— Ну, что, поехали?!

Затем, лукаво посмотрев в мою сторону, добавил:

— Кто здесь главный? Поехали!

И на чей-то недоуменный вопрос ответил:

— Как это, кто главный? А кто в книге свою фамилию сверху крупно, а пониже и помельче — «Есенин»?

Настала гробовая тишина. В этот момент я успел заснять его сидящим на девятом месте «Икаруса». Позже я слышал, как Юрий Львович выговаривал ему:

— Костя, перестань дурить!

К памятнику в Спас-Клепиках мы подъехали без десяти одиннадцать. Еще бегали катки, устраняя недоделки, раскатывали только что уложенный асфальт. Ровно в одиннадцать они все закончили. (Так уж заведено у нас в России. Успели!) Шел дождь, и в воздухе висело марево. Тепло сквозь подошвы приятно ласкало ступни ног. Автобус остановился чуть в стороне от асфальта, и Джеси Девис, осторожно ступая, чтобы не выпачкать свои белые сапоги, проговорила:

— Есенин писал: «Не ставьте памятник в Рязани...»

— Джеси! Вы неправильно поняли. У Есенина памятник — это образ. Имидж! — возразил Проскурин, помогая ей выбраться из грязи.

Возложив цветы к памятнику, делегация направилась дальше. Нас торопили. Открытие музея спланировано на двенадцать; до этого гости должны были побывать в райкоме партии.

У здания райкома автобус ожидала группа школьников с букетами цветов. Они пришли встречать сына Есенина. Дождавшись, когда Кон-



К.С. Есенин в автобусе на маршруте
«Рязань – Спас-Клепики»,
2 октября 1985 года



Пионеры с подаренными К.С. Есениным цветами. Спас-Клепики,
2 октября 1985 года

Константин Сергеевич выйдет из автобуса, они шумно бросились дарить цветы. Он оживился, на лице появилась радостная улыбка, глаза засветились. Стал расспрашивать ребят, как учатся, что читают, знают ли стихи Есенина. По его просьбе дети стали читать стихи, начался своеобразный концерт. Секретарю райкома по идеологии, вышедшему предупредить Константина Сергеевича, что его ждут, он, сославшись на плохое самочувствие, сказал:

— Мне трудно будет подняться на третий этаж — легче подождать здесь. Я лучше подарю ребятам по цветочку, и они запомнят, что в день открытия музея Есенина в Спас-Клепиках сын Есенина подарил им по цветочку.

— Ну а я сфотографирую всех на память об этом событии и вышлю вам фотографии через музей, — пообещал я, разворачивая ребятшек в полукруг для съемки.

К концу встречи Алине Ивановне все же удалось затащить мужа в райком.

К музею гости подъехали вовремя. К церемонии открытия все готово. Перед школой-музеем огромная свежескопанная клумба. Вокруг нее под разноцветными зонтами плотным большим полуovalом стоят жители и гости городка, где в начале века жил и учился будущий поэт, юный Сережа Есенин. Асфальтированная площадка перед школой, выгорожен-

ная ленточками и оборудованная микрофонами, была предназначена для почетных гостей. На крохотном крыльце у дверей школы прятались от дождя фоторепортеры. Митинг открыл коротким выступлением Петр Лукич Проскурин. Затем выступали секретарь Рязанского обкома партии по идеологии, директор открываемого музея, ученый-есениновед Прокушев, Константин Сергеевич, секретарь Рязанской писательской организации Золотов, зам. председателя облисполкома по культуре Лялина. Поэты читали свои, посвященные Есенину, стихи. Юван Шесталов прочитал стихи Есенина в своем переводе на язык народа манси. Со своим фотоаппаратом я свободно проникал в любую точку и заснял всех выступающих, а с ними и двух девушек в высоких белых кружевных кокошниках и с такими же воротничками, стоящих у входа на крыльцо и держащих в руках натянутую красную ленточку.

Настала торжественная минута открытия музея. Первым у ленточки оказался Константин Сергеевич, за ним — Прокушев и Лялина. Слегка отеснив его в сторонку, они перерезали ленточку. Первыми в музей вошли Проскурин с Прокушевым, за ними — Константин Сергеевич с Наталией Васильевной, затем вся остальная делегация. Стараясь ни на минуту не терять из вида Константина Сергеевича, я рассматривал экспозицию. Фотографировал. Неожиданно заметил, что вся есенинская родня сошлась вместе. Это была удача. Я быстро подошел к ним, попросил встать



Открытие филиала ЕМЗ С.А. Есенина в Спас-Клепиках. К.С. Есенин, Ю.Л. Прокушев, Р.С. Лялина. 2 октября 1985 года

поближе друг к другу и сделал несколько снимков. Позже, проявив пленку, убедился, что это лучшие снимки, сделанные мною в помещении.

По окончании экскурсии нас повели на встречу с преподавателями и учащимися строительного технического училища, выполнившими реставрационные работы Спас-Клепиковской школы-музея. Зал был переполнен. Даже в проходах и в коридоре у входа в зал — всюду люди, много детей. Снова выступления, выступления. Уже не фотографирую — закончилась чувствительная пленка, предназначенная для съемки в помещениях. Зато удалось законспектировать замечательное выступление Петра Лукича Проскурина.

По окончании встречи нас пригласили на обед в столовую.

После обеда нам сообщили, что программа пребывания писательской организации не закончена и сейчас нас повезут в профилакторий отдохнуть. Константин Сергеевич предупредил меня, что он уезжает в гости к рязанцам:

— Сегодня игровой футбольный день. Меня пригласили поболеть в домашней обстановке. Задержусь допоздна — так что на ужин не ждите.

По пути в профилакторий наперерез автобусу выскочил знакомый уже по выступлению со своими стихами на открытии музея мужчина.

— Не обращайтесь внимания, — сказал шоферу Прокушев. — Это местный графоман. Поехали дальше!

— Нет, нет! — возразила Наталия Васильевна. — Его пригласил Константин Сергеевич. Так поступать нельзя. Остановите и подберите чело- века! — твердо потребовала она.

Впервые за два дня я услышал ее голос.

К месту назначения доехали очень быстро. Нас встретили на улице и пригласили прямо... в столовую. Не прошло и часа, как снова нам предложили вкусно пообедать!

Не было ни речей, ни тостов (в стране вступил в силу «сухой закон»). Просто обедали и разговаривали. Я сидел с тремя рязанскими писателями. Рядом Прокушев кому-то рассказывал о своей домашней есенинской коллекции. Я сидел и молча слушал других. После салатов и первого подали второе блюдо — по большому отварному куску печени. И тут случился маленький курьез. Все четыре куска печени, общим весом, наверное, более полукилограмма, были красиво разложены с зеленью на одной тарелке, но поставлены были не в центре стола, а с краю, рядом с одним из едоков. Он пододвинул тарелку к себе еще ближе и, ловко орудуя ножом и вилкой, ничего не замечая вокруг, молча посылал порцию за порцией в свое чрево, пока тарелка не оказалась пустой. То ли соблюдая субординацию (товарищ был старше по возрасту и положению), то ли все и без того были сыты по горло, но никто за столом не придавал этому значения. Лишь изредка поглядывали на «старшего» — не случится ли с ним что-нибудь...

Заметив, что неподалеку за столиком есенинские племянницы Наталия Васильевна и Татьяна Петровна, закончив с десертом и допив чай, спокойно разговаривают между собою, я, извиняясь, подошел к ним с книгой «Есенин. Воспоминания родных» и попросил сделать мне автограф. Они приветливо согласились. Так появился в моем собрании автограф: «Владимиру Ивановичу Николаеву на добрую память о есенинских юбилейных днях на Рязанской земле 2.10.85. Н. Есенина, Т. Флор».

После застолья мужчины вышли во дворик профилактория покушать. У выхода стоял чей-то велосипед. Проскурин взобрался на него и, периодически подстраховывая себя от падения свешенной ногой, попытался проехать круг по дворику.

— Да он у нас под Льва Толстого целится! — весело пошутил Прокушев.

Сытые, довольные и отдохнувшие от переполнявших нас эмоций возвращались мы в гостиницу.

На ужин нас пригласили попозже, но ресторан еще работал. В отгороженной основной части зала играла музыка. Появившийся в зале Юрий Львович сразу же нырнул под ленточку ограждения, подошел к оркестру и потребовал замолчать. Возвратясь, объявил всем:

— Завтра напряженный день. До отъезда в Константиново мы поедем возлагать цветы к памятнику Есенина. Автобусы отойдут в восемь тридцать. Убедительно прошу не опаздывать.

Отужинав не торопясь, я осмотрелся вокруг. В зале оставалось лишь несколько человек. За столиком у окна одиноко сидел Проскурин. Его спокойный добродушный вид подтолкнул меня на дерзкую мысль. Я быстро достал из кармана записную книжку и на листочке сделал выписку из конспекта его выступления в Спас-Клепиках: «Тайну гения, а Есенин — гениальный поэт, объяснить очень трудно, очень сложно, очень ответственно» — и подошел к его столику.

— Петр Лукич, посмотрите, пожалуйста! Это ваши слова?

Он взял листочек, внимательно прочитал и, повернувшись ко мне, недоуменно спросил:

— А что? Вы не согласны?

— Да нет, мне они очень понравились, и мне хотелось, чтобы вы записали их мне в качестве автографа.

— Пожалуйста, я сделаю это с удовольствием. Давайте, куда их записать?

— Извините, вы сможете подождать минуточку? Я мигом, только сбегая в номер за книгой.

Выбрав из стопки полученных накануне по заказу есенинских книг лучшую, я быстро спустился вниз. Петр Лукич аккуратно вписал в кни-

гу автограф. Перечитал, задумался. Затем посмотрел на часы и поставил дату «3.X.85» (шел уже первый час ночи).



3 октября 1985 года, вторник. Есенину — 90 лет! Сегодня едем в Константиново на Первый праздник есенинской поэзии! Спускаюсь на завтрак. Константин Сергеевич уже в зале, стоит у столика возле солидного мужчины. Разговаривают.

— Это Вдовин Виталий Александрович, профессор МГУ, — говорит он мне, возвратившись. — Только что приехал со своими аспирантами.

Возложение цветов потребовало менее часа. К памятнику подходили колонной попарно, в той же последовательности, как и вчера входили в музей. Я с фотоаппаратом чуть поодаль. Константин Сергеевич заметно волновался. Возложив цветы и отойдя в сторонку, достал и проглотил таблетку. В автобусе мне сказал:

— Не обращайтесь внимания, это обычное дело, — достал и проглотил еще одну таблетку. Дальше всю дорогу молчал.

Менее чем через час мы были уже в Константинове. Ясная солнечная погода. Несмотря на будний день, полно людей. Всюду песни, гармошки, радостные, счастливые, улыбающиеся лица.

Нас разбили на две группы. Одну повели в дом Есениных, вторая осталась в литературном музее. Константин Сергеевич очень внимательно слушал экскурсовода. У стенда, где были фотографии детей Есенина в детстве, экскурсовод сказала, что Костя сейчас известный футбольный статистик.

— Я не статистик, а спортивный журналист, — резко оборвал он растерявшуюся женщину, очевидно, не знавшую, что Константин Сергеевич в этой группе.

Затем экскурсия продолжилась в доме Есениных. Здесь уж экскурсовод не оплошала и показала на небольшой сундучок:

— Этот сундучок — походный чемодан Сергея Есенина — подарок музею от Константина Сергеевича!

По дороге к сценической площадке многие просили сына Есенина дать автограф. Около Дома культуры толпа вообще чуть не задавила его. Пришлось поработать локтями, вызволяя.

К месту проведения митинга мы подошли в числе последних. Я не стал подниматься на сценический помост, а занял место, попросив потесниться, в середине первого ряда — отсюда удобно было снимать.

Огромный деревянный сценический помост на самом краю высокого обрывистого берега Оки. Слева видны приокские дали с одиноко стоящими, еще не сбросившими свой осенний наряд, деревьями. На краю сцены, почти у обрыва, возвышается огромный портрет великого сына рязанской земли

Сергея Есенина. На сцене в задней части двумя рядами выстроились самодеятельные артисты. Перед ними три ряда стульев для почетных гостей. Всего на сцене более сотни человек!

В 12 часов звучит музыка. На помост поднимаются девушки в русских расписных сарафанах и кокошниках, с хлебом и солью на белом полотенце. Навстречу им выходят Проскурин, Прокушев, поэты Сорокин и Гончаров, секретарь Рязанского обкома партии Голованов, заместитель Министра культуры РСФСР Шкурко, заместитель председателя облисполкома Лялина.

После гостеприимного приема литературный митинг открыл и повел Петр Проскурин.

— Все полнее открывается значение творчества Есенина в наши дни, — сказал в своем выступлении Шкурко. — 267 раз общим тиражом свыше 58 миллионов экземпляров выходили его произведения в нашей стране.

— Спасибо нашей голубоглазой матери-Родине, которая родила и подняла такого поэта, — сказал московский поэт Валентин Сорокин и прочитал свои стихи о Есенине.

— Есенин, быть может, как никто из поэтов, был предельно искренен с читателем, — прозвучало в выступлении Николая Доризо.

Выступив после одного из рязанских поэтов, москвич Владимир Костров задиристо заявил:



Первый праздник есенинской поэзии в Константинове.
Выступает поэт из Ханты-Мансийска Юван Шесталов

— Рязанцы по праву гордятся, но я не согласен: Есенин наш, русский поэт. Он стал нашим национальным поэтом.

— Есенин любил поэзию как женщин, как свою землю. Есенин мыслит как манси, как язычник. Поэтому и легко мне его переводить, — сказал поэт-переводчик, ленинградец Юван Шесталов.

Выступили еще поэты: москвич — фронтовик, Герой Советского Союза Михаил Борисов, свердловчанин Леонид Сорокин, Фальварочный из Черновцов и другие.

Владимир Куприянов подарил Владимиру Исаевичу, директору музея-заповедника, собственноручно выполненную из коряги скульптуру Музы с выжженными на полированном березовом срезе собственными стихами, посвященными Есенину. Народный умелец из Железноводска Александр Вартанов передал музею свою работу — барельеф Есенина из янтаря.

Выступая, Астахов выразил пожелание:

— У нас сегодня настоящий народный праздник. Мы о таком празднике только мечтали. И вот он пришел на рязанскую землю. И хочется, чтобы такие праздники в день рождения Есенина стали традицией и проводились ежегодно.

На празднике присутствовали зарубежные гости: посол Польши в СССР Снислав Колочек с женой и есениновед из Великобритании уже упоминавшаяся Джеси Девис.

После митинга нас пригласили в константиновский ресторан «Русь». Пошли оживленные разговоры. Приподнятое настроение создавал фирменный напиток ресторана — медовуха. На столиках, вопреки сухому закону, появилось немного и более крепкого напитка. Константина Сергеевича не было. Меня посадили за столик к Астахову. На память он подарил мне свою брошюру с автографом: «Николаеву Владимиру Ивановичу на память о Первом Всесоюзном празднике поэзии, посвященном 90-летию С. А. Есенина 3.X.85».

На вечер этого дня было спланировано еще торжественное собрание с большим концертом в рязанском Концертном зале имени С.А. Есенина. Заседание открыл первый секретарь Рязанского обкома партии Приежаев и передал слово ведущему Прокушеву. Для участия в прениях записалось 18 человек. Как ни старался Юрий Львович — соблюдая регламент, он смог удовлетворить лишь две трети желающих выступить.

В перерыве перед концертом в фойе возле бюста Есенину скульптора Онищенко (полная копия памятника Есенину во дворе дома Есениных) Константин Сергеевич представил меня своим рязанским друзьям и попросил их приютить у себя, когда в будущем я буду приезжать в Рязань. Кто-то, кажется, Игорь Бурачевский, сфотографировал нас всех вместе.

Ужинали мы поздней ночью. Было уже 4 октября — день отъезда в Москву. Из этой замечательной поездки по Рязанщине возвращался я с почти заполненной большой записной книжкой и почти полутора сотнями фотоснимков произошедших событий и интересных, повстречавшихся в поездке людей, любящих Сергея Есенина.

Глава VI

Последняя встреча

Это была последняя встреча с Константином Сергеевичем Есениным... Вечер в музее К.С. Станиславского 11 октября 1985 года был в числе заранее спланированных других значительных мероприятий в честь 90-летия Сергея Есенина. О нем Константин Сергеевич сообщил мне письмом, и я планировал свой отпуск так, чтобы побывать и на этом вечере. На все время проведения есенинских праздников в том году я остановился в молодежном лагере за Звенигородом. На Белорусский вокзал электричка пришла в 12 часов. День был свободен, что позволило прийти в музей пораньше. Прошел с экскурсией по залам, посидел во дворике, подготовил фотоаппарат. Выбрал самое удобное место в зале, рядом со сценой, у рояля, на котором разложил аппаратуру, блокнот для записей.



Константин Сергеевич появился в зале перед самым началом, около пяти часов. Зал был небольшой, вмещал не более 50 человек. Это был домашний репетиционный зал студии Станиславского. Мое место оказалось очень удачным, что и позволило запечатлеть все, что происходило на сцене и в зале, одновременно законспектировать выступления.

Открыл вечер директор музея В.К. Григорьев. В частности, он сказал: «Есенин и Станиславский встречались мало. Но они дышали воздухом одной эпохи. Есенинские шедевры «Анна Снегина», «Пугачев», «Черный человек» показывают, что мы потеряли не только великого лирика, но и великого драматурга. Есенин был дружен со многими актерами. Сегодня мы пригласили на встречу ветеранов МХАТа и сына Есенина...»

Константин Сергеевич медленно поднимается на сцену, проходит между колоннами к столику с лампой под зеленым абажуром...

— Простите, я сяду. Посмотрю, чтобы определиться — с кем имею дело... Смотрю вот в зал — все вроде моего возраста. Женщины чуть помоложе, мужчины постарше... (Смех в зале.)

У меня был дед. Прожил 84 года. Он говорил: «Старость — это такая гадость». Недавно я прочитал у кого-то из древних: «Старость — это такая



К.С. Есенин выступает в музее К.С. Станиславского на встрече с ветеранами МХАТа. Москва, 12 октября 1985 года

награда». Я нахожусь в возрасте, когда в метро место уступают. И этот возраст уже заставляет задуматься... Сколько ни хожу по Москве, не видел афиш, чтобы сын об отце говорил. Это очень трудное амплуа...

Когда мне было двадцать лет и я учился, в учебнике о Есенине было четыре строчки. Потом я прожил лет десять, в том числе войну, и еще с десяток — Есенин стал «выдающимся», еще с десяток — «крупнейшим». Когда под шестьдесят стало, появилось слово «великий»... Трудный это путь — от четырех строчек до эпитета «великий». Если раньше, когда «крупнейший» был, трудно было говорить, а теперь, когда «великий» — ответственно.

Окончательно освоившись и войдя в контакт с залом, Константин Сергеевич продолжил:

— Все Есенины — немного бунтари, немного заводилы. Этим и Сергей Александрович отличался. Перебираю родственников — я самый благополучный в этом отношении. Как-то Евтушенко сказал: «Меня секретарем Союза писателей выбрали. Голосование было: 6 человек всего против. И мне горько как-то стало». Вот и меня это немного огорчает. Я только что приехал из Рязани. Вот сидит товарищ из Томска, на празднике мы вместе с ним были. Он знает — я кусчий и отвечаю на все ваши вопросы.

Раньше, когда живы были все, кто знал отца, выступали они. Я отказывался, ссылаясь на возраст. Мне тогда и шести лет не было, когда я его видел последний раз. Но теперь они умерли все, и я понял, что теперь говорить должен я. Недавно вышло немного моих воспоминаний. Я собрал все, что сохранилось в памяти. Еще раньше, в юности, я сделал несколько

набросков этих эпизодов. Их оказалось всего пять четких и три нечетких. Это так мало...

Ну, вот, например. Мы с Таней играем на полу с книжками. Подходит он. Смотрит книжки. Не понравились: «Надо читать мои стихи». Мы первый раз видели своего отца... Ушел. И появились стихи о пастушонке Пете...

Еще. Я вбегаю в столовую, а он стоит у стены, в пальто, шапка в руках, голова опущена. А Зинаида Николаевна говорит на повышенных тонах. Он молчит. Потом, когда я прочитал «Вы помните, вы всё, конечно, помните...», спрашиваю: «Мама, не о том ли случае в столовой?» Она задумалась и пожала плечами. Но я уверен, что стихотворение именно об этом случае. Или еще подобные случаи были. Мать очень резкая была.

Воспоминания у меня все такие, чуть расплывчатые. Неясные. Он в светлом костюме. Белый. Знаете, такой, как на парижском портрете. В последней книге я назвал свои воспоминания «Через волшебный фонарь...»

(«Так вот почему этот парижский портрет Есенина, вырезанный из газеты большого формата, наклеенный на ватман, висит над шкафом в квартире К.С. Есенина на Щербаковской! Это живой образ отца, запечатленный детской памятью» — подумалось мне.)

— А потом отца не стало. Припоминаю, как все это случилось. Я считаю, что именно случилось, — подчеркивает Константин Сергеевич с ударением на последнем слове.

— Если бы он думал об этом, не рассчитывал на будущее, он не взял бы с собой сундук Айседоры. Эдакий шкаф-чемодан с полочками и вешалками. Не взял бы с собой все вещи, все свои черновики. Он уезжал в Ленинград всерьез, ехал жить и работать, а не умирать!

О некоторых чертах характера отца я могу только догадываться. Я знал его окружение: Августу Миклашевскую — с ее сыном я учился в одном классе, это он завлек меня в секцию бокса; знал Софью Андреевну Толстую, Анну Романовну Изряднову; был дружен с Анной Борисовной Мариенгоф... Благодаря этому складывалось мое представление о Есенине.

Никто раньше не мог ответить на вопрос: откуда есенинская элегантность? А я думаю, он стал элегантен, когда лез из крестьянства в шик дворянства: и мы не льком шиты!

Много говорится, что Есенин — пьяница. Я знал всю семью Есениных, они старообрядцы, трезвенники и вина терпеть не могли. Все это пришло от Айседоры — ей, в ее возрасте, это было необходимо — поддерживать темперамент, а ему незачем...

Как только сейчас не относятся к Есенину! Одни патетически, другие любят эдакую вязь, раннего Есенина, а остальное — всякая мура, всякие толки, разговоры. А прочитайте, что написано за границей: и сексуальный маньяк, и эпилептик, и еще черт знает что... И вот я прихожу к не-

обходимости писать самому. О матери уже шесть тетрадей есть... И назову свои воспоминания «Вокруг Есенина». Он встречался со своими друзьями немного — от нескольких месяцев до нескольких лет. Я же знал их до последних дней жизни. И, конечно же, знаю много о них и многое из их воспоминаний об отце. Вот и получится книга о тех, кто его окружал...

Немного расскажу об окружении Есенина. Моя мать... Темпераментная, немного деспотичная. Наверное, немного красивая (как сын — судить не могу). Но помню случай: они с Мейерхольдом собираются в театр. Она перед зеркалом, Мейерхольд рядом. Любуется. У нее эдакая, знаете ли, фигурка... «А что? Красивая, за мной увивается даже...» — и называет фамилию одного из пяти, что на первой странице газет печатают. Но знаю случай. Был артист, Гелис, кажется. Настояла, чтобы исключили из студии. В конце спектакля актеры выносили ее на руках, вроде бы он нес ее не так, отпустил и чуть не уронил. Вот и настояла на исключении из труппы...

Анна Романовна Изряднова — мать первого есенинского сына Юрия, расстрелянного в 38-м году. Таких искренних, таких чистых, таких скромных людей я никогда за всю свою долгую-короткую жизнь не встречал. С 1938 года ждала Юрия каждый день. Прошел срок службы — ждала, думала, воюет в Испании. Потом началась война. Приходила из редакции — ждала весточку. Кончилась война — ждала. Огромная, незабываемая утрата, а она оставалась такой же чистой патриоткой.

Когда после ареста Мейерхольда убили мать, она забрала меня к себе. В студенческие годы помогала мне, подкармливала. Во время войны присылала мне посылки. Демобилизовавшись в 1946 году, я опять пришел к ней жить.

Я думал: «Черт возьми! Сколько же тебя ломали. А ты осталась все такой же!»

Миклашевская — ослепительно прекрасная женщина. Встречи с нею продолжались более сорока лет. Два лета она жила у меня на даче, я часто бывал у нее дома. Всю жизнь она жалела, что не вышла за Есенина замуж...

С последней женой Есенина Софьей Андреевной Толстой я не раз разговаривал об отце. Она всегда принимала меня легко и радостно. Просила почитать свои стихи. Я тогда еще не считал, что мы, потомки Есенина, не имеем права писать стихи и изредка пописывал... Софью Андреевну я знал более двадцати лет.

...После перерыва Константин Сергеевич вышел с пачкой письменных вопросов. Начал читать: «Хотелось бы подробнее узнать о вашей маме. Кто вы по национальности — фамилия у нее немецкая. Расскажите о ее гибели...»

— О гибели говорить не буду, слишком больно мне... Происхождение? Я русский. Я знал, что мать Зинаиды Николаевны русская, отец — лютеранин. Он знал и часто напевал польские, немецкие, еврейские песенки. Мне

было любопытно, кто же он... Отец его был немец, мать — полька. Может быть, немного еврейской крови... Я — русский!

Как всегда, Константина Сергеевича просили рассказать о родных — сестрах и братьях Есенина, их потомках. О том, известно ли ему, как познакомились его отец и мать. Оказывается, в то время Зинаида Николаевна работала секретарем редактора в газете.

— В приемной полно народу. Редактор занят. Входит молодой человек — блондин, улыбается, подсаживается. Разговорились. Не заметили, как приемная опустела. «Сергей Александрович! Редактор освободился!» — «Ладно, ладно... Я потом...» К редактору в этот день он не попал.

Следующий вопрос оказался злым.

— Вам известно, — спросили Константина Сергеевича, — что сказал Есенин, по словам Мариенгофа, при встрече с матерью, когда увидел вас впервые? Чей вы?

Зал затаился. Но Константин Сергеевич ответил достойно:

— Я хорошо знаю, что я — Есенин!

— Но ведь говорят, что была записка Зинаиды Николаевны, — настойчиво продолжает развивать свой вопрос очевидно не удовлетворенная ответом любопытствующая женщина.

— Нет! Не было никакой записки! — резко обрывает ее Константин Сергеевич.

Вопрос о том, как относились к нему в то время, когда поэт Есенин был запрещен, тоже легким не назовешь.

— Ну, сами понимаете, — пытается отвечать сын Есенина, но затрудняется — в горле спазм. Борется с собой. С трудом продолжает: — Конечно, что говорить... Разное было. Сами судите. Вот два эпизода запомнились...

Это случилось во время войны. Константин Сергеевич учился в военно-воздушном училище. Отпросился на фронт, по пути затерялись документы, и на фронт он попал солдатом. Рассказывает:

— Однажды с пакетом направили в штаб полка. На улице у входа с десяток офицеров. Иду. Солдат. В пилотке. И вдруг зашептались, подтянулись. И это офицеры — перед солдатом!

Потом... Потом еще. Уже младшим лейтенантом был. Захожу — компания. Офицеры. Сидят, развалившись. Меня представляют:

— Вот, сын Есенина...

— Как — Есенина? Его нет... Запрещен...

— Что? В самом деле?

— Может, он нам почитает?

— Ну, тогда — давайте выпьем...

И опять подступили слезы.

— Потом начались бои. Я был тяжело ранен, — никак не может совладать с собой, достает платок:

— Вот она старость — такая гадость... Тогда фронтовая газета сообщила, что в бою за остров погиб комсорт батальона Есенин. А я, как видите, выжил...

Вечер закончился около девяти часов, а Константина Сергеевича еще долго не отпускали. Его окружили. Это были старейшие мхатовцы, которые играли еще до войны. Были и помоложе. Здесь были внучка Мейерхольда и внук Станиславского. Многие что-то рассказывали ему, другие, наоборот, задавали вопросы. Очень сожалею, что слабое освещение зала не позволило все это качественно заснять на фото.

С вечера ушли мы с ним вдвоем. Шли пешком медленно до станции «Арбатская». Константин Сергеевич мне многое еще рассказывал. Мы шли по улице его детства. Он рассказывал историю домов. Показывал свою школу, где он учился. Дом Мейерхольда был недалеко, на соседней улице. Он рассказывал о друге своего детства, однокласснике Игоре Миклашевском. Как увлекся вместе с ним боксом, а позже тот стал чемпионом Ленинграда по боксу. (Недавно о том, как Игоря готовили к покушению на Гитлера, рассказывал наш легендарный контрразведчик Павел Судоплатов. Умер Игорь Миклашевский в 1994 году.)

В метро людей было мало, и мы сидели рядом. Константин Сергеевич как-то жался весь, выглядел маленьким. Погрузившись в свои воспоминания, много переживший за минувший день, он молчал. Он казался таким жалким, незащищенным. Хотелось обнять его, защитить как-то, обогреть. Рука невольно легла ему на плечи. Он не шевелился и даже, показалось, чуть-чуть прижался. Мы так и ехали молча.

На его станции, «Семеновской», вышли. Он никуда не торопился. Мы долго ходили взад-вперед по платформе вниз, не поднимаясь вверх. Он расспрашивал меня, чем занимаюсь, что удалось сделать за год. Я в свою очередь возвращался к постоянной своей просьбе к нему — писать, писать задуманные воспоминания «Вокруг Есенина». Даже в ущерб основной его работе спортивного журналиста. Он обещал всегда: «Вот освобожусь и засяду». А оказалось, что с прошлого года, когда он читал мне свои воспоминания о матери, добавилось всего две тетради. «Что поделаешь, Владимир Иванович, много приходится тратить времени, зарабатывая на хлеб. Ведь пенсии не хватает, и моя журналистская деятельность — основной источник существования».

Очень жаль, что даже то небольшое, что было им написано, после его смерти благодаря грязным деяниям его последней жены А.И. Давыдовой похищено и бесследно исчезло.

...Шел уже двенадцатый час ночи. Надо было успеть на ночь устроиться на раскладушку в гостинице. Пора было расставаться. Константин

Сергеевич не позволил мне подниматься вверх, провожать его дальше. «Вы, наверное, устали...» Крепко пожав руку, он уверенно шагнул на бегущий эскалатор. Я постоял еще немного, глядя ему вслед. Он стоял, смотрел вниз, опустив голову.

Было почему-то очень грустно. Позже были еще телефонные звонки. Через полгода его не стало. Это была последняя встреча с большим, чутким, отзывчивым, добрым, ставшим мне дорогим и близким человеком.

Глава VII

В поисках истины

*Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.*
С. Есенин. 1925 г.

Получив отзыв на подготовленную к печати первую часть книги от руководителя Есенинской группы ИМЛИ Наталии Игоревны Шубниковой-Гусевой, я призадумался. Вот что она написала: «...дневники, как литературный и исторический источник, — документы первостепенной важности». Предложив мне ответить на ряд вопросов, Наталия Игоревна спрашивает: «Знаете ли вы, что могло быть в архиве Константина, ведь вы бывали в Балашихе? На этот счет однозначного мнения нет». Далее она пишет еще: «Полагаю, полезно эти сведения включить в вашу книгу, чтобы мы могли этой информацией воспользоваться».

Я перечитал все хранящиеся в нашем музее публикации об архивной тяжбе наследниц К.С. Есенина (журнал «Крокодил» № 30 1988 года, газеты «Литературная Россия» от 31.03.1989 и «Славянский вестник» № 2 1990 года) и понял, что Марина Константиновна Есенина, вступив в борьбу за наследство с законной женой отца, многое не знала. И это больше всего меня взволновало. Как могло статься, что дочь К.С. Есенина не была осведомлена, что составляло истинную ценность архива? И еще, как она допустила утрату этих ценностей?

Перечитанные статьи дали новый толчок мыслям, а чтение мемуаров Марины в чеховском альманахе «Дядя Ваня» (1991, № 1) лишь подлили масла в огонь. Пришлось перечитать и свои дневниковые записи встреч с А.И. Есениной (Давыдовой) 27 сентября 1988 года и с М.К. Есениной 10 июня 1990 года.

Коль мои сведения могут оказать некоторую помощь работающим над «Есенинской энциклопедией», я готов поделиться своими знаниями и наблюдениями. Но я пишу не научное исследование, а воспоминания. Выбранный стиль повествования допускает лирические отступления, что не исключает субъективизм автора. А взявшись рассказывать людям о делах, в которых даже суд многие годы не мог найти юридически правое и справедливое решение, автор дает себе полный отчет, в какую щепетильную ситуацию может попасть он сам. Поэтому обращаю внимание прежде всего на первоисточники.

Немного истории. Константин Сергеевич Есенин был великим собирателем. Особо его интересовал футбол, и он собирал все о нем. Источником информации были советская и зарубежная пресса и многочисленная переписка. Он владел несколькими языками, а немецким и французским в совершенстве. Восемнадцать раз его посылали со сборной Союза за границу, в том числе на чемпионаты мира, и отовсюду шли его добротные статьи. Собранный материал К.С. Есенин систематизировал, строил графики и таблицы. Его учет был верхом совершенства. Его спортивный архив я видел.

В 1984 году Константин Сергеевич предложил мне записать мой адрес на последней свободной странице общей тетради. Прежде чем сделать это, я полистал тетрадь. Все записи были сделаны цветными фломастерами. Это были заметки по международным встречам наших футболистов. Каждая страна имела свой цвет. В кармане К.С. Есенина всегда была коробочка с зарубежным набором из 24 разноцветных фломастеров, похожих более на шариковые ручки. Для своей записи я выбрал голубой цвет. Сделал ее размашистым почерком, заняв с одобрения хозяина половину последней свободной страницы тетради.

Систему работы К.С. Есенина со спортивным архивом хорошо описал Михаил Болтовский в своих статьях «Учитель арифметики», опубликованных в газете «Советский спорт» (14.11.1987) и журнале «Спортивная жизнь России» (1989, № 6).

Издав девять брошюр на темы футбольной жизни Советского Союза, К.С. Есенин мечтал написать большую книгу «История футбола России» и работал с этим материалом. О работе над этой книгой он рассказывал автору этих строк. При этом говорил, что это цель всей его жизни. Куда исчезла эта рукопись, никто не пишет. Похоже, что о ее существовании мало кто знает.

Константин Сергеевич вел учет забитых голов футболистами в чемпионате СССР. Учитывал все: в чьи ворота (и в какую часть ворот), на какой минуте, при какой погоде, в чьи глаза светило солнце и пр. На основании данных своего учета за все время проведения чемпионатов он предложил Федерации футбола создать клуб Григория Федотова. Членом этого клуба он предложил считать каждого игрока, забившего 100 и более голов. По состоянию на 15 апреля 1980 года во главе списка стоял московский динамовец Александр Пономарев — 152 гола. Находившийся в то время в зените своей искрометной карьеры Олег Блохин («Динамо», Киев) имел в своем активе уже 126 голов.

Бесспорно, утрата футбольного архива Константина Сергеевича Есенина — это самая большая потеря.

27 августа 1982 года, будучи впервые у К.С. Есенина дома на Щербаковской, 32/7, я увидел основную часть его собрания.

Я уже писал об этом в главе «Знакомство», но хочется еще вернуться к этой теме в свете новых событий...

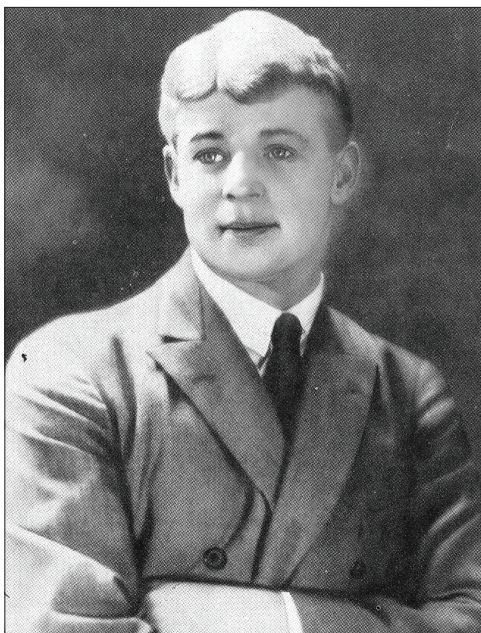
— У меня здесь беспорядок, — встретил он меня, извиняясь. — Со своей второй женой Сицилией Марковной я развелся. Всю мебель и самое ценное пришлось отдать ей. Себе оставил вот диван-кровать и архив. С ним я работаю. Пишу вот так, сидя на диване и положив на колени чемодан.

— Там, у окна, книжный шкаф — это есенинский архив, а слева в углу — шкаф с архивом Мейерхольда, — Константин Сергеевич стал знакомить меня со своими сокровищами. — Ну а в центре — это переносной шкаф-чемодан с полочками и плечиками. С ним Есенин и Дункан проехали через всю Европу и Америку. Простите, но показать его внутренности не могу. К нему сейчас не подойдешь.

При кажущейся загроможденности помещения просматривался определенный аккуратный порядок в раскладке стопок папок и подшивок газет. Некоторые из них были раскрыты. Чувствовалось, что хозяин недавно ими пользовался.

Я внимательно осматривал комнату. На шкафу-чемодане стояли статуэтки Сергея Есенина. Слева на стене висел вырезанный из газеты и наклеенный на ватман парижский, 1922 года, есенинский портрет (в сером костюме). Каждый раз, когда я смотрю на этот портрет, мне слышится есенинский стих:

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман...*



Парижский портрет Сергея Есенина

— Это мой любимый портрет, — пояснил мне Константин Сергеевич, заметив взгляд. — А это моя любимая фотография матери.

И он достал мне из есенинского шкафа ее фото размером 9х12 см.

— Хотите переснять? Пожалуйста!

Впервые я опубликовал это фото в журнале «Северский меридиан» (№ 6–7, 2003 года), увеличив его до размера 30х40 см. Тогда, в 1984 году, я подарил этот увеличенный портрет К.С. Есенину, а в 1985-м я видел, что эти два портрета (отца и матери К.С. Есенина) в квартире на Щербаковской висели на стене рядом. В экспозиции Северского общественного музея С. Есенина они тоже демонстрируются вместе.

В есенинском шкафу, между стеклом и зеленоватой внутренней шторкой, скрывающей от любопытных глаз содержимое, были вставлены еще фотографии: З.Н. Райх с В.Э. Мейерхольдом, старшего сына Есенина — Юрия: одного и с шестнадцатилетним вратарем юношеской сборной Москвы братом Костей (он снят в кожаных вратарских перчатках). Я попросил переснять и эти фотографии.

Фотографии получились удачными. Увеличенный портрет Юрия украшает постоянную экспозицию Северского музея.

В следующий раз в квартире Константина Сергеевича Есенина на Щербаковской я побывал 21 октября 1984 года. В это время он жил уже с Алиной Ивановной. Отношения между ними были добрыми. Глаза его светились гордостью, когда он знакомил меня со своей молодой женой.

Прежних стопок папок и газет не было видно. В квартире был проведен ремонт, но парижский портрет отца в прежнем кустарном исполнении и портрет матери сын любовно вывесил на прежнем месте.

В прихожей появился большой открытый стеллаж, заполненный книгами. В большинстве своем это были книги с автографами. Одну из них



Зинаида Райх —
любимое фото сына...

— книгу Гордона Маквея «Жизнь Есенина» — я попросил у Константина Сергеевича, чтобы переснять некоторые фотографии, уникальные на то время, в частности, посмертные. Что и сделал, пока хозяева завтракали на кухне. Перед книгами стояло несколько интересных фотографий. Среди них снимок Евгения Евтушенко во время футбольного матча на трибуне Лужников. Поэт был схвачен в момент характерного для заядлого болельщика выражения эмоций.

— Это мой снимок, — пояснил Константин Сергеевич. — Здорово я ухватил момент! Мне нравится. А вам?

26 сентября 1985 года, прилетев в Москву по приглашению К.С. Есенина, чтобы вместе с ним поехать на Рязанщину на празднование 90-летия со дня рождения С.А. Есенина, я в середине дня был уже у него дома, но его не было, и Алина Ивановна предложила подождать.

Ждать пришлось около часа, и я успел осмотреться и кое-что выведать. В квартире был идеальный порядок. Дункановский шкаф-чемодан стоял у стены напротив окна. На нем под портретами Есенина и Райх стояла элегантная фарфоровая статуэтка женщины. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть ее, и узнал Зинаиду Райх.

— Да, да, это она в образе «Дамы с камелиями». Это подарок японцев. Очень ценная вещичка! — пояснила Алина Ивановна.

Я продолжил экскурсию по квартире. В углу за диваном стояли обычные амбарные весы. Чугунная часть была окрашена в белый цвет. Проверил — весы работали. Это на них взвешивалась З.Н. Райх, когда по требованию М.И. Царева, партнера по спектаклю «Дама с камелиями», где он носил ее на руках, сгоняла лишний вес.

На мой вопрос: «Куда девался архив?», Алина Иванова ответила: «Вывезли на дачу. Костя у меня невыносимый человек — бережет всякую рухлядь! Он просто какой-то Нехлюдов. Да-да, Нехлюдов», — продолжала она, заметив мой недоуменный взгляд.

— На даче просто невозможно отдыхать. Летом мне пришлось нанимать грузовую машину, чтобы вывести на свалку всякую рухлядь.

Меня это взволновало. Константин Сергеевич знал цену старым вещам. Вспомнилось, что я видел у него на даче в прошлом году. Когда он, уходя в дом, оставил меня в саду и позволил прогуляться по двору, осмотреться, я заглядывал в гараж. Через неплотности в воротах и стенах было видно, что он заполнен под завязку. В щели выглядывали какие-то бумаги, различные части утвари. Через траву на въезде просвечивался бой стекла.

На мой вопрос: «А что у вас в гараже?», вышедший из дома К.С. Есенин ответил: «Всякие семейные ценности. Много книг. Видите ли, мы здесь живем почти 60 лет. Я еще маленький был. Там есть даже мои игрушки, посуда. Есть стулья, на которых сидели Маяковский, Смеляков,

Шостакович, Лев Оборин и другие известные люди, которые приезжали к Мейерхольду в гости. А бумаги — всякие книги из библиотеки моей матери и отчима. Конечно, самое ценное у меня хранится здесь, в доме, и на квартире. Но в гараже тоже много реликвий. Выбрасывать жалко, но и так хранить нельзя, надо бы привести все в порядок, да здоровье не позволяет».

— Что-то Константин Сергеевич задерживается, — забеспокоилась хозяйка. — Пойдемте на кухню, чаю попьем.

За чаем я поинтересовался, пишет ли Константин Сергеевич воспоминания «Вокруг Есенина».

— По-моему, нет. Много времени отнимает писание статей о футболе в газеты. Жить-то не на что, надо зарабатывать на хлеб. А еще... он пишет стихи. И неплохие, получше Евтушенко.

Эта информация меня просто ошарашила. Вспомнилось, что еще на вечере в Политехническом в 1980 году он говорил, что Есенины все пробова-ли писать стихи: и Юрий, и Татьяна, и Марина.



В эту ночь случилось ужасное: Чернобыль потряс мир.

Об этом узнали 29 апреля. В этот день меня после операции и пяти месяцев лечения выписали из больницы. Усиленные тренировки в зале лечебной физкультуры помогли костыли заменить на трость. Врач ввел в коленные суставные сумки через огромный шприц воздух, превратив меня в своеобразное транспортное средство на воздушных подушках, и отправил из больницы в санаторий, долечиваться на Мацесте. Утром 30 апреля мы с женой вылетели через Москву в Сочи. Едва переехав из Домодедово во Внуково, узнаем, что вылеты из Москвы на весь день отменены. Пассажиры все прибывали и прибывали. Аэропорт переполнился. Очень беспокойно вели себя вылетающие в южном направлении кавказцы. По их требованию начальник смены аэропорта вынужден был дать телефон дежурного по Министерству гражданской авиации СССР. Тот сказал: «Это указание Горбачева. Завтра после демонстрации улетите все!»

Имея массу свободного времени, я несколько раз звонил К.С. Есенину. Никто не брал трубку. Поздно вечером позвонил еще раз. Звонкий молодой женский голос ответил: «Здесь такой не проживает». Позвонил еще. В ответ: «Я же вам сказала!»

7 мая. Адлер. Газетный киоск. Покупаю «Литературную газету». Она посвящена Дню Победы. На первой странице поэт-пушкинист Сергей Смирнов, который был вместе с нами на Первом празднике есенинской поэзии 3 октября 1985 года в Константинове, напечатал стихи:

*Победа с нами на века
останется.
И столь священна,
столь светла она,
Что мы, ее гвардейцы,
не состаримся,
И не померкнут наши ордена!*

Бегло просматриваю газету. На последней странице — о, ужас! — внизу, в правом углу, в черной рамке крупным шрифтом: «К.С. Есенин».

Придя в себя, читаю некролог.

«На шестьдесят седьмом году жизни после продолжительной болезни скончался сын великого русского советского поэта С.А. Есенина — Константин Сергеевич Есенин, член КПСС с 1945 года, участник Великой Отечественной войны, персональный пенсионер союзного значения, инженер-строитель, талантливый спортивный журналист.

...В памяти всех, кто его знал, Константин Сергеевич останется навсегда человеком светлой души и сердца, добрым, отзывчивым в дружбе, достойно пронесшим через всю жизнь имя своего отца — великого поэта России Сергея Есенина».

Вскользь пробегаю глазами в большинстве знакомые фамилии подписавших некролог. Ищу дату смерти. Ее нет. В библиотеке нашего санатория «Южное взморье» в газете «Советский спорт» от 29 апреля нахожу то же сообщение о смерти без даты, когда умер, тоже не написано. Не было даты и в некрологе Ильи Беру (тренер футбольной команды «Россельмаш») «Не правда, друг не умирает...» в газете «Футбол-Хоккей» № 8 от 4.05.1985. И лишь в конце месяца, возвратившись домой через Москву, я узнал, что это случилось в ночь с 25 на 26 апреля, когда взорвался атомный реактор на Чернобыльской АЭС. За шесть часов до взрыва.



Сегодня, почти через четверть века, внимательно вчитываюсь в фамилии подписавших некролог в «Литературке». Всего 26 подписей: министр культуры РСФСР, члены правления союзов писателей СССР и РСФСР, члены комиссии по увековечиванию памяти С.А. Есенина, ведущие есениноведы России, жена покойного, его родная и три двоюродные сестры. И все! А где дочь М.К. Есенина? Почему она не подписала некролог? Из Москвы она в эти дни никуда не уезжала. На фотографии, запечат-

левшей момент прощания родных и близких с телом Константина Сергеевича, она есть. Председатель комиссии по организации похорон Ю.Л. Прокушев, человек ответственный, принципиальный, отдавая в печать этот документ, не мог допустить оплошности. Да и близкие родственники не позволили бы без уважительной причины публиковать некролог в таком виде. Не отказалась ли она от подписи сама?

На мой взгляд, ответ кроется во взаимоотношениях дочери с отцом и мачехой. Это интимный вопрос, и я бы не стал писать об этом, если бы М.К. Есенина не предала свою позицию широкой огласке. В своих воспоминаниях она допускает сплошь и рядом по отношению к отцу бестактность, язвительно называет его «Коской», «Кызочкой» или просто бездушным словом «родитель».

Вспомнилось, что при встречах с Константином Сергеевичем я несколько раз интересовался, как живет Марина, чем занимается. Он от ответа почему-то уходил. Только в вагоне 604-го поезда «Москва — Рязань» 30 сентября 1985 года во время почти трехчасовой беседы он ответил: «Знаете ли, скажу откровенно — не ладится у нас с Мариной. Видимся редко. Не звоним даже». Почему так — он мне не сказал.

Альманах «Дядя Ваня» мало кто видел. Даже многие есенинцы из нашего общества «Радуница» его не читали. В библиотеки он не поступал. Поэтому привожу небольшой отрывок из воспоминаний М.К. Есениной, в нем опубликованных:

«Через несколько лет родитель позвонил мне.

— Я скоро умру...

Сквозь хорошо рассчитанное кокетство его голоса просматривалась правда.

— Знаешь, я почти закончил воспоминания о матери. Подошел к самому 39-му году, и иногда кажется, что этот год наступил...

— Я скоро умру! — капризно настаивал он.

— Ты мне предлагаешь составить компанию?

— Я хочу, чтобы ты потом забрала у нее мой архив.

— Хорошо, родитель, дату смерти телеграфируй».

Сколько желчи надо было иметь, чтобы, даже уловив правду в голосе, продолжать так издеваться над больным сердцем отца. Этой желчи хватило еще на многие годы.

10 июня 1990 года мы с Маргаритой Ивановной Маловой навестили Марину Константиновну у нее дома. Я напечатал около полусотни фотографий К.С. Есенина, сделанных мною за все время встреч с Константином Сергеевичем, специально, чтобы подарить ей. Едва моя спутница представила меня хозяйке, как в ответ послышались ошарашивающие слова:

— Вы друг моего отца, значит — мой враг!



В различных условиях и при разных обстоятельствах двадцать один раз я встречался с Константином Сергеевичем. Общая продолжительность этих встреч составила около пятидесяти часов. Большую часть этого времени я видел его с молодой женой Алиной, которой он гордился. Ничего негативного я не замечал. Она заботилась о муже, была внимательна к нему. Он эту заботу принимал с достоинством. Иногда, в минуты ее неумеренной разговорчивости, строжился. Требовал аккуратности в расходовании средств к существованию. Она сама говорила, что зарабатывались эти средства нелегко. Отношения супругов Есениных оставили в моей памяти самое доброе впечатление.



Т.П. Флор-Есенина (крайняя слева),
Н.В. Есенина, К.С. Есенин
и А.И. Есенина (Давыдова)

В 1987 году, в канун майских праздников, в годовщину смерти К.С. Есенина, я написал Алине Ивановне письмо. В письме я выразил соболезнования, и попросил написать, от чего и как умер Константин Сергеевич.

В феврале 1988 года пришел ответ. Она написала:

«...Вы первый человек, которому я пишу ответ. Горе и скорбь мою и сейчас невозможно высказать. Вспоминаю о Косте постоянно. Стараюсь больше думать о веселых минутах, днях, когда мы были вместе. Болел он долго и тяжело. Была я у него в больнице и в день смерти, утром. А вечером, в 8 часов он скончался, как сказал врач, от сердечной недостаточности... Хотя я уверена, что трагедия произошла после, из-за операции, которую ему сделали. Тяжело об этом и думать, и писать. Расскажу вам, когда приедете в Москву. Буду вам очень признательна, если вы вышлете мне фотографии. Для меня все, что связано с Костей, бесконечно дорого. Крепко жму вашу руку. 1 февраля 1988 года. Алина Ивановна Есенина».

Я оставил без внимания некоторые странности этого письма. И только через двадцать лет, перечитывая его вновь и вновь, заметил скрытую необычность отдельных фраз. Почему она через два года после смерти мужа мне первому ответила на письмо? Если это проявление особого доверия ко мне, тогда почему не отвечала почти год? Почему, испытывая

до сих пор невыразимые скорбь и горе, вдова старается думать о веселых минутах? Почему она намерена рассказать обо всем, когда я приеду в Москву? Ведь в моем письме и намека не было на желание встретиться. Разве такие письма пишут беспричинно?!

Я начал исподволь готовиться к встрече: напечатал все фотографии, что заснял во время нашей совместной поездки по Рязанщине.

С 20 сентября по 13 октября мы с женой были на лечении в нашем среднешевском сердечном санатории «Истра». 24-го числа, в субботу, будучи в Москве, я позвонил А.И. Есениной и сказал, что привез ей фотографии. Она ответила, что сегодня принять не может, и предложила мне прийти 27 сентября. При этом предупредила, чтобы я пришел пораньше, так как ей в двенадцать надо идти на работу.

Лечебные ванны я принимал через день. Во вторник с утра, еще до завтрака, прошел физиолечение. День был без прочих процедур, и прямо из-за стола я убежал на автобус. Электричка задерживалась. На Щербак-овскую, 32/7, я поспел лишь в 11.45. По пути не успел даже тортик ку-пить.

— Простите, опоздал. Просто у нас из санатория в Истру первый рейс автобуса после завтрака, да еще электричка задержалась больше чем на полчаса, — оправдывался я, разуваясь. Осмотрелся в прихожей. Кругом все пусто. Нет большого стеллажа с книгами. Двери во все комнаты плотно закрыты. Хозяйка ведет меня почему-то в спальню. Садится на огром-ную, покрытую пыльным импортным голубым пледом тахту. Меня легким жестом приглашает устроиться в стоящее напротив себя кресло. На ней строгое темно-красное платье с высоким воротником и с глубоким в виде щели вырезом на груди. Чувствую себя неловко. Стараясь не смотреть в ее сторону, показываю привезенные фотографии. Она безучастно посмотре-ла на них и сразу же начала рассказывать.

— Умирал Костя очень тяжело. Последний день был ужасный. Я была у него часа полтора. Чувствовал он себя очень плохо, особенно последние три дня. Когда понял, что операция была бесполезной, — не вставал. Ему вновь вставили две трубки, и он сказал: «Это — всё!» Первую операцию ему сделали осенью 1985 года.

— Как?! В октябре мы были в Константинове — выглядел он неплохо! — едва сдержав себя, чтобы не заплакать, вопрошаю я. — И сразу после возвращения он слег?

— Затем, в феврале, его опять положили на операцию. Еще трубку вставили, затем сняли. За три дня до смерти вновь оперировали. Умер он вечером 25 апреля.

— А хоронили когда?

— Двадцать девятого. Я целый день носилась по Москве. Редакция

дала машину. Проехали тысячу километров. Столько оформлять пришлось! Чуть-чуть не перенесли похороны на после праздников.

— Есенинцы из музея в Ташкенте мне говорили, что умер он в холле, сидя в кресле у телевизора, после футбольного обозрения...

— Почему в холле? — удивляется она моей осведомленности. — Телевизор я ему принесла в палату свой, из дома. Да, вот еще интересно — в тот день он послал меня к своей двоюродной сестре, дочери Мейерхольда.

— Почему к «сестре»?

— Мейерхольд же усыновил Костю.

— Как ее звали?

— Кажется, Татьяна. Она тогда лежала в этой же больнице.

— Она жива еще?

— Жива. Интересная такая. Говорит мне: «Алина, ты такая красивая».

Чуть скосив глаза, я взглянул на нее. Она все же поймала этот взгляд, лукаво улыбнулась, поняв, что я ищу подтверждение этих слов, и продолжила словами дочери Мейерхольда:

— Ты молодая, а муж у тебя кастрированный!

От этой фразы вдруг стало страшно и неловко сидеть здесь, в этой спальне. Стало больно за Константина Сергеевича. Быстро перевожу разговор в прежнее русло:

— А Татьяна Сергеевна была на похоронах?

— Нет, не приезжала.

— Почему похоронили в могилу матери?

— Он так хотел... Да что мы все о грустном говорим. Хватит. Немного посидите — я сейчас.

Уходит. Встряхнув головой, стараюсь отогнать темные мысли. Оглядываю комнату. Нет ничего, что напоминало бы о бывшем хозяине квартиры. Стены голые, нигде нет даже его фотографии.

— Вот, — говорит моя собеседница, возвращаясь. — Вы по телефону просили подобрать для вас фотографии. У меня есть только две. Остальные я отдала на пересъемку. Здесь создали какой-то фонд.

Подает мне маленькую, формата 9х12 сантиметров, фотокарточку.

— Это мы фотографировались еще в семидесятые годы.

Бегло взглянув, тут же отвожу глаза. Она в мини-юбке. Мощные колени обнажены.

— Это вы мне? — недоумеваю я.

— Нет, нет. Мне неудобно ее дарить. Просто посмотрите, какая мода тогда была. А это с орденами он фотографировался 9 мая 85-го года. Этот портрет он очень любил. Его самый любимый пиджак и только три ордена Красной Звезды. Остальные он специально не надевал. Это фото у меня последнее. Я забрала его прямо с могилы, но у меня есть негатив.

Она развернула большой рулон. Низ портрета зачем-то прижала к тахте согнутой в локте правой рукой, верх придерживала пальцами поднятой до уровня головы левой. Тело изогнулось. Правая стойка воротника опустилась. В глубокой щели обнажилась незагорелая часть ее бюста.

Не глядя в ее сторону, я торопливо стал выкладывать из своей сумки фотографии.

— Да... да... Мне надо уже бежать на работу, — испуганно сказала она. — Приходите вечером.

— Вечером я никак не могу. Вечером в санаторий нечем добираться, нет автобусов. Мне очень хочется продолжить разговор. Я к вам еще приеду.

— Хорошо, только вначале позвоните.

Поспешно ухожу.

Внизу у подъезда останавливаюсь. Смотрю на часы: 12:10. Пробыл всего 25 минут. Моросит дождик. Охладившись, успоаиваюсь. Стоит золотая осень. Ветра нет, воздух чист. Дышится легко. Осматриваюсь. Вот здесь, у подъезда, ровно три года назад (26 сентября!) мы стояли с Константином Сергеевичем, возвратившись из приемного пункта прачечной. Помнится каждая деталь встречи, каждое сказанное им слово. Все прошло. Ушел из жизни и этот мудрый, добрый, требовательный к себе и к другим человек. Я уходил после встречи с ним всегда наполненный чем-то большим и хорошим, как будто прикоснулся к бесконечно дорогому, светлому, чистому, вечному. Вот почему сейчас на душе опустошенность. Нет! Надо успокоиться. Может быть, мне показалось, что Алина Ивановна сегодня допустила фривольность? Надо подождать ее — у меня уйма времени, спешить некуда. Можно напроситься проводить ее. По дороге поговорить, узнать многое, о чем задумывал, но не успел расспросить.

Решение принято. Жду. Прохаживаюсь по двору, слежу за выходом из подъезда. Проходит полчаса. Ее нет. Так значит, ей куда не надо было спешить? Значит, это все сделано с умыслом? Взглянув последний раз на часы, ухожу.

Вечером в санатории все заново в дневник. Больше я к ней не приезжал, не звонил, не писал.



Возвратившись домой, просматриваю поступившую за время отпуска почту. Пролистываю журнал «Крокодил» № 30. В нем большая, в объеме двух страниц, статья В. Витальева «Архивная история. Только ли наследников касается судьба архива Есенина и Мейерхольда?» В ней автор дает опись архива умершего К.С. Есенина, а также сообщает о бесконечных судах дочери покойного с его вдовой.

О рукописи воспоминаний «Вокруг Есенина» нет ни слова. Статья написана явно с подачи М.К. Есениной. Значит, она не знала, над чем работает отец?!

И я твердо решаю встретиться с Мариной Константиновной и рассказать ей все, что знаю об архиве, опись которого была неполной.

В 1989 году кратковременность пребывания в Москве не позволила это сделать.

В июне 1990 года меня направили на курсы повышения квалификации в Обнинск, в ЦИПК нашего министерства. В воскресенье, 10-го числа, в половине седьмого утра я поехал в Москву. В этот день член общества «Радуница» Маргарита Ивановна Малова (северчане, бывшие на открытии музея С. Есенина в 2000 году, знают ее — она читала свои стихи) обещала мне организовать долгожданную встречу с М.К. Есениной.

Выше я уже описал, как однажды меня встретила внучка поэта. Понял: чтобы на этот раз общение было плодотворным, в разговоре надо быть предельно искренним. И я добрый час «себя вынимал на испод», как говорил Есенин в «Анне Снегиной».

Постепенно контакт установился, язвительность в голосе стала исчезать. Передо мной сидела сильно уставшая женщина. Лицо ее немного подобрело. Как выяснилось, она всю эту неделю занималась в суде.

— Ну, и как? Что-нибудь удалось высудить? — спросила все время молчаливо сидевшая Малова.

— Нет! Алина Давыдова по-прежнему утверждает, что дачу разграбили, что у нее ничего нет, что все пропало. Я больше не могу с ней бороться!

Глаза ее наливаются гневом. Мы молчим.

— Простите меня! Это все издержки отрицательных эмоций, — говорит она, вновь взяв себя в руки. — Сегодня еще сынок обрадовал. Вот только что приехала с дачи, а он встречает нас словами: «Мама, поздравь, я женюсь!»

Высокий, худощавый, шатенистый правнук Есенина сидит с нами на кухне. При последних словах подобревшей матери виновато улыбается. И в этой улыбке становится похожим на своего такого же непосредственного прадеда.

— Нет, Димочка. Надо еще закончить институт, получить образование!

— Ладно, мама! Об этом поговорим позже! А сейчас мне надо отлучиться ненадолго.

Едва Дмитрий ушел, как ненавистное имя Алины вновь зазвучало на кухне.

— Сколько гадостей она мне наделала! Диму поджидали на улице и запугивали. Несколько раз мне звонили домой по телефону, грозились

убить его. А однажды даже позвонили и пригласили в морг на опознание трупа сына. Представляете?! Как можно это перенести?!

— Думаете, мне легко отправлять его за рубеж?! — преодолев слезы, продолжила она. — Но я готова на все ради спасения сына! Мне все это надоело. У меня все это вот тут сидит! Все эти «потомки Есенина»! Я не хочу ничего. Я жить хочу. Я хочу Дмитрия убрать от всего этого! Я хочу отправить его за границу, пока отец там. Пусть там доучивается. А для себя я не хочу ничего. Не надо мне никаких денег, не нужна мне никакая дача. Мне просто надо победить Алину, эту гадину!

Тишина. Сидим с Маловой, не шелохнувшись. Затаив дыхание, слушаем. Марина, чуть успокоившись, продолжает:

— Мейерхольд был жестокий человек. Выбросил свою жену Ольгу с тремя дочерьми из квартиры и привел в нее Зинаиду с детьми Есенина. Ольга Мунд кричала: «Будьте прокляты вы все! И ты! И она! И все это есенинское отродье!»

Опять наступает молчание. Последняя фраза — это как непреодолимая боль, безысходность.

— Вот и висит на нас это ее проклятие... До сих пор висит... И будет висеть...

Пытаюсь отвлечь ее, перевести разговор на другую, более приятную, на мой взгляд, тему. Показываю привезенные фотографии ее отца. Поясняю:

— Это на вечеру в Политехническом. Это в Спас-Клепиках, когда мы ездили вместе на 90-летие Есенина.

— Представляю, что он вытворял там!

Удивленно поднимаю глаза: — Нет, все три дня я был рядом, ничего не замечал.

— Ну, уж так и ничего? Мне все рассказали.

Чувствую, что и фотографии ей безразличны. Хорошо, что я предусмотрительно не привез снимки, где он запечатлен со своей, ненавистой ей, женой Алиной.

— А вот очень интересно, посмотрите. Это я заснял всю встречу на юбилейном есенинском вечере в музее Станиславского.

— Конечно, он опять вспоминал об отце? Все это неправда. Ничего он не помнит.

— Он так и сказал, что отца помнит смутно. Поэтому свои мемуары он назвал «Вокруг Есенина». Это рассказ о близком окружении Есенина, с которым встречался и он: о Толстой, Изрядновой, Миклашевской.

— Таких воспоминаний я не знаю. О его матери — да!

— Воспоминания о матери он мне показывал в 84-м году на даче, в Балашихе. Четыре обыкновенные школьные тетради с силуэтом Маяковского на обложке. А в музее Станиславского 24 октября 1985 года он



В.И. Николаев с правнуком Есенина Дмитрием Поляковым.
Справа – М.К. Есенина. Москва, 10 июня 1990 года

говорил о воспоминаниях «Вокруг Есенина». Говорил, что написано уже шесть тетрадей, что публиковать их не будет — они кое-кому не понравятся. Не пропустят. Возможно, что предложит купить их ИМЛИ или музею.

— Да, я не знала. А какому музею?

— Не говорил. Так что, может быть, зря вините Алину? Может, не там их надо искать?

Сегодня жалею, что не сказал тогда, что ее отец украдкой, до последних дней жизни писал стихи. Ведь ей он писать стихи запрещал. И, похоже, о существовании рукописей этих стихов мало кто знает.

Наша беседа все продолжалась. Настроение хозяйки периодически менялось. Возбуждаясь, меняя гнев на милость, она импульсивно выдавала новую и новую информацию.

— Погодите, вот скоро напечатаю свои воспоминания. Там достанется всем: и моему деду, и бабке, и матери, и отцу, и всем его любовницам и женам.

Возвратился счастливый Дмитрий, и я предложил сфотографироваться, пока не стемнело.

— С удовольствием! — воскликнула Марина Константиновна и, позируя, прижалась к сыну.

— Нет, здесь темновато, не получится. Лучше подойти к большому окну.

— Тогда давайте выйдем на балкон, — распорядилась хозяйка. — Не на этот. Пойдемте на другой — там светлее.

Сделав несколько снимков, я взглянул на часы.

— Мне пора! Опоздаю на последнюю электричку.
На прощанье жму крепкую мужскую руку правнука Есенина.
Осторожно, едва касаясь, целую поданную мне руку его внучке. Она в ответ мило улыбается.

На улице спрашиваю у промолчавшей почти весь вечер Маловой:

— Как фамилия отца Дмитрия?

Она без промедления всезнающе отвечает:

— Александр Поляков. Физик. Академик. Еврей. Сейчас живет в Америке.

— Эмигрировал?

— Нет, у него контракт. На пять лет. Вот туда и хочет она послать сына. Здесь люди Алины, угрожая, называли его жиденышем.

— О, боже...

Малова провожает меня до Киевского вокзала. Спешим — последняя электричка до Обнинска вот-вот уйдет. Отдышавшись и немного подумав, решаю:

— А зачем спешить? Там автобусы в это время уже не ходят. От вокзала до институтской гостиницы почти час ходьбы. Я лучше здесь дождусь первой электрички.

Распрощавшись со своей спутницей, выхожу на опустевший перрон местных линий.

Время 23:25. Столики со стульями возле закрытого на ночь летнего кафе свободны. Сажусь за столик возле фонаря.

К утру события прожитого волнительного дня убористым почерком легли на сорока семи страницах объемной записной книжки.

Вот и все, что я мог бы рассказать о своих встречах с нынешним поколением Есениных, утверждающих свое право владеть семейным архивом К.С. Есенина.

Только сейчас, с высоты прожитых лет, я неожиданно понял, как бы я поступил, если бы мне довелось искать пропавший архив. Я бы через Интернет предложил нынешнему владельцу рукописей продать их мне! «И не дано предугадать, как наше слово отзовется»!

Прошли года, страсти улеглись. Марину Есенину я встречал еще на юбилейных мероприятиях, посвященных С.А. Есенину, в ИМЛИ, в Колонном зале Дома Союзов и в Библиотеке имени С.А. Есенина. Время лечит. Она стала спокойной, уравновешенной, подобрела. Такой она мне понравилась больше. И я завершаю главу стихами совсем еще юной десятиклассницы Марины Есениной, посвященными ее двоюродному брату Сереже Есенину:

*Лишь березы колышутся мерно,
Да за лесом кричат петухи.*

*Ты, Сережа, не знаешь, наверно,
Отчего я пишу стихи.
Да и я-то сама не знаю.
Только я не могу без них,
Как не может весна без мая,
Как без солнца не могут дни.
Было б пусто на белом свете,
Если б не было звучных стрóf,
Если б их не подхватывал ветер,
Не вздымал бы до облаков.
Эти строки меня увлекают,
Словно волны большой реки...
Нет, Сережа,
Я, кажется, знаю,
Отчего я пишу стихи.*

Поиск истины — процесс увлекательный, но зачастую безнадежный.
Что чужая душа, когда человек порой в своей собственной не в силах разобратся?!

Часть II
Поиски. Находки. Встречи

Глава I

Путь к Есенину

*Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.
С. Есенин, 1925 г.*

С семилетнего возраста я начал зарабатывать колхозные трудовни: пас хуторских коров и овец. Вместе со сверстниками на бричках отвозил зерно на тока. Довелось работать ездовым в упряжках сенокосилок, травянок, жаток, лобогреек. Полевые бригады обслуживали техникой передвижные отряды МТС. Трактора СТЗ НАТИ, ЧТЗ, «Беларусь», комбайн «Коммунар» были основными помощниками колхозников. Повзрослев, я освоил профессию штурвального на комбайне, научился водить трактор ДТ-54. Это были годы трудового воспитания. Но случались и праздники...

Июль 1945 года. Хутор 3-й бригады Широочанского колхоза «Путь к коммунизму». Все шестнадцать семей бригады, жившие в двух саманных хатах хутора, собрались на степной улице на всеобщее застолье. Сдвинув столы — топчаны, отмечали приезд на каникулы моей тетушки, материнской сестры, учительницы из Москвы. Веселились, пели, плясали. Кто-то запел: «Выткался над озером алый свет зари...» Что-то незнакомое мне, довоенное, неслось в вечернем небе далеко над степью:

*Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло...*

Только много позже я узнал автора этих строк. Так состоялась моя первая встреча с Есениным.

В головах школьников тогдашние идеологи прочно формировали мысль: «Есенин — мелкобуржуазный богемный поэт». В учебнике Л.И. Тимофеева «Русская советская литература» тогда все сведения о Есенине вмещались в эту единственную фразу.

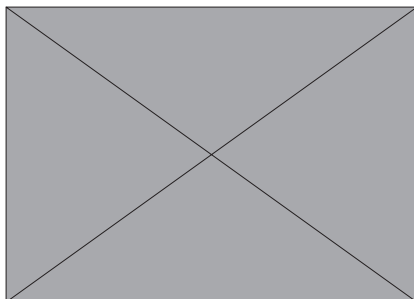
В конце 1953 года автор этих строк, не прочитавший в жизни ни одно-

го есенинского стиха, в классном сочинении «весомо, грубо, зримо» осуждал гениального русского поэта словами Маяковского:

*В этой жизни
помереть
не трудно,
Сделать жизнь
значительно
трудней.*

По этой же причине на следующий год комсорг 044 группы физико-технического факультета Томского политехнического института первокурсник Владимир Николаев не мог пропустить, оставив без должной оценки, проступок сокурсника из Колпашева, который пронес в общежитие изданный в Шанхае томик стихов Есенина и читал его товарищам. Комсомольское собрание было собрано незамедлительно. Виновный понес строгое наказание — выговор.

В 1956 году на мое 20-летие «коммунары» 105-й коммуналы общежития, что на Кирова, 4, подарили мне только что изданный томик стихов Есенина. Стал читать — понравились многие стихи. Особенно ставшее любимыми на всю жизнь: «Несказанное, синее, нежное...»



При первом же чтении обратил внимание, какие тяжелые моменты жизни пережил поэт, но сумел сохранить радостное, оптимистичное ее восприятие:

*Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю!*

Несколько стихов Есенина настолько запали в душу, что захотелось выучить их наизусть.

В те годы в зале Томской филармонии ежемесячно проходили музыкальные вечера, которые вел замечательный человек, искусствовед

Корчинский. Мы, студенты, были частыми посетителями филармонии, где выступали и другие деятели культуры. Однажды, в конце 1959 года, в Томск с концертами приехал исполнитель стихов Есенина, замечательный артист Сергей Балашов. Стихи он перемежал рассказом о поэте. Впечатление от вечера осталось на всю жизнь. С этих дней, поставив Есенина в один ряд с любимыми мною поэтами — Грибоедовым, Лермонтовым, Некрасовым, Пушкиным, Маяковским, я никогда с ним не расставался.

Припомнился мне курьезный случай. К концу учебы пришлось возвращать небольшой денежный долг. Работа над дипломом достигла наивысшей точки. Времени оставалось в обрез. Пойти подработать не получалось. Пришлось искать другой путь — сэкономить на еде: перейти с двухразового питания на одноразовое. Из «коммун» пришлось выйти. Решил только ужинать. И пока по утрам ребята поглощали купленные на кухне шницели с картошкой, я, лежа на кровати, учил наизусть... стихи Есенина. К концу месяца долг я вернул, а около тридцати выученных во время голодовки стихов более других прочно закрепились в память.

Осенью 1965 года местный лектор-международник Владимир Уткин привез в списках одно посвященное памяти Есенина стихотворение Евтушенко и рассказал историю с ним связанную.

3 октября 1965 года ЦК ВЛКСМ проводил юбилейный вечер Сергея Есенина. На вечере ведущие поэты должны были читать свои посвященные Есенину стихи. Предварительно проверив, эти же стихи ЦК направил для публикации в «Вечернюю Москву». Поэты поочередно выходили на сцену и читали свои творения.

*Поэты русские! Друг друга мы браним.
Парнас российский дрязгами заселен.
Но все мы чем-то связаны одним:
Любой из нас хоть чуточку Есенин...*

С первых же строк стало ясно: Евтушенко начал читать не те стихи, что давал на проверку. Назревал скандал. Когда автор дошел до слов:

*Что сволочей хватает — не беда,
Нет Ленина — вот это очень тяжко...*

— кульминация достигла предела. Секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов бегал за кулисами, взмахами рук требуя от поэта прекратить самовольное чтение. А в ответ услышал новую дерзость:

*Когда румяный комсомольский вождь
На нас, поэтов, кулаком грохочет
И души наши хочет мять как воск
И вылепить свое подобье хочет,
Его слова, Есенин, не страшны,
Но трудно быть от этого веселым.
И мне не хочется, поверь,
Здрав штаны,
Бежать вослед за этим комсомолом.*

Срочно стали звонить в редакцию «Вечерки», требуя не печатать стихи Евтушенко.

А со сцены, поражая слушателей, неслись новые и новые дерзновенные строки:

*Кто говорит, что ты не из борцов?
Борьба в любой, хоть малой, но правдивости.
Ты был партийней столькох подлецов,
Пытавшихся учить тебя партийности.*

Эти смелые, красивые стихи о Есенине не испорченного еще славой Евгения Евтушенко дошли до Томска. Спасибо Владимиру Уткину — лучшему лектору общества «Знание» нашего города.

Лишь через двадцать с лишним лет эти стихи были опубликованы в центральной печати: сначала в журнале «Знамя», а затем, в канун открытия XIX партконференции, 25 июля 1988 года, в «Комсомолке», затем во многих сборниках Евтушенко.

К сожалению, Евгений Александрович проявил свою непоследовательность, с каждой публикацией убирая новые и новые строчки: сначала о дрязгах российского Парнаса, затем о Ленине, о есенинской партийности и другие, чем значительно снизил уважение к себе своих почитателей. Есенин так не делал.

В марте 1975 года меня послали в Москву в командировку в министерство на согласование технических условий на тетрафторид урана. Видимо, посчитали, что начальник тетрафторидного цеха — самое подходящее для решения этих задач лицо. Билет на обратный рейс взял на вечер 15 марта. Была суббота — весь день свободный. Впервые решил сходить на Ваганьковское кладбище. Кто-то мне рассказал, что жива еще подруга Есенина Августа Миклашевская. Она часто ходит на могилу Есенина, там читает его стихи. Подумалось: вдруг повезет и встречу ее там.

Был пасмурный день, но температура была плюсовая. Снег на кладби-

ще взялся водой. Даже по аллеям было трудно пройти не промочив ноги. Холодная изморось проникала под пальто. Настроение складывалось угнетающим.

Тогда почти еще не было пышных надгробий и саркофагов. Многие могилы известных людей, у которых, по-видимому, не осталось родственников, были заброшены. Не было всепогодной красоты и величия Новодевичьего. Посмотрев схему захоронений, я решил зайти поклониться Тропинину и Саврасову, Сурикову и Тимирязеву. Но, свернув с центральной аллеи, понял, что это неосуществимо. Людей никого не видно — одному здесь можно и заблудиться.

К Есенину идти было недалеко. Осторожно выбирая менее обводненные места, глядя на указатели и затаив дыхание, подходил я к могиле Есенина.

Скромный памятник. Несколько промерзших с осени букетиков цветов. Рядом могила матери. На ум пришли есенинские строки:

Все мы, все мы в этом мире тленны...

Незаметно и неизвестно откуда подошел молодой человек. Высокий, худощавый, светловолосый. В стареньком демисезонном пальто и поношенных легких промокших туфлях. Поздоровался. Постоял немного рядом и начал рассказывать о Есенине, о его матери. Затем показал могилу Бениславской, рассказал легенду о ее смерти. Не обращая внимания на снег, протащил меня к могилам Ширияевца и Чагина, назвав их друзьями Есенина, рассказал о них. Затем, обойдя угол 17-го квадрата слева, вывел меня к могилам Зинаиды Райх и Мейерхольда. Здесь он рассказал о том, что у Райх и сейчас есть в Москве враги. Памятник несколько раз опрокидывали, пока не раскололи пополам (посередине памятника зияла поперечная трещина). Закончилась экскурсия в конце аллеи между 17-м и 19-м квадратами у безымянной могилы, где, по словам моего добровольного гида, похоронен сводный брат Сергея Есенина Александр Иванович Разгуляев. Сейчас на памятнике такая надпись и сделана. О его рождении, жизни и смерти тоже рассказал мне в тот памятный день Анатолий Амелин — так назвался мой собеседник. Несколько часов пролетели незаметно. Так впервые в жизни судьба свела меня с истинным фанатом, беспредельно влюбленным в Есенина: не просто влюбленным, а готовым в любых условиях поделиться с другими своими знаниями. Это был пример, достойный подражания.

С этого времени я стал бережно относиться ко всей найденной информации о Есенине. В моем собрании многие газетные и журнальные публикации датированы 1975 годом. Это был юбилейный год, и публикаций появлялось много. А 3 октября я без подготовки, экспромтом, провел

свой первый есенинский вечер, а за ним, немного поработав и систематизировав свои знания, начал читать лекции о жизни и творчестве Есенина.

Все, что мне рассказал Анатолий, я записал в тот же день в самолете по пути в Томск. Так родилась идея есенинских записных книжек. А со своим необыкновенным собеседником я встретился еще раз через пятнадцать лет так же случайно, но уже в кругу других фанатов. О первой встрече он не помнил.

Часто во время есенинских лекций, встреч, вечеров приходилось отвечать: почему именно Есенин, а не кто-либо другой стал объектом моего увлечения? Отвечал быстро, не задумываясь: «Вот так и получилось само собой. Сел готовиться к вечеру, а остановиться уже не смог». И не замечал, что это был просто уход от вопроса. Это был ответ на вопрос «как?», а вот «почему?» — оставалось безответным.

И вот сейчас задумался: «Почему? Почему более трети жизни посвятил Есенину и не могу просто жить без него?!» И, кажется, нахожу ответ. Он скрывается в самих стихах Есенина. Есенинская поэзия непосредственная, чистая, светлая, душевная. В нее смотришься, как в самого себя.

*Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай, под эту метелицу снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь...*

А началось все так: 6 февраля 1980 года. Профсоюзная библиотека нашего Сибирского химического комбината. На библиотечном совете обсуждаем план клуба «Собеседник». Татьяна Яковлевна Маматова, директор библиотеки, предложила темы вечеров. Решил взяться провести есенинский юбилейный вечер. «Прожил только тридцать лет, написал всего три тома стихов. Да я! Да я... к октябрю всю жизнь его буду по дням знать, стихи все наизусть выучу!» С таким шапкозакидательским настроением взялся я за дело. В помощники от библиотеки закрепили зав. абонементом Зинаиду Николаевну Дубову. Подобрали литературу, в том числе по межбиблиотечному абонементу, фотографии для пересъемки, картон, ватман и прочее. 16 мая я засел за работу. Практически ежедневно я отдавал изучению творчества Есенина все свободное время. И так продолжалось полгода!

22 ноября, в субботу, вечер состоялся. Длился он с шести до десяти часов. Моя же работа над постижением Есенина не прекращается и по сей день.

В фондах Северского музея Сергея Есенина при Центральной городской библиотеке сохранились материалы выставки, демонстрировавшиеся на этом вечере, есть фотографии всех участников вечера. Итак, 22



Первый поэтический вечер, посвященный Сергею Есенину.
22 ноября 1980 года

ноября 1980 года считается днем основания моего частного передвижного музея, известного в есенинских кругах как «Томская Есениниана».

«Дал слово — сдержи, взял обязательство — выполни!» Этому правилу в те времена руководитель должен был следовать во всем.

Вечер проведен успешно. А взятые обязательства — увы... Стихов осталось еще больше половины, количество непознанных вопросов о жизни поэта даже возросло. Только число есенинских мест, намеченных к посещению, стало больше шести десятков.

В это время шло составление планов и принятие обязательств на одиннадцатую пятилетку. Принимаю на себя обещание, данное на библиотечном совете, выполнить все намеченное к 90-летию Есенина. В личный творческий план записываю: «Прочитать за 5 лет 200 есенинских лекций в трудовых коллективах». И это, конечно, в свободное от работы время.

А наш цех трудился на пределе своих возможностей. Намеченная на объекте реконструкция затянулась. Вся нагрузка лежала на доживающем последние годы тетрафторидном производстве. В 1981–1982 годах цех на своем устаревшем оборудовании ежемесячно выпускал максимальное количество продукции. При этом 2-3 раза в месяц план пересматривался в сторону увеличения. Для семьи это были тоже трудные годы: старшая дочь оканчивала институт, младшая — школу. Для Есенина я выкраивал время, в основном, за счет уменьшения времени сна. Идеалом были Дзержинский и Фидель Кастро, которые спали по четыре с половиной часа в сутки. С появлением в семье внука стихи учил только тогда, когда все уже спали, чтобы не думали, что «дед чокнулся».

В конце 1983 года, оценив итоги сделанного за три года, принял неглас-

но новые обязательства: «90-летию Есенина — 90 ударных недель!» В конце 1984-го, почувствовав отставание в выполнении своего обязательства, ужесточил его пунктом: «Ни дня без Есенина!»

В октябре следующего года с глубоким чувством выполненного долга уехал в Константиново встречать очередной юбилей гения русской поэзии Сергея Александровича Есенина.

Кто-то из философов сказал, что если на плоскости изобразить свои знания в виде круга, то его окружность будет обозначать границу незнаний. Чем больше круг, тем больше описывающая его окружность. Чем больше человек знает о чем-то, тем больше уровень незнания об этом.

Обработав материал, собранный к 90-летию Сергея Есенина, напечатав привезенные с юбилея фотографии и оформив планшеты для выставки, 27 октября 1985 года мы с заведующей абонементом Ларисой Сергеевной Кирилиной в Центральной городской библиотеке провели вечер, посвященный юбилею поэта. На вечере я заявил, что мои знания о Есенине недостаточны, что надо глубже постичь еще его время, эпоху, что чувствую недостаток знаний о его близком окружении.

И потекли пятилетки за пятилетками. Интерес к жизни Есенина, жажда собирательства материалов о нем, о его окружении росли, как грибы на благодатной земле с возвращенной грибницей уже накопленных знаний.

Шел 1987 год — год 150-летия памяти Пушкина — любимого учителя Есенина. Издавалось и переиздавалось много книг о нем. Периодическую печать захлестнула волна пушкинских материалов. Чтобы не быть «однобоким», юбилейный год решил посвятить Пушкину. И как всегда — «лиха беда начало» — остановиться уже не мог. Собрал более 150 книг о Пушкине, более 1000 публикаций, скупил всю изопroduкцию о нем, посетил все



Слушатели — читатели библиотеки

пушкинские места Подмосковья. Побывал в Яропольце, в Полотняном Заводе, в Царскосельском лицее, в квартире-музее на Мойке. Построил по Русакову родословную пушкинских потомков. Подготовил, снабдив планшетами с фотографиями, лекцию «Адресаты лирики Пушкина» и стал читать ее в коллективах наряду с есенинскими.

При этом на первом месте оставалась производственная деятельность — цех практически ежегодно выходил победителем в соцсоревновании с другими цехами объекта.

Особенно напряжение возросло в юбилейный 1995 год. Десятки выставок, вечеров. Двухнедельная поездка на юбилейные мероприятия в Москву, Рязань, Константиново, Талдом (на родину друга Есенина Сергея Клычкова); снова в Рязань, Константиново (сопровождающим сына Есенина Александра Есенина-Вольпина).

Из поездки привез множество новинок: более 50 книг и журналов, около 300 газетных публикаций, 24 заснятые фото пленки. Все надо было обработать, подготовить и показать людям. Только пробных фотографий (6х9 см) пришлось напечатать 660 штук! Дневниковые записи конца декабря сохранили для памяти представление о продолжительности рабочего дня в то время:

Декабрь 1995 г.:

1-го отбой в 1 час 30 мин.

2-го отбой в 1 час 30 мин.

3-го отбой в 1 час 45 мин.

4-го отбой в 1 час 45 мин.

5-го отбой в 2 часа 30 мин.

6-го отбой в 2 часа 30 мин.

7-го отбой в 2 часа 45 мин.

8-го отбой в 3 часа

9-го отбой в 3 часа 30 мин.

(В 3 часа, наконец, жена взорвалась! — бедняжка!)

11-го — спал 7,5 часов!

14-го лег в 2.40

15-го лег в 3.00 и т. д.

Записи содержат информацию и о большой производственной загруженности — в это время на мне лежала ответственная работа по разработке условий, обеспечивающих безопасность железнодорожных перевозок обогащенного урана по договору Гор — Черномырдин.

Инженер, химико-физик по диплому, производственник с 35-летним стажем, увлекся, потерял контроль над собой, забыл, что во всем действует

закон предельно допустимых нагрузок, что существует предел усталости материала. Последствия наступили неукоснительно: острое нарушение мозгового кровообращения (ОНМК). Это случилось 5 июля 1996 года.

По требованию врачей пришлось оставить производство. Морально это трудно переносить. Я забыл обо всех делах. Забросил есенинские дела, оборвал переписку с «Радуницей», ничего не читал, сидел в кресле, бессмысленно раскладывая простейший пасьянс. Лишь изредка, вспоминая лучшее прошлое, раскрывал свои папки с фотографиями. Часто украдкой смахивал наворачнувшуюся слезу. Раз в месяц ходил к врачам. Спал только со снотворным. Так продолжалось три года. Казалось, всё.

*Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет...*

— верил Есенин. Я же эту веру потерял, и это было страшно. Возрождение произошло внезапно, 8 марта 1999 года. С утра поздравил жену, выпил стакан водки и почти сразу уснул. Через час проснулся, в голове — просветление. И захотелось почитать Есенина. А назавтра я уже начал работать.

Более трех лет боролась жена за мою жизнь. Ей помогали крестьянские корни моих дедов. Вместе они оказались сильнее воздействия на мой организм последствий несоблюдения мною на производстве правил радиационной безопасности. И недуги отступили! Вместе с ними канула в Лету боль по утраченной работе. Ее я позабыл навсегда. Теперь меня больше ничто не отвлекало. Я с наслаждением окунулся в бездну есенинской поэзии. Два месяца составлял каталог публикаций о Есенине. Построил «Кривую отношений к Есенину» по количеству публикаций по годам в библиографическом сборнике «Советские поэты», том 8, «Сергей Есенин».

В первых числах декабря ко мне домой пришла главный редактор журнала «Северский меридиан» Ольга Кочеткова. Причиной послужила ее случайная встреча на очередных Шукшинских чтениях на Алтае с членами «Радуницы». Потеряв меня из виду, они, узнав, что мы из одного города, передали привет и желание вновь наладить контакт. С тем ко мне журналистка и пожаловала. А ушла, взяв с меня твердое слово начать писать книгу... Первые главы о моих встречах с Константином Сергеевичем Есениным, опубликованные в журнале «Северский меридиан», стали началом этой книги. Жизнь обрела дополнительный смысл.

Подошел 2000 год. Он был насыщен событиями, связанными с жизнью Есенина и его окружения: 100-летие со дня рождения Надежды Вольпин и Софьи Толстой, 80-летие сына Константина, 75-летие опубликования поэмы «Анна Снегина», 105-летие со дня рождения и 75-летие со

дня гибели самого поэта, 50-летие гибели Всеволода Мейерхольда. Решил попробовать проводить вечера. Первый вольпинский вечер проводил в Томске в клубе «Мечта». Волновался страшно: как получится? Ведь почти четыре года не выходил к людям! Молчал.

Вечер прошел хорошо. Полуторачасовой рассказ у выставки о Надежде Давыдовне Вольпин, матери младшего, ныне здравствующего сына Есенина, был воспринят искушенными зрителями живо, с большим интересом. От радости спазмы периодически перехватывали горло. Пошли один за другим вечера в Центральной городской библиотеке. Общее количество лекций вскоре перевалило за 400, а число прослушавших их подошло к 15 тысячам. При этом ни одна лекция не повторилась.

Наконец, по инициативе Татьяны Яковлевны Маматовой и директора ЦГБ Валентины Ивановны Исаевой, при поддержке звездующего отдела культуры Виктора Георгиевича Червинского и заместителя главы Администрации города Олега Петровича Медведева в Центральной городской библиотеке на базе «Томской Есенинианы» был создан Северский общественный музей Сергея Есенина, первый и пока единственный за Уралом.



Приобщение к «Есениниане».
В.И. Николаев на выставке в Научной
библиотеке ТГУ с внучками Катей
и Настей 8 сентября 1995 года

Глава II

Дневник моих встреч

На пути к Есенину мне повстречалось великое множество влюбленных в него людей. Одержимых. Самозабвенных. Ищущих. Готовых отдать все за своего любимого поэта, за каждую малейшую крупицу новой или хорошо забытой старой информации о нем. И каждого из них вела не просто жажда собирательства — подавляющее большинство делились своими находками с другими. Свои есенинские познания они отдавали людям.

Готовясь к написанию этой части воспоминаний, перебрав в памяти сотни «есенинцев», я отобрал лишь незначительную толику из тех, с кем встречался и кто сделали меня таким же есенинцем, помогали рождению «Томской Есенинианы».

Екатерина Холина

В санаторий «Истра», что в Подмосковье, меня направили после тяжелого заболевания. На место мы с женой прибыли в день заезда — 17 сентября, в среду.

Архитекторы место для здравницы выбрали удачно — живописный берег реки Истры. Мосток через всю речку вместе с поймой. На противоположном берегу, прямо напротив санатория, дача Ильи Эренбурга и еще кого-то из великих. Чуть выше — сияющий позолоченными куполами действующий собор. Стояла золотая осень. Все благоприятствовало успешному лечению, располагало к отдыху и творческой работе.

Начав еще дома готовиться к спланированному на октябрь юбилейному есенинскому вечеру, успев на несколько раз перелистать любимый пятитомник Есенина 1961 года выпуска, проштудировав с карандашом все, что было в профсоюзной библиотеке (Петра Юшина, Юрия Проку-



Екатерина Сергеевна Холина

шева, Волкова), прочитав с интересом воспоминания Ильи Шнейдера и роман о Есенине Александра Андреева, захватив в дорогу воспоминания Матвея Ройзмана, я намеревался с первого же дня пребывания в санатории после лечебных процедур продолжить постижение Есенина.

Говорят, когда делаешь доброе дело, тебя твой Ангел незримо ведет по самой лучшей и правильной дороге. Так было и в этот раз. В вестибюле столовой висело объявление: такого-то числа в актовом зале первого корпуса истринская поэтесса Екатерина Сергеевна Холина расскажет о своих встречах с Горьким, Маяковским, Багрицким и другими советскими писателями и поэтами.

В тот же день в зале собралось множество отдыхающих. В указанное время на сцену вышла пожилая женщина в платке и стареньком пальтишке. Опиралась она на большую суковатую клюку. Взяла в свободную руку микрофон и без предисловий заговорила об Алексее Максимовиче Горьком. А далее, все более увлекаясь, она рассказывала о Сергее Городецком, Игоре Северянине, об Анне Ахматовой и дальше, дальше, дальше... Воспоминания о встречах с поэтами сменялись чтением их стихов. Чуть передохнув, погасив волнение, Екатерина Сергеевна повела рассказ о встречах с Есениным. Легкая грустинка была в ее голосе, когда читала его стихи. Но вот всех позвали на ужин, и Екатерина Сергеевна закончила вечер своим стихотворением «Есенину».

На вопросы окруживших ее любопытных слушателей поэтесса отвечала охотно, но недолго. Пожелала всем приятного аппетита, пригласила желающих поговорить к себе домой и, сославшись на то, что может опоздать на последний автобус, постукивая клюкой поспешила к выходу. Адрес ее запомнился легко и быстро: Босова, 2, квартира 18.



28 сентября, успев пораньше принять процедуры, часов в одиннадцать я уже стучался в двери восемнадцатой квартиры. Невозможно сосчитать, сколько раз в тот и последующие годы гостеприимно открывала мне свои двери Екатерина Сергеевна! Записные книжки сохранили очень много. Только в оставшиеся дни до отъезда из санатория я побывал у нее трижды. А затем были еще поездки в истринский санаторий в августе 1982-го и в сентябре—октябре 1988 года, когда я каждые два-три дня навещал Холину. Зная о моем предстоящем приезде, она специально готовилась: вытаскивала из памяти новые и новые события из литературной жизни России 20–30-х годов.

Сколько интересного о Есенине и его близком окружении, о том времени, о литературной жизни и событиях тех далеких лет достоверно и

искренне поведала она мне! Свои воспоминания она дополняла в письмах, записывала в тетрадях и пересылала мне. Очень многое, как в дневнике, записано в моих записных книжках.

...В первый же год после смерти Есенина она начала обходить его друзей и близких знакомых, собирала воспоминания о нем. Странно повел себя Казин, захлопнув перед нею свои двери со словами: «Я не имею ничего общего с этим алкоголиком». Позже Василий Васильевич пересмотрел свои взгляды. В предисловии к изданной в 1976 году книге своих стихов он уже называет себя близким другом Есенина.

В 1926 году Холина вместе с другом Есенина Федором Ворсаповым (Зориным) поехала за воспоминаниями в Вытегру к Ключеву. Он встретил гостей приветливо, много рассказывал о Есенине, был добр и хлебосолом. Но вот ночевать Екатерине пришлось целую неделю в сенях! На ночь Николай Алексеевич стелил им там, так как с Федором Катя была не венчана, а жила гражданским браком.

Еще расскажу об очень интересном случае, положенном в основу холинской неопубликованной поэмы «Сергей Есенин». По словам автора, эта поэма получила неодобрение Александра Жарова, назвавшего ее — «взгляд на Есенина сквозь кухонную занавеску». Привожу отрывок из этой поэмы:

*...Я помню писательский тот ресторан:
С Есениным вместе входила Дункан —
Вокруг восхищенные взгляды.
...У блоковских девушек в кольцах рука,
Расцвечена люстрами зала,
А я поварского не сняв колпака,
Смущенно меж кресел стояла.
... Две пальмы бросают на столики тень.
Зажарен для эппманов целый олень...*

В 1980 году Екатерина Сергеевна лишь записала свою поэму в мою записную книжку и сказала, что была свидетелем этого события. В сентябре 1988 года я пришел к ней с заранее заготовленными вопросами. Ответы ее сложились в следующий рассказ:

— Мы готовили ужин по заказу капиталиста в ресторане «Подвальчик». Он так и назывался — «Подвальчик» на Арбате. А капиталист этот был Хаммер. Сейчас не принято говорить о нем плохо. Он наш друг. Тогда он был концессионером. Была в России знаменитая фирма «Карандаш Хаммера». Так вот, он заказал ужин. Готовили мы — повара из «Пра-

ги». Какие сделали торты! Но главное блюдо было — запеченная в свиной туше дичь. Затем свинью еще запекли в туше оленя. Олень был вот такой огромный! (Показывает.) Больше стола!

В дичь Хаммер закладывал каждому по сюрпризу: или кольцо, или деньги, или еще кое-что из драгоценностей.

На званый ужин он пригласил наших нэпманов.

— Есенин также был приглашен. Наверное, по совету нэпманов. Тогда богачи ходили развлекаться в поэтические кафе, платили большие деньги. На встрече был еще, точно помню, поэт Петр Орешин с женой Ольгой.

Дельцы, выпив, начали говорить, что Россия без их капитала ничто, нуль; что она не выживет, что ей скоро придет конец. Хаммер заявил, что Россия ничто, а вот он все может, в том числе купить пол-России или пол-Москвы.

Вот тут-то Есенин вскочил и начал возмущенно говорить, что Россия не пропадет, советская власть победит. И катитесь вы, господа капиталисты, по домам или еще куда подальше. Поднялся скандал. Вскоре подъехала черная машина, и Есенина увезли в кутузку.

Дельцы постепенно успокоились и продолжили пиршество...

И вдруг дверь открывается и входит Есенин, веселый и счастливый.

Все стали возмущаться: «Как так? Выпустили?..» А Есенин им спокойно: «Да! Выпустили. И даже сам Дзержинский только что читал мне мои стихи».

Праздник быстро стал сворачиваться. Все по-быстрому разбежались, разошлись, исчезли из «Подвальчика».



Еще один эпизод из рассказов Е.С. Холиной:

— Хотя поэт Александр Жаров доказывает, что официально Есенин запрещен не был, партия выступила против его отдельных ошибочных и упаднических настроений в силу сложившихся тогда политических и экономических условий.

В 1933 году в Москве шел слет стахановцев-ударников. В Георгиевском зале выступали Сталин, Калинин и делегаты. У меня был делегатский билет и красная книжка ударника. Стахановцами лучших рабочих стали называть позже.

В кремлевский киоск, в вестибюль, привезли много книг, в том числе томики Есенина (издание Гослитиздата 1926 года). В перерыв многие делегаты встали в очередь. Встал и Иосиф Виссарионович Сталин. Мы уступали ему очередь, но он сказал: «Нельзя, нужен порядок. Вдруг я возьму книгу, а кому-то впереди стоящим не достанется. Значит, я кого-то обижу».

В очереди стоял и Михаил Иванович Калинин. Вот что возле киоска он сказал нам: «У Есенина надо отбросить все лишнее, наносное, всю шелуху, и останется большой, с русской чистой душой истинно русский национальный поэт с его безграничной любовью к родине, к людям, к жизни, ко всему живому».

В разговор вступил Сталин. Поинтересовался, какие книжки покупают делегаты, пошутил: «Наверно, мало кого интересует моя «Вопросы ленинизма». Вам «Королеву Марго» бы или «Всадника без головы» для ваших потомков. По своим мальчишкам сужу.» «Нет, Иосиф Виссарионович. Все почти купили вашу книгу», — возразила я и показала ему толстую книгу в сером переплете с буквами, тисненными золотом. Сталин засмеялся: «Для коллекции? А вот Есенина книжечка — это отлично, это большой русский поэт. Его память надо чтить и беречь. Слышали, что сказал Михаил Иванович? Книжка Есенина должна быть в каждом доме. Маяковский и Есенин — это лучшие поэты нашего века. Небрежное отношение к их памяти и творчеству — преступление. Не бойтесь, прятать книжки Есенина сейчас не надо. Была временная вынужденная мера — энп, безработица, трудные жизненные условия. А теперь страна растет, поднимается. У всех есть работа, хлеб. Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей! А ведь была трагедия самоубийств и даже на могиле Есенина. Мы это знаем и запретили его упаднические стихи. Но никогда не запрещали его лучшего: ни «Поэмы о 36», ни «Анны Снегиной». Все лучшее мы у Есенина возьмем. А лучшее — это его чувство родины, любовь к ней, уважение и любовь к людям, к новой Руси, о которой он хотел и задумал написать, но не успел. И мы благодарны Есенину, что он жил и работал».

Мы бросились записывать слова Сталина, но он отмахнулся: «Не надо! Это не лекция, не доклад. Это мое личное мнение и доверительный разговор в кулуарах...»

Обладая отличной памятью, дома я записала почти дословно сказанное о Есенине Калининым и Сталиным.



Значение этого первого моего знакомства с женщиной, любившей Есенина и знавшей о нем и его окружении много больше и правдивее, чем об этом писали в литературе, невозможно переоценить.

Екатерина Сергеевна стала первым проводником в моих есенинских поисках. По материалам, полученным от нее за двенадцать лет нашего знакомства, можно написать целую самостоятельную книгу.

Помимо всего прочего, она была в курсе поэтической жизни страны. Однажды неожиданно спросила, знаком ли я с томскими поэтами Михаилом Карбышевым и Михаилом Андреевым. При этом сказала, что наши сибирские поэты выглядят посильнее столичных и рекомендовала поближе познакомиться с ними. Думаю, что и мне, и моим современникам стоит получше познакомиться с биографией этой замечательной женщины.

Холина Екатерина Сергеевна

Родилась 11 ноября 1908 года в Москве. Отца в 1918 году зарубили на Дону каледины. Мать — закройщица, член партии ленинского призыва 1924 года. Есенина не любила, называла его кулацким поэтом. Екатерина окончила ФЗУ по поварской специальности и поступила на работу в ресторан «Прага» помощником повара и официанткой.

Часто в ресторане бывал Есенин. Там состоялось их знакомство, и молоденькая официантка влюбилась в поэта. Он тоже выделял ее и всегда требовал, чтобы его обслуживала официантка Катя. Ласково называл ее Рыжик.

Любовь к Есенину Екатерина Сергеевна сохранила на всю жизнь. Сразу после его смерти начала собирать все публикации о нем: писателей, поэтов, литературоведов, родных и близких.

В конце 20-х годов была арестована по доносу студента Александра Тверского. Спас ее Генрих Ягода по просьбе своей подруги Людмилы Николаевны Сеталь, первого литературного учителя Екатерины.

Писать стихи начала в 20-х годах. Несколько позже на стихи молодой поэтессы обратил внимание А.М. Горький и поместил их в первых трех номерах созданного им в 1930 году альманаха «Вчера и сегодня». Он постоянно следил за ее творчеством и покровительствовал ей. В 1934 году он создал Литературный институт и хотел, чтобы Екатерина училась в этом институте. Но у нее были другие планы. Она очень любила свою профессию, работала увлеченно, стала ударницей. В 1933 году стала делегатом слета молодых ударников-стахановцев, проходившем в Георгиевском зале Кремля (партия в то время всеми силами привлекала женщин, особенно молодых, к общественной и трудовой жизни).

В Литературный институт она все же поступила, но уже после смерти Горького, в 1936 году. В институте она быстро стала профсоюзным вожаком. Но учиться пришлось недолго. Через два года обстоятельства заставили бросить учебу.

В конце 30-х годов Екатерина работала сотрудником в редакциях разных газет. Война застала ее в Карелии. В конце лета 1941 года она ушла к партизанам. Воевала в отряде Ю.В. Андропова. Была тяжело ранена. После госпиталя попала санитаркой в действующую армию.

По окончании войны Екатерина Сергеевна переехала в Истринский район, на родину бабушки по отцу Ксении Платоновны Тюмаковой, которая умерла еще в начале тридцатых годов. В конце сороковых Холина переселилась в Истру. Работала в редакции истринской газеты. Еще до выхода на пенсию на общественных началах она создала и возглавила литобъединение газеты. Душой этого объединения она оставалась до конца жизни.

Умерла Екатерина Сергеевна 12 мая 1992 года в Истре. Похоронена на истринском кладбище. Мир праху ее.



Я остался в большом долгу перед Екатериной Сергеевной. С 1980 по 1992 год она написала мне 44 (!) письма. В письме от 19 февраля 1985 года она пишет: «Просмотрю все, что у меня прозой написано о Есенине, и вышлю... Возможно, вы сделаете маленькие зарисовки и где-нибудь в Томске, хоть в малотиражке, напечатаете под своим именем. Только укажите: по материалам такой-то». 18 октября этого же года я получил от нее бандероль с двумя школьными тетрадями рукописей под общим заголовком «Невыдуманный Есенин». К ним комментарий: «У меня их просил профессор В.А. Вдовин, но я не дала и он обиделся, сказав, что я не литературовед и у меня это не пойдет, а он литературовед и все привел бы в систему...» Мною была сделана попытка опубликовать материалы о Е.С. Холиной и страницы ее воспоминаний в журнале томских писателей «Начало века», но безрезультатно. Объем рукописей Екатерины Сергеевны превышает возможности данной книги и позволяет использовать лишь два эпизода ее воспоминаний. Пока что.



Е.С. Холина, В.И. Николаев. Истра.
Октябрь 1989 года

Татьяна Петровна Флор-Есенина

Половина 1986 года прошла для меня в послеоперационном реабилитационном состоянии. На работу вышел только в июне. Операцию по замене крестообразной связки коленного сустава делать отказался. По рекомендации главного травматолога области занялся разработкой связок и мышц правой ноги. Перемещался вначале на костылях, а потом опираясь на трость. Разрабатывал ногу упражнениями с отягощением — подвязывал десятикилограммовую гантель. К концу года пошел без палки.

После смерти Константина Сергеевича Есенина в моем постижении Есенина образовался пробел: уровень моей квалифицированной информированности значительно снизился. Я перестал доверять на слово печатным мемуарным источникам. Перечитав множество воспоминаний, я перестал верить мемуаристам. В большинстве они писали через десятки лет после смерти Есенина (Шнейдер, Ройзман, Вольпин). Прочтешь одного — думаешь: «Он близко знал Есенина. Вот это то, что надо». Читаешь другого — полная противоположность. Кроме того, фигуранты ушли из жизни — можно и приврать.

Нужна была добротная информация близких родственников.

В 1987 году перед поездкой я с женой летал в Ташкент с надеждой встретиться там с дочерью Есенина Татьяной Сергеевной. Встреча не состоялась.

Тогда я стал искать возможность встречи с племянницами Есенина. Со времени поездки по Рязанщине в 1985 году запомнились встречи с дочерью Александры Александровны Есениной Татьяной Петровной Флор. Она покоряла знанием родины Есенина, своей решительностью и боевитостью, своей добротой в отношении к людям.

В 1988 году перед поездкой в санаторий Средмаша «Истра» я стал готовиться к встрече и разговору с Татьяной Петровной: напечатал множество фотографий 85-го года, часть фотографий 80-го года из Политехнического, приготовил записные книжки со своими конспектами.

По приезду в «Истру», чтобы выйти на Татьяну Петровну, узнал телефон ее сестры. Светлана Петровна телефон дала, но предупредила, что она сейчас на Есенинских чтениях в Туле.

В день рождения Есенина с утра уехал на Ваганьково. Народу было еще мало, но стихи у памятника уже читали. Через плечо бюста Есенина была повязана большая голубая лента с надписью: «Великому русскому поэту от национального патриотического фронта». Внизу, прямо на земле, прислонены к деревьям и скамье большой портрет Есенина и два лозунга, выведенные непрофессиональной рукой.

Лозунги странные, составленные из разных стихов, но явно перекликающиеся с надписью на голубой ленте, накинутой на памятник. «Национально-патриотический фронт» — так это же «Память»!

После обеда люди стали прибывать. Продолжалось чтение стихов.



Слева направо: Т.П. Флор, В. Соколов, Н. Юсов, С.П. Есенина,
В. Юсова. Москва, ул. Москвина, 5. Июнь 1990 года

Вскоре пришла Татьяна Петровна Флор с букетом тюльпанов. Спросила, кто был с цветами от Союза писателей, кто выступал. Попросила снять ленту с памятника, объяснив, что под дождем голубая краска испортит мрамор. «К тому же имя Есенина надо беречь». Лозунги кто-то тоже унес и поставил к центральному входу на повороте в аллею Есенина.

Постояв немного, Татьяна Петровна незаметно ушла. Я спросил у женщины, с которой она приходила, где ее найти. «Могилу ее мужа, шахматиста Сало Флора, знаете? Она там или у матери», — ответила та.

Нахожу ее, в заметном клетчатом пальто, сметающей листья с могилы матери Александры Александровны. Быстро фотографирую. Подхожу, здороваюсь. Она отвечает приветливо: «Да-да. Я вас хорошо помню. Нас познакомил Константин Сергеевич. Царство ему небесное! А сейчас вы приехали на праздник? А почему не были на чтениях? Как не знали? Где остановились? В «Истре»? У вас там знакомые? В санатории? Знаю такой. Хороший очень санаторий».

Во время разговора подошла ее спутница.

— Знакомьтесь, это Маргарита Васильевна Алхимова — секретарь есенинского общества «Радуница». Мы только что приехали с ней из Тулы с Есенинских чтений. Было очень интересно. Следующие IX чтения намечены на март следующего года. Приезжайте, приглашаем. Только заранее предупреждаем: «Радуница» — общественная организация, и все расходы за ваш счет. Официальное приглашение пришлем — оставьте только адрес.

— Спасибо за приглашение. Я постараюсь приехать. Татьяна Петровна, в нынешний год я приехал, чтобы встретиться с вами. Кое-что привез из материалов 1985 года. Вам показать?

— Хорошо, приезжайте ко мне в субботу, 8 октября. Устраивает? Тогда запишите адрес и телефон.

О, как я благодарен своему Ангелу, который надоумил меня записывать в записной книжке-еженедельнике все важнейшие события своей жизни в есенинском мире! В записной книжке № 13 на странице 70 нахожу запись: «08.10.1988. Суббота. С 10:45 до 15:55 встреча с Татьяной Петровной Флор, племянницей Сергея Есенина» и далее 42 страницы текста — конспект беседы: все до мелочи записано, вплоть до размера каждой из 21 привезенной ей фотографии.

О размере фотографий. Никогда не задумывался, куда их можно девать, как хранить. Меня интересовало лишь одно: чтобы на фото отчетливо было видно каждую отснятую деталь, вплоть до пуговиц. И так было всегда. Такие по размерам фотографии я привозил Константину Сергеевичу и Марине Константиновне Есениной, Надежде Давыдовне Вольпин, Александре Леонидовне Спировой, Алине Ивановне Давыдовой — жене Константина Сергеевича, посылал в музей Константинова и Вытегры.

Мир событий вокруг Есенина я видел своими глазами и запечатленным через объектив фотоаппарата. И хотел, чтобы таким его увидели все. Эту мою гигантоманию остановил есениновед и клюевед Сергей Иванович Субботин, когда привезенные ему крупноформатные фотографии клюевских мест Томска вернул мне назад со словами: «Ну куда я их буду девать такие огромные?!»

А Татьяна Петровна взяла, приговаривая: «Покрупнее — для музея на Строченовском. Сейчас как раз мы формируем фонды. Для ваших материалов мы заведем отдельную папку, сделаем опись. Фотографии помельче возьму для своего альбома, а вот эти, с вечера в Политехническом — для Светланы Петровны».

В последующие годы я делал снимки с Флор на чтениях 1989 года в Ленинграде, в 1990 году — в Рязани и Константиново, в 1991 году — в Орле. В 1990 году руководство «Радуницы» вместе с дочерьми Александры Александровны Есениной организовало встречу с жильцами кварти-

ры на Москвина, 5, где жили Есенин и Мариенгоф. Фотографии с этих переговоров о согласии жильцов на переселение на другую жилплощадь с целью освобождения помещения под есенинский музей я тоже передал Татьяне Петровне на память.

Благодарность за них я получил в письме от нее 4 февраля 1991 года: «Спасибо за фото. После Рязани я попала на три месяца в больницу. Фотографии пришлось кстати, помогли вспомнить, как все было».

В тот день, 8 октября, пятичасовая беседа была насыщена информацией. Я показал ей конспекты выступлений Константина Сергеевича и многих писателей на различных есенинских мероприятиях. Она посоветовала сохранить их для истории. Прочитал и наброски ее выступления в 1985 году в Спас-Клепиках. Поблагодарила.

Рассказал, что в прошлом году летал в Ташкент: «Хотел встретиться с Татьяной Сергеевной Есениной. Ничего не вышло».

— А ведь и мы с Татьяной Сергеевной незнакомы даже. Впрочем, кто мы ей? Она и в Константиново никогда не была. Впрочем, пусть останется это на ее совести.

«Как бедна у мира слова мастерская!»

Перечитал написанное — очень не понравилось. Крепко задумался: то ли пишу, так ли пишу, о том ли пишу. Задумался и остановился. Остановка совпала с болезнью. Почти два месяца не писал. Все продумал. Выбранная мною тема — «Вокруг Есенина» — это не просто мемуары. Тема может многих не интересовать. Это не новость. Но многие события интересны исследователям и почитателям Есенина. Их нельзя оставлять за кадром.

Начатая сыном поэта Константином тема отличается по уровню насыщенности, бесценность материалов возрастает в зависимости от удаленности родства вспоминающих. Было бы лучше, если бы материал подавался по мере нарастания, но мне бы не хотелось уходить от жизненной последовательности значимых встреч, выбранных мною к описанию, и поэтому глава и называется «Дневник моих встреч».

И последнее обстоятельство: к Есенину я пришел поздно, в последнюю треть своей жизни. Писать о нем начал еще позже. В результате писать и переделывать, и даже пользоваться черновиками — непозволительная роскошь.

В написании книги я пользуюсь текстами записных книжек восьмидесятых годов. Кроме фактического материала, взгляды, эмоции, идеалы и даже состояние изученности есенинской жизни — все соответствует тому времени. Много воды утекло за это время. Но изменить записи дневникового характера автор не имеет права. Просто это неэтично. Да и разные поколения не всегда понимают друг друга. «Увядания золотом

охваченный, я не буду больше молодым». Но в этом есть и преимущества мемуариста.

В отличие от встреч с Константином Сергеевичем, в тот день, 8 октября 1988 года, я не постеснялся достать записную книжку и делал сразу же наброски беседы. Жаль только, что по возвращении домой, я не переписал наброски в системе, как я стал делать позже, во время встреч с другими близкими родственниками.

Наш разговор с Татьяной Петровной тек в обычном русле: я подавал реплики, она реагировала на них.

— На днях я был у Алины Ивановны. Приняла странно. Спросил о вас. Ничего не сказала, но телефон вашей сестры, Светланы Петровны, дала, сказала: «Я, знаете, с ними не очень...», хотя раньше, когда еще был жив Константин Сергеевич, заявляла, что вы не осуждаете их брак, не то, что дочь Марина.

— Не придавайте значения ее странностям, у нее сейчас должны быть неприятности. У нас с ней тоже отношения не очень... Считаю, что Зинаида, жена Есенина, вбила клин в отношения между всей его родней, еще с отцом Есенина судилась за наследство. Представляете, их дочь Татьяна ни разу не была в Константинове! (Позже, из рассказа В.И. Астахова, директора константиновского музея, я узнал, что это не так. В 70-е годы она однажды приплыла на родину отца на теплоходе, поднялась к дому Есениных, но в дом не заходила, ни с кем не встречалась, долго бродила по усадьбе. Была грустной. — авт.)

Показывая привезенные фотографии, я дал Татьяне Петровне переснятую в ташкентском музее фотокарточку Александра Сергеевича Есенина-Вольпина и неожиданно услышал в ответ:

— Вы знаете, с ним нужно поосторожнее. Ведь Надежда Вольпин только по суду стала доказывать, что ее ребенок — сын Есенина. Есенин нигде, никогда, никому не писал, не говорил о ней и ее ребенке. Впрочем, это неплохо, что она написала воспоминания. Главное, она не имеет права утверждать о своей особой роли в жизни Сергея Есенина! Ну, кто она ему, если он ни разу не упомянул о ней?!

— А Константин Сергеевич отзывался о ней очень хорошо, говорил, что она считала «Там на севере девушка тоже, на тебя она очень похожа» Есенин написал о ней. Но мне кажется, что она ждала, когда умрет К.С. Есенин, чтобы опубликовать свои воспоминания.

— Да-да. Она очень боялась сестер Есенина. Может быть, написала раньше и только в октябре 1986 года опубликовала в «Юности».

— И все же Константин Сергеевич благоволил к ней...

— Костя всех почитал: и ее, и ее сына. Все сглаживал. Миротворец.

Показывая ей фото, рассказываю о Романцеве, о его встречах с Та-

тьяной Сергеевной в Ташкенте. Это вновь возвращает мысли Татьяны Петровны к дочери Есенина.

— Нас она знать не хочет. Пусть это останется у нее на совести. Кто мы ей? Пятая вода на киселе.

Странно, но эту же мысль слышал от Константина Сергеевича, когда он говорил о своих кузинах и о своей родной сестре: «Кто они ей? Пятая вода на киселе». Отсюда и мое отношение к воспоминаниям дальних родственников Есенина. Чем дальше родство, тем меньше информативность их памяти. Но с точки зрения их информационной деятельности — значение этих фигур не уменьшается. Следуя принципам своей матери, младшей сестры Есенина Александры Александровны, Т.П. Флор сыграла значительную роль в приумножении памяти своего дяди — великого поэта России. Она долгое время была лучшим другом есенинцев из общества «Радуница». С момента его создания в 1985 году она входила в его правление, участвовала в ежегодных есенинских чтениях.

В тот день, когда я пришел к ней, она, только что вернувшаяся с чтений в Туле, восторженно делилась впечатлениями:

— Представляете, один товарищ прибежал прямо с поезда, посидел два часа и поехал дальше. Мы решили наше общество назвать братством.

Я о «Радунице» от нее услышал впервые.

— Странно. Много лет увлекаетесь Есениным и не знаете о «Радунице»? Пишите заявление, я дам рекомендацию, рассмотрим на следующих чтениях в марте 1989 года. Так я с благословения Татьяны Петровны Флор-Есениной стал членом есенинского общества «Радуница».

Немного биографических данных: Татьяна Петровна Флор-Есенина родилась в 1933 году. Окончила полиграфический институт. Работала в одном из московских издательств. После смерти матери, младшей сестры Есенина Александры, продолжила дело ее жизни — посвятила себя служению Есенину: публиковалась в газетах и журналах, выступала на есенинских мероприятиях, работала в редколлегии Полного собрания сочинений Есенина, вместе с сестрой Светланой была составительницей тома «Письма. Документы» в четырехтомнике «Сергей Есенин в стихах и письмах».

Умерла Татьяна Петровна от тяжелой болезни, не дожив до 60 лет в феврале 1993 года.

Петр Проскурин

В поездке по Рязанщине с сыном Есенина Константином в 1985 году все три дня я находился в непосредственной близости от главы юбилейной делегации Союза писателей, автора романов «Судьба», «Имя твое» и др., лауреата Государственной премии СССР, в будущем Героя Социалистиче-

ского Труда Петра Лукича Проскурина и имел возможность видеть его в самых различных ситуациях.

Его солидная фигура и рокошущий голос привлекали к себе внимание окружающих.

Но самое глубокое впечатление оставило его выступление 2 октября в Спас-Клепиках, когда после открытия музея нас пригласили на встречу с преподавателями и учащимися местного СПТУ-32, выполнившими весь ремонт школы, где учился Есенин, для переоборудования ее под музей.

Петр Лукич поднялся на трибуну, облокотился на нее, внимательно осмотрел зал и чуть приглушенным голосом начал:

— Дорогие товарищи! Мы присутствуем на большом событии, ибо с сегодняшнего дня начинаются ежегодные Всесоюзные праздники есенинской поэзии.

На улице идет дождь. В народе говорят, что если человек собирается в дорогу и идет дождь — то это хорошо.

Сейчас в вашей Рязанской области работает около 50 писателей. Во всех районах, на предприятиях, во многих организациях проходят юбилейные встречи.

Есенин жил и до этого праздника: жил какой-то таинственной необычайной жизнью. Есенина знают, Есенина читают. За последние годы вышло пять многотомных изданий его тиражом от 500 тысяч до 2,5 миллиона экземпляров, не считая однотомных изданий. Но Есенина купить нигде невозможно.

Прочитаешь строки Есенина, и тебе кажется, что это твое, личное. Что такое Есенин — объяснить очень трудно. Есенин — это небо. Есенин — это природа. Есенин — это человек. Есенин живет в каждом из нас.

Выступающий говорит без бумажки, медленно, доверительно. Это не речь, а скорее беседа. Он делится со слушателями своими глубоко продуманными мыслями. Его слова легко успеваешь записать.

— Тайну гения, а Есенин — гениальный поэт, объяснить очень трудно, очень сложно, очень ответственно. Есенинская поэзия — это очень мудрая поэзия, очень глубокая, очень добрая, очень стыдливая, потому что в нее заглядываешь как в себя, с ней стараешься поделиться даже в



Ю.Л. Прокушев,
П.Л. Проскурин (справа)

самые трудные минуты. Почему так — я не знаю.

Есенин сейчас все больше и больше проявляется как явление необычное. Есенин пришел из души народа. Эта душа не дала ему погибнуть.

Отпечатана юбилейная медаль Есенина, улицы будут называться его именем.

Когда ученик созреет, придет учитель. Это сейчас и случилось.

Есенин — это чисто русское явление. Он угадал и заставил жить и дойти до смысла многих поколений самые главные черты нашего национального характера, такие как нежность, доброта, огромная любовь к родной земле.

Многokrатно повторенные Проскуриным слова «Есенин», «есенинская поэзия» — это ораторский прием, усиливающий воздействие на слушателя.

— За таких людей как Есенин всегда в обществе идет борьба. Потому что таких людей многие старались поставить на службу своих различных интересов. Так было при жизни Есенина, так и сейчас, после его смерти. В мире идет борьба за Есенина.

Гений таит в себе ответ на многие и многие вопросы. Когда я читаю стихи Есенина, мне кажется, что он всегда стоял рядом с Пушкиным и Достоевским. Я не мыслю себе литературы без Есенина. Его искрометная жизнь озарена какими-то вспышками судьбы.

Здесь Петр Лукич переходит к теме судьбы, к теме своего ключевого романа:

— У Есенина была трудная судьба. Но если вспомнить, то почти у всех русских писателей нелегкие судьбы. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Блок. На великих людях лежит своя печать судьбы, потому что судьбы великих людей как-то сходны.

Если бы Есенин родился весной, то он был бы другой. Я считаю, что все влияет на человека. Об этом говорит и судьба наших великих наставников.

XIX век сделал столько, что изумил всех. Он дал столько, что мы до сих пор находимся под его влиянием.

И вновь оратор заворачивает зал богатством мыслей:

— Человек и земля — одна из глобальных тем, которые прошли через все творчество Есенина.

Рязанщина, Тула и прочее Нечерноземье родило русскую литературу. Очевидно, на жирных землях такое не рождается. Видно, чтобы стать любимым у народа, надо много и много потрудиться.

Я только что подумал, что и нам надо в оставшееся время поработать, чтобы наш век, дай бог, дал то, что дал прошлый век: пример совестливости, духовности; великий пример, как нам жить и честно смотреть в глаза будущим поколений.

Наша земля честная, и наши писатели были всегда честными.

Поздравляю рязанцев! Ваша земля дала честного, прекрасного человека. Дай бог, еще дать. Но природа бережлива. Что ей 1000 лет! Может, лет через 500 появится новый гениальный поэт, который продолжит традиции Есенина. А может, он уже сейчас сидит в зале и думает: «Вот погодите, я вам задам еще!» Гений в детстве знает, что он гений!

У нас в Союзе писателей десять тысяч человек. Но Есенина пока нет — природа отдыхает. Не надо. Нам хватит пока Есенина.

Заключительные слова Прокурина, поймав контакт с замороженным залом, говорит ярко, задористо, с блеском в глазах:

— Хочу поблагодарить всех организаторов праздника. О нем мечтали еще сестры Есенина. Хочу почтить их память.

Хочу, чтобы все были счастливы. Хочу, чтобы женщины любили мужчин, а мужчины — женщин. Любили страстно, как любил Есенин. Чтобы женщины всегда были прелестны, с прекрасными глазами и чтобы всегда умели любить нас.

Хочу, чтобы всегда было мирное небо над головой. А Есенин чтобы всегда оставался в первых рядах, утверждая ВЕЧНОЕ, ДОБРОЕ, НЕЖНОЕ.

На первый взгляд, Петр Лукич не сказал ничего особенного. Речь как речь. Так могут сказать многие.

Но нельзя забывать, что это было сказано четверть века назад. Тогда только что начали говорить о Есенине как о великом поэте. Есенин, достигнув вершины славы в последние годы жизни, прошел период гонений, запрета, замалчивания, и лишь во второй половине двадцатого века началось медленное возрождение его имени. В 80-е годы его имя вновь поднялось на недостижимую высоту — о нем впервые заговорили как о Гении русской поэзии. И Петр Лукич был одним из первых, кто публично назвал его гениальным поэтом. Больше того, он попытался в своем выступлении впервые вскрыть корни и природу есенинской гениальности.

Я рад, что его выступление мне удалось законспектировать. И только теперь стало понятно, за что он поблагодарил меня, записав свои слова о Есенине-гении в автограф, о чем я рассказал в пятой главе первой части.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин

Наметив в плане этой главы писать о третьем сыне Есенина — Александре Сергеевиче Есенине-Вольпине, автор не представлял всех трудностей взятой на себя миссии. Причин несколько.

Сам Есенин об этом своем ребенке нигде никогда не говорил, не писал.

Официальное, научное есениноведение вплоть до начала нового тысячелетия занимало позицию замалчивания. Лишь во второй книге седь-

мого тома Полного собрания сочинений С. Есенина в 1999 году о нем дана одна фраза: «...мать А.С. Вольпина-Есенина (р. 1924), признанного в 1926 году по суду сыном поэта». В 2003 году в «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина» он показан на родословном дереве Сергея Есенина. И только в 2006 году научно-методический журнал Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина «Современное есениноведение» в 4-м номере на сорока страницах опубликовал статью Г. Маквея (Англия) «Н.Д. Вольпин и С.А. Есенин». В ней материал дан на основании обширной переписки Н.Д. Вольпин с Г. Маквеем, в том числе и о сыне.

С 1989 года в прессе и других СМИ появилось много информации о нем, исходящей от общества «Мемориал» и других правозащитных органов. Российский государственный гуманитарный университет издал в 1999 году книгу А.С. Есенина-Вольпина «Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека» тиражом 1500 экземпляров.

Ряд российских и рязанских газет опубликовали материалы о нем, включая интервью с ним («Литературная» и «Общая» газеты).

Некоторые члены «Радуницы» опубликовали статьи о своих встречах с Александром Сергеевичем (М. Бурачевский, В. Крылов — Рязань, В. Бесперстов — Санкт-Петербург, В. Николюк — Ташкент, В. Божко — Харьков). И все-таки о младшем сыне Есенина знают единицы. Кроме того, информация о нем часто противоречива. Учитывая это, автор изучил весь имеющийся в нашем музее материал — всего 35 источников — и решил дополнить свое повествование о встречах с А.С. Есениным-Вольпиным более полными сведениями о нем, почерпнутыми из этих источников.

Александр (в семье просто Алек) родился 12 мая 1924 года в Ленинграде. «Назвали



А.С. Есенин-Вольпин, К.С. Есенин

меня в честь деда».

Мать по суду доказала, что он сын Есенина. Суд признал его наследником Есенина в числе других есенинских детей.

В 1931 году пошел в школу. С 1933 года жил в Москве, где в 1941 году окончил среднюю школу № 189 и поступил на механико-математический факультет МГУ.

В интервью «Общей газете» он так рассказал об этом: «Началась война. Мне выдали белый билет: «шизофрения».

В то же время, 7.09.1941, он пишет стихотворение «Шизофрения»:

*Я дождался конца болтовни докторов
И пошел к ней. Смеркалось.
Я вошел и сказал, что не буду здоров...
— Рассмеялась!
...Я ей все рассказал (был белей мертвеца),
От конца до начала, —
Рассмеялась, как будто иного конца
От меня и не ждала...*

В 1946 году окончил МГУ с отличием и поступил в аспирантуру. В июне 1949 года защитил диссертацию по математике и был направлен на работу преподавателем математики в Черновцы, а в июле был арестован и, как он пишет сам: «...уже сидел за стихи на Лубянке, а затем — в институт Сербского. Экспертиза. Дальше повезли в Питер, в тюремную больницу на Арсенальную, 9. Я повеселел: больница не лагерь. Вообще, при Сталине попасть в психушку — это был большой праздник... Вообще, не знаю, может, я и не прав, но разговоры о тюремной психиатрии кажутся мне немного преувеличенными...»

В 1950 году сослали в Караганду. Там преподавал математику в школе, давал частные уроки. Приезжала мать. Сталин умер — освободили. Оттуда вернулся в Москву в апреле 1953 года.

Нигде не служил, подрабатывал внештатно.

В дни Московского молодежного фестиваля, 31 июля 1957 года, был помещен в больницу имени Ганнушкина — освободили 24 августа, 12 сентября 1959 года вновь был арестован органами КГБ. Сидел на Лубянке, в Бутырской тюрьме. Статья, по которой привлекался Вольпин, «за связь с американской разведкой», — грозила высшей мерой наказания — расстрелом. Вновь институт имени Сербского. Судебные психиатры признали его невменяемым. Судивший его военный трибунал освободил сына Есенина от уголовной ответственности, и его направили снова в Ленинград, в специальную психиатрическую больницу, где Вольпин находился чуть боль-

ше года, а 14 февраля был передан на попечение близким родственникам.

С 1962 года по 1972 год работал младшим научным сотрудником отдела семиотики ВИНТИ (Всесоюзном институте научной и технической информации АН СССР).

В 1961 году в Нью-Йорке была издана его книга «Свободный философский трактат», в которую были включены и стихи «Весенний лист». Начались гонения, 5 декабря 1962 года ЦК КПСС осудил поведение А.С. Есенина-Вольпина на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев в своем выступлении сказал о нем: «Это всего-навсего загнивающий на корню ядовитый гриб». Выступление Ильичева в «Правде» было опубликовано 17 декабря, а 27 декабря в «Правде» с поддержкой отношения партии и правительства к их племяннику выступили сестры Сергея Есенина Александра и Екатерина. 30 декабря 1962 года Есенин-Вольпин был вновь госпитализирован на 2,5 месяца в клинику имени Ганнушкина (на этот раз без ареста).

5 декабря 1965 года он организовал знаменитый митинг на Пушкинской площади. Требованием митинга было соблюдение гласности суда над писателями Синявским и Даниэлем. Александр стоял с лозунгом: «Соблюдайте конституцию свою».

1968 год — вновь госпитализировали в психбольницу на 2,5 месяца (без ареста).

В 1972 году вызвали в КГБ и предложили покинуть СССР. 31 мая через Вену и Рим выехал в Париж, оттуда 15 июня вылетел в США. До отъезда за границу жил под фамилией Вольпин. По совету своего учителя академика П.С. Александрова он подписывал свои научные статьи двойной фамилией в качестве псевдонима. «Не помню теперь, — говорил Вольпин журналисту, — кто и когда мои выездные документы выправил на эту двойную фамилию, но только в Нью-Йорк я прилетел уже с ней».

Преподавал в Буффало, в Бостоне в Северо-Восточном университете, рядом с «Симфони-холлом», где со скандально известным концертом выступали Айседора Дункан и Сергей Есенин.

Был безработным (см. IV главу I части этой книги), «был на грантах», жил на всяких пособиях, премиях, занимался переводами. Говорил: «Мне нужно заканчивать свой труд. Мне нужно время». В 1988 году мать с огромным трудом добилась разрешения на его въезд к себе в гости на месяц.

В марте 1989 года без приглашения организаторов приехал в Ленинград на IX Есенинские чтения, в апреле побывал в Константинове, посетил могилу деда.

В 1996 году жил с усыновленным им ребенком последней своей жены

Галины Путятиной, 23-летним Алексеем, в доме для престарелых в Бостоне. Пособие получал 570 долларов. До полной американской пенсии ему не хватало 2,5 года стажа.

В 2002 году приезжал в Россию из Голландии, где дополнительно подрабатывал.

Вечер по случаю своего 80-летия отмечал с «Мемориалом» в Доме свободной прессы в Москве, 6 июня 2004 года дал часовое интервью радиостанции «Свобода» в Москве.

В 2005 году, в канун 110-летия со дня рождения Сергея Есенина, поддержал Светлану Петровну Есенину и актера Сергея Безрукова, выступивших в книге «Есенин» и на пресс-конференции в Рязани с официальным обращением к властным структурам по поводу расследования смерти поэта.

Сейчас Александр Сергеевич Есенин-Вольпин — профессор Бостонского университета. Живет в США.



Мысль написать этот подраздельчик подсказала мне замечательная статья Гордона Маквея, опубликованная в 4-м номере журнала «Современное есениноведение». Сорок писем Надежды Давыдовны Вольпин, написанных с 1982 по 1991 годы, хранятся у адресата. На этих письмах и основана статья Г. Маквея. Письма откровенные, доверительные. В некоторых — предельная обнаженность, раскрытость души, поднаготность отношений. Так можно писать только близкой подруге:

От 6.12.1982. — «...при первой же встрече после заграницы «лишил девушку невинности».

От 16.08.1986. — «Итак, я провела в Москве — 12, 13 на 14 августа — двое суток» (легко просчитывается: + 9 месяцев = 12 мая). В «хронологической канве» ПСС т. 7 кн. 3 полностью отсутствуют сведения о жизни Есенина с 7 по 14 августа 1923 года, а Ирма Дункан вспоминает, что сразу по приезде в Москву Есенин часто встречался с друзьями, пил, в это время дома не появлялся.

От 6.12.1982. — К стихотворению «Возвращение», написанном ею поздней осенью 1923 года: «А я в ту же минуту — наперекор всем при знакам — поняла, что будет, уже есть ребенок, мальчик, и что мне нужно крайне бережно его доносить, если не хочу выкидыша. Но Сергею доложила о том много позже — чтоб не сплзить...»

На чтениях в Рязани в 1990 году, в перерыве, в кругу женщин зашел разговор об этом эпизоде, и я, случайно оказавшись рядом и подслушав их, высказался, что Надежда специально затянула время, чтобы женить

на себе Есенина, поставив его в безвыходное положение — поздно, уже ничего нельзя сделать. Так женщины чуть не уничтожили меня — не лезь в женские дела!

От 6.05.1986. — Н.Д. Вольпин о своем стихотворении «Фетида» (ноябрь–декабрь 1923 г.): «Фетида» создана мною (и задумана) в связи с ожиданием ребенка осенью 1923 года. Мне все казалось, что будет именно сын... Сын рисовался мне похожим на отца, а значит — по народному поверью — нелегкая будет у него жизнь... Конечно, оно о Есенине и... о близком, долгожданном моем материнстве...»

От 2–4.03.1985. — «Да, он не хотел от меня ребенка, это и привело к разрыву».

Со словами — «Ребенок будет мой, а не твой» — Надежда уехала жить в Ленинград. Весной 1924 года в Ленинграде она пишет стихотворение «Разговор с ангелами»:

*...Пусть стрекучею злобою
Прошумят обо мне, —
Я прижиться попробую
На чужой стороне.*

Брат Надежды Давыдовны писал: «Жизнь была бурной и неожиданной. Сестра в Питере родила ребенка от Есенина, родители отказались ей помогать...» По еврейским законам ее поступок был в высшей степени аморальным. Надежда знала это и не посчиталась ни с чем.

«В три года ... утром двенадцатого мая... я услышала слова, которые врезались в память на долгие годы. На всю мою жизнь.

— А все-таки, мамочка, придется тебе научиться и гадкого мальчика любить!» (Из книги «Сын». Ленинград, начало мая 1927 года.)

Читать научился рано, знал наизусть многие сказки Чуковского, Маршака. Позже воспитывался на поэзии Блока, Гумилева, Мандельштама и французских поэтов. Любил и отдавал должное Есенину. От матери-переводчицы унаследовал любовь к языкам. Владеет английским, французским, итальянским, латинским, новогреческим и др.

«Отец, — по рассказу няни, — приходил к нам на квартиру на Васильевский остров, маму не застал, поиграл со мной и ушел».

Отец писал: «Я сердцем никогда не лгу», сын также считал, что главное зло в мире — от лжи, — по словам Надежды Давыдовны, — и запрещал себе лгать.

Как будто по примеру отца, Алек был женат четыре раза. Первые жены были еще до отъезда за границу: Виктория Борисовна Вольпин (Писак), Ирина Кристи. Затем — Софья Львовна Лойфман. Последняя жена

— Галина Геннадьевна Путятина. «С последней женой разошелся — учила как жить; что публиковать, что нет». Детей своих не было.

Об отношениях Алека к родственникам и их к нему хорошо написала в книге «В семье родной» племянница Есенина Наталия Васильевна Есенина: «Из четырех детей С.А. Есенина, к сожалению, в живых остался только один сын Александр. В настоящее время он живет не в России, но я о нем часто думаю как о настоящем близком родственнике — брате, который в трудное время выручил меня... Алек ходил со мной к юристам, уговаривал свою маму, Вольпин Надежду Давыдовну, прописать меня к себе на квартиру, чтобы я могла получить жилплощадь в Москве. Таких людей, как Надежда Давыдовна и Александр Сергеевич, встретишь не часто».

С 1989 по 1998 годы Александр приезжал часто, проводывал мать. После смерти матери эти поездки прекратились — «Меня с Россией больше ничего не связывает».

Сейчас он приезжает в Россию по приглашению «Мемориала» как «отец правозащитного движения в СССР», входящий в десятку крупнейших правозащитников мира.



На Есенинские чтения я впервые попал в 1989 году. Татьяна Петровна Флор, как и обещала, позаботилась, чтобы «Радуница» прислала мне приглашение. Оно пришло вовремя, но содержало фразу: «Проезд и проживание за ваш счет». Я собирался оформлять неделю отпуска без содержания и уже договорился с начальником объекта, но успел своей радостью поделиться с журналистом Иваном Погуляевым. Тот, недолго думая, взял свой неизменный портфель, перешел из здания радио через дорогу и прямо в кабинет секретаря горкома партии Мишагиной Лидии Михайловны. Через полчаса у меня в кабинете раздается звонок — звонит главный инженер СХК Чижииков Владимир Степанович: «Тебе надо что-то сделать в Ленинграде? А я как раз ищу, кого послать в Радиевый институт им. Хлопина: проверить выполнение хоздоговорной работы. Тема 51-го цеха. Но ты справишься. Пять дней хватит? Тогда оформляй командировку!» Через два дня, утром 22 марта, я уже сидел в кабинете директора Хлопинского института. В первый же день я развернул такую бурную деятельность, что хозяевам захотелось от меня побыстрее избавиться. Они заверили, что все работы будут выполнены в полном объеме и в срок, но они до конца недели очень заняты и показать на месте больше ничего не смогут, так что завтра-послезавтра приходить не стоит. Посоветовали, как лучше использовать свободное время, что можно сейчас в Ленинграде посмотреть. Спросили, каким числом отметить в командировке убытие.

Отметили. Соответственно, дали направление в институтскую гостиницу на Шверника, 34.

Так у меня вместо необходимых трех свободных дней оказалось пять! А имена И.Т. Погуляева, Л.М. Мишагиной, В.С. Чижикова вошли на стенд «История музея» в числе людей, помогавших его рождению.

В помещение ленинградского ВООПИиКа (Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры), где проводились IX Есенинские чтения, я пришел в числе первых. Володя Бесперстов, с которым я познакомился еще в 1987 году в Ташкенте, познакомил меня с Юлией Александровной Романовой, заведующий Замоскворецким отделением ВООПИиКа, одной из первых организаторов «Радуницы», с председателем «Радуницы» Николаем Григорьевичем Юсовым, с харьковским библиофилом Владиславом Андреевичем Божко.

Круг моих новых знакомых есенинцев рос и рос. Многих я знал по публикациям. В вестибюле встретились заочно мне знакомые еще с 1985 года по рассказу Константина Сергеевича Есенина «собиратели» Николай Николаевич Макеев из Неи и Валентин Иванович Синельников из Липецка. «А ну, где здесь томичи, которые угробили Николая Ключева? — спросил сам представившийся мне Сергей Иванович Субботин. — Давайте отойдем в сторонку». Открыв портфель, он достал свою книжицу о Ключеве из серии «Библиотека «Огонька» и вручил мне, вписав в автограф те же, незаслуженные обидные слова.

— Все, приехал! Встретили! — воскликнул ташкентец Вадим Викторович Николук, вбегая в вестибюль. Лишь посвященные поняли, о ком он говорит. Николук подошел ко мне, вручил презент от своего музея — рукопись воспоминаний Т.С. Есениной — и вполголоса сказал: «Вчера встретили Александра Сергеевича Вольпина. Вот пьет! Похлеще отца. Всю ночь просидели — и ни в одном глазу».

Зал был уже полон, президиум заканчивал последние приготовления, когда в зал вошел Александр Сергеевич. Он выглядел намного старше, чем на фотографиях. Глаза его светились радостью. С приветливой доброжелательной улыбкой он прошел к президиуму. Там никто не обратил на него внимания. Он постоял несколько минут. Пробежал взглядом по первому ряду — все занято. Радость сошла с его лица. Растерянный и недоумевающий, он повернулся назад, нашел свободное место в последних рядах и сел.

Как ни в чем не бывало, Юсов открыл заседание и предоставил слово председателю ленинградского ВООПИиКа.

Я с Макеевым сидел в третьем ряду напротив трибуны в полоборота к залу, чтобы следить за всем происходящим в зале и в президиуме. Привычку так сидеть я выработал и сохранил на всю жизнь.

Александр Сергеевич отрешенно, практически не слушая докладчи-

ков, просидел два часа до первого перерыва. Внимание на его лице мелькнуло лишь при выступлении Татьяны Петровны Флор.

В перерыве он встал и направился к выходу. Я, разгадав его намерение уйти и испугавшись, что он уйдет насовсем, поспешил за ним. В вестибюле подождал, пока он наденет свое старенькое пальто с шалевым воротником, какие носили у нас в начале семидесятых (наверное, в нем он 17 лет назад уезжал из дому), нахлобучит, завязав сзади, чтобы закрыть уши, старенькую шапку-ушанку, подошел к нему и попросил, если не торопится, сфотографироваться на ступенях у входа. Он согласился. Пока я готовил фотоаппарат: выбирал экспозицию, ставил диафрагму и выдержку, наводил на резкость — собрались вышедшие покурить есенинцы. Они все вошли в кадр. Попросив прохожего, встав на мое место, «нажать вот эту кнопку», встал со всеми и я. Снимок получился удачным.

Александр Сергеевич больше сниматься отказался. Не разбирая дороги, минуя переход, заложив руки в карманы, он медленно удалялся от нас. Было немножко грустно. Я еще раз издали сфотографировал его и пошел в зал. И только сев в кресло, обнаружил у себя в руках фотографию молодого Вольпина с его автографом мне: «24 марта 1989 г., Питер».

До сих пор остается загадкой, как и когда он подписал мне свою фото-



Слева направо: В. Шишков (Москва), А.С. Есенин-Вольпин (США),
Ю. Паркаев (Москва), С. Герасимов (Тула). Ленинград.
27 сентября 1989 года

графию. Откуда я ее взял? О том, что он будет на чтениях в Ленинграде, я не знал.

На следующий день чтения намечались в городе Пушкине. Отъезд в 8 утра от здания ВООПИиКа. С первых же минут я понял, что вчерашнее невнимание к сыну Есенина не имело значимых последствий — он решил продолжить свое прерванное участие в чтениях и ехал со всеми участниками в Пушкин. В первую половину дня намечалось прослушать восемь докладов, собравшись в доме Ахматовой. Здесь в 1915 году Есенин встречался с Гумилевым.

Уже при входе в зал первого этажа я удачно сфотографировал Александра Сергеевича в профиль, внимательно рассматривающим выставку оружия XVIII века, экспонирующуюся здесь. Позже я узнал свое фото на стене дачного дома Надежды Давыдовны Вольпин в телепередаче Артема Боровика «Совершенно секретно».

Для чтений был выделен зал заседаний на втором этаже. Чтобы разместить всех прибывших на двух «Икарусах» гостей, в проходах вдоль стен были выставлены дополнительные стулья. Я быстро занял удобное для съемок трибуны и одновременного наблюдения за залом место. Вскоре на два свободных передо мной места пробралась женщина, а с нею (о, удача!) Александр Сергеевич. Они сели в двух метрах от меня на идеально освещенное для съемок место.

Женщина разговаривалась. Оказалось, что это Маргарита Ивановна Малова, о которой мне еще в 1987 году ташкентские есенинцы рассказывали как о человеке, который знает все о родных и близких Есенина, знакома с ними. Я сказал, что слышал о ней много хорошего. Это ее приятно обрадовало, и она доверительно шепнула мне: «Надежда Давыдовна просила меня своего сына свозить на чтения в Ленинград и позаботиться о нем».

Заседание началось. Я, щелкая затвором, приподнимаясь со стула, фотографировал докладчиков, президиум и некоторых сидящих в зале. Александр Сергеевич внимательно слушал, и я незаметно заснял его несколько раз. Затем он опустил голову на руки, положив их на спинку впереди стоящего стула. Он почувствовал что-то подозрительное и повернулся удивленно лицом ко мне. Я успел в этот момент щелкнуть. Сегодня этот, на мой взгляд, лучший из немногих хороших моих снимков украшает стену Северского музея С. Есенина.

Ведущие торопливо «гнали» докладчиков, объясняя это тем, что до обеденного перерыва еще надо успеть съездить в Федоровский городок, где Есенин нес службу в 1916–1917 годах.

На автобусную экскурсию один автобус запоздал, и мы, не вставившиеся в первый автобус, решили, не дожидаясь его, идти в городок пешком. Дорога проходила по живописной аллее и, хотя питерская весна еще не

украшила листвою деревья, идти было приятно. Темп ходьбы был быстрый, и участники похода «вдоль по Пушкинской» растянулись почти на километр. Я быстро проскочил в голову колонны и пошел навстречу идущим по два-четыре человека радуинцам, на ходу фотографируя их: Кузнецову со своими «есенятами», Субботина с Мекшем, Паркаева с дочерью, Бесперстова с Божко и других. Маловой с Вольпиным здесь не было — они успели на первый автобус. Шествие замыкала бедняжка Нина Михайловна Хоперская. Она в свои 65 лет на обмороженных в войну и на треть ампутированных ступнях обеих ног решила тоже прогуляться по Пушкину. И дошла!

Фотографии этого «исторического марш-броска» хранятся в фондах нашего музея.

День 25 марта оказался самым насыщенным. Не успели мы беголо осмотреть Федоровский городок, как нас уже ждал автобус. Посыльный сообщил, что пассажиры первого автобуса, посмотрев Царскосельский лицей, уже ехали обедать.

Лицей мы посмотрели не выходя из автобуса. И лишь у памятника Пушкину я уговорил остановиться: сфотографировать памятник, где в 1924 году сфотографировались Есенин с Эрлихом и со студентами сельскохозяйственного института, о чем в утреннем докладе рассказал участник этой съемки, старожил Пушкина Сергей Дмитриевич Умников.

Когда подъехали к столовой, воспользовавшиеся услугами транспорта взамен нашей пешей прогулки, сытые и довольные, уже сидели в автобусе. Дождавшийся нас Юсов сообщил, что у нас на обед не осталось времени: в ВООПИиКе нас ожидает внеплановая встреча с телевизионщиками — надо срочно ехать туда.

В зале заседаний ВООПИиКа группа операторов устанавливала осветительную и съемочную технику. Молоденькая телеведущая в белой кофточке быстро подошла к Александру Сергеевичу, мило поздоровалась с ним и сообщила: «Сегодня в Ленинграде начинает работать канал кабельного телевидения. И очень приятно, что именно в этот день в Ленинграде оказались вы. Все мы убедительно просим вас принять участие в нашей первой передаче. К сожалению, на Союз мы не транслируем — вас увидят только ленинградцы». Александр Сергеевич согласился ответить на несколько вопросов.

Включили прожекторы, и место съемки залилось ослепительным светом. Света было настолько много, что можно было снимать при самой маленькой диафрагме и выдержке, что гарантировало качественную съемку даже малоопытному фотографу.

Александр Сергеевич вел себя перед объективом раскрепощено, на вопросы отвечал живо, был динамичен, жестикулировал, часто менял позу. Радостная улыбка не сходила с его лица, глаза светились. Что еще

нужно фотографу? Я снял более двадцати кадров. На фотографиях хорошо видны даже те немногие, кто сидел в разных местах пустого зала и издалека наблюдал это телевизионное шоу: Нестеров, Привалова, Кюбра, Моторин и другие.

Телесъемка подходила к концу. Оператор уже готовился выключить камеру. В это время в зале громким, перекрывающим всякий посторонний шум голосом, кто-то произнес: «Смею заявить!» И перед телекамерой появилась поэтесса Наталья Сидорина. В объектив она показывала фото мертвого Есенина с рассеченной бровью. Телеведущая переключила съемку на нее. И Наталья начала, показывая фото, приводить все новые и новые доводы в защиту версии о насильственной смерти Сергея Есенина, т.е. новые подтверждения докладов Сергея Демиденко и Федора Морохова.

Я схватился за фотоаппарат, но ...увы! — пленка кончилась. Пока я, волнуясь, перематывал ее вручную, заряжал новую, кончилась пленка видеокассеты, и работники телекомпании, выключив освещение и погрузив аппаратуру в машину, со словами: «Смотрите нас сегодня в ноль тридцать по ленинградскому каналу», — уехали в студию делать фильм.

А нас уже ждали автобусы — ехать на новое мероприятие — в Смольный собор на концерт ленинградских артистов, который, расхваливая, устроили для нас гостеприимные хозяева. В программе был хор, вокал, чтцы-декламаторы, балетные сцены, интермедии. Пообедать опять не удалось... Работать больше не хотелось. Я убрал фотоаппарат, спрятал записную книжку и приготовился отдыхать.

Смольный собор. Осмотрелся. Здесь молились курсистки института благородных девиц. Ни одной иконы, но и ни одной картины. Абсолютно голые стены! Там, где, очевидно, был алтарь, — сцена. Занавеса нет. В зале выставлены рядами стулья. Очень высоко поднят купол. Зал еще не заполнен. Кучками сидят зрители. В дальнем конце зала женщины окружили Александра Сергеевича. Он оживленно беседует — еще не прошло возбуждение от телеинтервью. Вижу Сергея Петровича Кошечкина. Сажусь рядом, чуть сзади него. Он рассказывает своим собеседницам, чем занимается сейчас. Узнаю, что ему предложили написать книгу о Есенине в серии «ЖЗЛ». Начал и отказался. Сейчас ищут, кому передать.

Вышла ведущая и объявила, что концерт начинается. Вышел хор и стал располагаться на трех ярусах сцены ступенями, невысоко поднимающимися одна над другой.

Когда хор запел, волшебные звуки заполнили зал. Акустика была неповторимая, божественная. Сольное пение тоже зависело от положения исполнителя на ярусах сцены. Звук уходил под купол собора и, возвра-

щаясь, резонансно накладывался на непосредственно исходящий со сцены голос. Усиливал его, делал неповторимым. Такого мне не приходилось слышать ни в концертном зале имени П.И. Чайковского, ни в Большом театре, ни в Мариинке. Много исполнялось на слова Есенина.

Неожиданно ведущая пригласила на сцену сына поэта. Александр Сергеевич тепло поблагодарил питерцев (слова «ленинградцев» он демонстративно не признавал!) за теплый прием после семнадцатилетней разлуки, охотно ответил на вопросы: чем занимается за границей, надолго ли приехал, о здоровье мамы, что новое увидел в жизни страны и как к этому относится.

Затем слова попросила седенькая старушка, бывшая сотрудница ленинградской консерватории. Она сказала, что ее мама в двадцатые годы работала в «Англетере». Она рассказывала, что мертвый изуродованный Есенин несколько дней пролежал на дровах в подвале «Англетера». Несмотря на то, что этот рассказ больше походил на очередную легенду, Александр Эдуардович Хлысталов незадолго до своей смерти через журнал «Чудеса и приключения» разыскивал эту старушку.

Концерт закончился почти в 11 вечера, и я поспешил на трамвай, чтобы успеть посмотреть обещанную телепередачу.

В дверь гостиницы пришлось долго звонить, пока не открыла заспанная горничная.

— Наконец вы пришли. Я уж заждалась, вздремнула даже. Вы остались одни. В номерах никого нет, все разъехались по домам. В субботу, как обычно, командировка у всех заканчивается. Я уже убралась и ухожу. Вот вам ключ на всякий случай, приду утром. Спокойной ночи!

Поспешно переодевшись, я бросился к холодильнику — страшно хотелось есть. И — о ужас! — в холодильнике ничего не было. Оказывается, горничная, как и полагалось, все скоропортящиеся продукты выбросила. Под репрессии попали и мой кусочек вареной колбасы и начатая бутылка молока. В морозильнике еще у меня была чуть начатая пачка сливочного масла. Открываю Ура! Масло сохранилось. Хлеб все жильцы оставляли в плетеной тарелке на кухне. Пошел. Хлеба нет. Пошел на вторую кухню (институтская гостиница — это шестикомнатная квартира с двумя кухнями, ваннами и прочими удобствами). Там тоже все было пусто — ни крошки хлеба. Ну, что же, видно, так Богу угодно — поужинаю маслом без хлеба.

Время поджимало. Я включил телевизор — показывает хорошо. Можно фотографировать с экрана. Подготовил фотоаппарат, закрепил его, навел на резкость.

До передачи оставалось минут пятнадцать. Можно еще успеть поужинать. Взял масло, немного посолил, сел верхом на стул лицом к телевизору, боком к окну. Немного поколебался и откусил маленький кусочек,

приятно растаявший во рту. Вдогонку за первым, вызывая то же ощущение, пошел второй, чуть побольше первого. Осмелев, я откусил полным ртом третий раз и не смог проглотить. Приторная масса перекрыла горло, но я все-таки протолкнул ее в нутро... Ощущение голода не проходило. Я встал и пошел на кухню за солью — больше посолить ставшую несъедобной пищу. Когда, возвратившись назад, сидел на месте, вдруг увидел, что в доме напротив, стоявшем торцом к нашему корпусу, метрах в пятнадцати прямо от моего окна, тоже ярко светится окно, а в нем, раздвинув шторы, стоит обнаженная молодая женщина. Яркий свет хорошо освещает все ее молодые прелести. Низкий подоконник практически ничего не скрывает. Заметив, что я смотрю в ее сторону, она, заложив руки за голову, приняла откровенно сексуальную позу. Я быстро отвернулся к телевизору и, потеряв полностью ощущение вкуса, уплел весь, граммов в 150, кусок масла без крошки хлеба и даже ничем не запив.

Интервью с Вольпиным уже шло. Это я уже видел и двадцать минут провел в раздумьи: «Как же могла дойти до такого эта женщина?» Больше я ни разу не посмотрел в ее сторону, но боковым зрением видел, что она все еще стоит — видимо, на что-то надеется. Секса у нас тогда в СССР, как известно, не было...

На экране появилась Наталья Сидорина со своим импровизированным интервью, и я защелкал фотоаппаратом. Минут за десять я поймал восемь достойных внимания кадров и снял их. Карточки получились хорошие, почти не отличишь от настоящих. Когда передача кончилась, свет в соседнем доме уже не горел. Счастливый и довольный содеянным, усталый, я поспешил скорее уснуть. Завтра уже скоро — через пять часов надо вставать.



Привычка производственника вставать в 5:50 выработалась и сохранилась на всю жизнь. В 6:30, выбритый и принявший душ, я уже готов был к выходу. Горничная уже возилась в дальней кухне. Подошел отдать ключ и предупредить, что и сегодня приду поздно. Рассказал, как ночью искал хотя бы корочку хлеба.

— Это я вчера боролась с тараканами: все выбросила, помыла и посыпала порошком, — засмеялась она. — Так вы голодные? Может, перекусите? У меня есть.

— Спасибо, я перекушу где-нибудь по дороге, — ответил я и направился к выходу.

Вчерашний импровизированный ужин никак не повлиял на работу моего организма, неприятных последствий не вызвал, но голод чувствовался. Почти рядом с местом сбора обнаружил работающую пирожковую.

Мясо было уже по талонам, но с капустой пирожки были. Горячие, жаренные в растительном масле, мои любимые. Взял десять штук и бутылку «Крем-соды». Все проглотил мигом. Собравшись уходить, вспомнил о своих вчерашних товарищах по несчастью. Наверняка, большинство из них остались голодными. Достал из сумки пустой пакет и взял еще тридцать пирожков. Поворачивая из-за угла и продолжая на ходу жевать пирожок, увидел стоящий автобус, а возле него перекуривающих спутников.

— «Скорую помощь» вызывали? Еду — еду! — я тут же распахнул пакет.

Оттуда приятно пахло жареным. Руки потянулись к пакету. Не хватило только некоторым сидящим в автобусе. Но Александру Сергеевичу я все-таки два пирожка передал. Он охотно их взял.

Поездка обещала быть интересной, просто развлекательной, прогулочной. Никаких докладов, никаких заседаний. Лишь вечером после поездки — круглый стол.

Менее чем полтора часа езды, и мы у цели. По пути, не останавливаясь, увидели ленинский шалаш: не из веток уже, а увековеченный в бетоне.

Репино раньше было финским местечком Куоккала. Илья Ефимович Репин поселился здесь в 1900 году и прожил в этом местечке до самой смерти в 1930 году. Дачу и окружающий ее тенистый парк с вековыми деревьями он назвал «Пенаты». Революция отделила его от России — Куоккала стала заграницей.

Автобус остановили на специально оборудованной площадке. У ворот дачи нас ждал экскурсовод. Все направились за сопровождающим в помещение, мы с Николаем Макеевым ждали Александра Сергеевича. Мне не хотелось, чтобы было так, как с Константином Сергеевичем: сделал десятки фотоснимков с ним, но ни на одном нет с ним меня. Все думал: успею еще. Сегодня я не хотел упускать такой возможности.

Вольпин вышел из автобуса последним: огляделся, разобравшись с указателями на схеме усадьбы, направился в сторону от всех. Все поняв, мы решили перехватить его на обратном пути. Идти по усадьбе без дороги было трудно. Переплетенные обнаженные корни вековых сосен и елей заставляли внимательно смотреть под ноги. Местами в тени деревьев в низких местах еще лежал снег, из-под него пробивались ручейки.

Наконец мы благополучно выбрались на ухоженную аллею. Александр Сергеевич, задумавшись и привычно сунув руки в карманы, уже шел по ней к дому. Быстро взведя фотоаппарат и попросив кого-то «нажать вот эту кнопку», мы, извинившись, быстро подхватили Алека под руки. Щелкнул затвором фотоаппарат — снимок получился очень удачным.

Ожидające у входа в дом (экскурсию проводили по частям: все сра-

зу не вместились) увидели нас фотографирующимися, поспешили сделать то же самое. Алек «пошел по рукам». Все оставляли мне свои адреса. После чтений в Ленинграде мне пришлось напечатать и выслать более сотни фотографий.

Во время экскурсии Александр Сергеевич был очень внимателен, всем интересовался, иногда задавал вопросы. Экскурсовод как-то уловил это и, казалось, начал рассказ специально для него. Мы же были внимательными благодарными свидетелями происходящего. Особый интерес у Александра Сергеевича вызвал рассказ экскурсовода о том, как Есенин приезжал в «Пенаты» к Репину.

На обратном пути, наученные горьким опытом, мы остановились возле столовой, пообедали. В четыре часа мы были в ВООПИиКе на круглом столе.

На нем обсудили проект устава общества «Радуница», решили по материалам чтений издавать сборник «Радуница», приняли в общество несколько новых членов, в том числе меня (мне выдали членское удостоверение под номером 90). После обсуждения приняли предложение Валентина Ивановича Синельникова: провести очередные, десятые, Есенинские чтения, в Липецке 23–25 сентября этого же 1989 года. После этого председатель общества «Радуница» Николай Григорьевич Юсов объявил чтения закрытыми.

А что же Есенин-Вольпин? Оказывается, вездесущая Маргарита Ивановна Малова свозила его еще на родину отца, о чем написала мне в письме и вложила в него свое фото с Александром Сергеевичем в Константинове.



Никогда не думал, что Бог даст свидеться с Александром Сергеевичем еще раз. Хотя Малова в письмах информировала меня обо всех его приездах в Москву, но я и не помышлял о встрече. Мы были люди разных убеждений: я был убежденный патриот и коммунист (даже не просто «член партии», как писалось в уставе), он — космополит, диссидент, американский подданный. Мой лозунг был и остается: «Да здравствует коммунизм, утверждающий на земле мир, труд, равенство, братство и счастье всех народов!» Он же писал: «И меня не похоронят по ошибке / С коммунистами на кладбище одном!» Но все же я уважал его как сына Есенина, как правдивого и честного человека, много претерпевшего за свое правдоискательство. Я искал и собирал все сведения о нем, которых появилось достаточно много в 1994 году — в год его 70-летия; несколько раз встречался с его матерью, познакомился с его женой Галиной Геннадьевной Путятиной. Много воды утекло за шесть лет, прошедших после нашей ленинградской

встречи.

2 октября 1995 года состоялось открытие памятника Сергею Есенину на Тверском бульваре. После окончания официальной части у поста-мента памятника возник стихийный митинг. Выступавшие говорили без микрофона, поэтому практически ничего нельзя было услышать. Ближе подойти помешали, казалось, более важные события — в толпе появился Солженицын, и я протиснулся ближе к нему. В это время начала свое выступление Галина Путятина. Видно, что она была взволнована и возмущена (причина выяснилась позже).

3 октября мы с Валентиной Евгеньевной Кузнецовой и еще некоторыми радунинцами, первой же электричкой через Рыбное выехали в Константиново, 100-летие Сергея Есенина решили встретить у него на родине.

Перед сценическим помостом с огромным портретом Есенина над скамьями для зрителей шатром натянут огромный тент. На сцене в задних рядах хор и оркестр. Все, и артисты, и зрители, ждут уже около получаса после установленного времени — говорят, придет Черномырдин. Вновь, как и вчера, возникает незапланированный митинг. Выступающие прямо на помосте выстроились в очередь. В ней оказались Станислав Куняев, Валентин Сорокин, Юрий Кузнецов. Перед Владимиром Солоухиным в очередь встала Галина Путятина. Первые ряды, оставленные для почетных гостей, стали быстро заполняться. Подошли член-корреспондент Феликс Федосеевич Кузнецов (ИМЛИ) и Юрий Львович Прокушев, министр культуры Евгений Юрьевич Сидоров. К моменту, когда подошла очередь Путятиной, подъехали заместитель председателя правительства РФ, председатель оргкомитета по празднованию 100-летия С. Есенина Юрий Федорович Яров и помощник президента Сергей Александрович Филатов. Галина Геннадьевна говорила, как и все, оживленно о великом поэте Есенине, о большом празднике России — о 100-летнем его юбилее, о том, что праздник был бы еще значимей, если бы на нем присутствовал единственный оставшийся в живых и проживающий сейчас в Америке его сын Александр Сергеевич. В заключение она обратилась к присутствующим здесь членам правительства с просьбой помочь в получении разрешения на въезд его в Россию.

После митинга я подошел к ней узнать, в чем дело. Оказывается, они с Надеждой Давыдовной Вольпин давно уже подали документы, а перед самым юбилеем пришел отказ. Она куда только не обращалась — везде отказывают. Я ее успокоил, что Филатов обязательно поможет: он друг семьи Есениных.

5 октября мы на три дня уехали на родину Сергея Клычкова в Талдом, где в продолжение юбилейных мероприятий проводилась конференция «Два Сергея — два друга».

7-го мы возвратились из Талдома. На оставшиеся дни отпуска я

остановился у Александры Леонидовны Спировой. Вечером мне позвонила Путятина и радостно сообщила: «Вы правы, помогли — Александр Сергеевич прилетел! Сейчас отдыхает. Привет вам от него. Завтра едем в Рязань — пригласили на пять дней! Вы как, заняты? Не могли бы поехать с нами? Александр Сергеевич присоединяется к приглашению. Мне вы здорово поможете — я ведь там никого и ничего не знаю. Если согласны, завтра в час дня отъезд с Казанского вокзала, вагон седьмой». Я ответил согласием: «Только я поеду утренней электричкой, чтобы заранее решить вопрос с жильем».

8-го числа, в начале 11-го утра, я был уже в Рязани. С вокзала позвонил нашим радунинцам Обыденкиным. Оказалось, что они будут в числе встречающих. Автобус на вокзал отойдет в 3:30 от пединститута. Главный организатор всех мероприятий — Володя Крылов, тоже наш радунинец. Остановиться на эти дни Николай Васильевич пригласил к себе. На вокзале встречать гостей собралась скромная делегация: Крылов с сыном, Обыденкины, две старушки, которые вызвались помочь Крылову, и я.

Гости приехали вчетвером. Странно было видеть, что Галина Георгиевна привезла с собой своего первого мужа Путятину. С ними был рязанский радунинец Игорь Бурачевский, почти профессиональный фотограф.

Радостные приветствия, рукопожатия, фотографирования, и автобус повез гостей в институтскую гостиницу. По программе вечером выход на есенинский спектакль рязанского театра. Как раз проходил фестиваль четырех театров со спектаклями о Есенине. Кроме рязанского, участвовали еще три московских театра: МХАТ им. Горького и им. Чехова и театр на Таганке. Фестиваль носил название «Театральная Русь». Память об этом была увековечена в значке, который продавался в кассе театра.

Гости на спектакль не пришли — Александр Сергеевич еще не отошел с дороги.

Программа на следующие дни была расписана до предела: три школы, ПТУ (где преподавал литературу Володя Крылов), детсад, мехмат РГПИ им. С.А. Есенина, вечер в областной библиотеке, есенинский общественный музей в городской библиотеке, выставка картин и скульптур отечественных мастеров под названием «О Русь! Взмахни крылами...», экскурсия в старую Рязань, поездка в Константиново. Наконец, в последний день намечалось выступление Александра Сергеевича по рязанскому телевидению и встреча с Администрацией Рязанской области. В последний день Александра Сергеевича возили на черной губернаторской «Волге», где сопровождающим, кроме Крылова, места не было, и я уехал в Москву, так как на 14-е у меня была назначена встреча в музее Есенина в Строченовском, 24.

Из этой поездки я привез почти полные три пленки со снимками

Александра Сергеевича на различных встречах.

Трудно описать все встречи с ним. Был он бодр и энергичен. После чтений в Ленинграде он заметно возмужал. (Как не хочется писать «постарел», но придется признать — время неумолимо.) Внешне он выглядел вполне иностранцем: стилизованно подстрижены усы и борода, модная американская куртка с отливом цвета бутылочного стекла. Вот только берет неясно чей. В России уже давно такие носили многие, в том числе и я.

Говорил он мало, больше молчал и слушал или внимательно рассматривал окружение и обращающихся к нему людей.

Хочу рассказать об отдельных эпизодах встреч в коллективах. Практически каждая из них заканчивалась чаепитием в узком кругу. На одном из первых чаепитий он рассказал, как трудно добивались поездки в Россию на юбилей: «Еще в начале года мама (только так и никогда иначе называл он свою мать) оформила документы. В конце сентября я звонил — сказали, что мне отказано. В конце дня 4 октября я уже готовился ко сну. И вдруг звонок в дверь. Открываю, заходят двое:

— Собирайтесь, срочно полетите в Москву.

— Но у меня нет визы, а еще надо купить билет.

— Ничего не надо, все готово. Вот ваша виза, вот билет. До аэропорта за вами пришлют машину. Так 7-го рано утром я был уже в Шереметьево. При прохождении досмотра меня встретили тоже двое и понесли вещи к машине и мигом домчали домой. Мне рассказали, как Галина Геннадьевна выступала на несанкционированных митингах. Это хороший пример, как надо бороться за свои права.

Вечер в областной библиотеке был самым интересным событием. Были выступления, много пели, читали есенинские стихи. Конференц-зал был переполнен. Все были рады встрече с сыном любимого поэта. Он сам был рад такому приему. Кто-то спросил, не хочет ли он переехать жить на родину отца. Александр Сергеевич ответил, что с радостью это сделал бы.

— Да, да! Особенно, если бы для жилья нам выделили деревенский домик. Я давно хотела поработать сельской учительницей. А Александр Сергеевич смог бы работать одним из директоров есенинского музея, — живо подхватила его ответ жена Галина Геннадьевна. Это было сказано так, что подумалось: «Это желание не его, а ее». Впоследствии эта мысль подтвердилась. Он отказался от своего согласия, когда администрация предложила выделить домик только при условии его переезда на постоянное жительство в Россию.

В художественном музее Александр Сергеевич быстро пробежался по залам в дальний конец, где висела картина Шилова «Есенин в «Англетере». Очень внимательно рассмотрел ее издали, затем детально вблизи. Очками он не пользовался. На другие экспонаты он даже не посмотрел.

На встречу в РГПУ мы приехали с некоторым опозданием. Зал был пе-



Г.Г. Путятина (Москва), А.С. Есенин–Вольпин (США, Бостон),
К.П. Воронцов (Константиново), В.И. Астахов (Рязань).
Константиново, 11 октября 1985 года

реполнен, проходы все забиты, у входных дверей в коридоре толпы невместившихся. Нас со стульями втиснули между первым рядом и президиумом, Александра Сергеевича ждало место в президиуме. После представления его попросили рассказать о главной теме его работы в математике. Он начал рассказывать о неформальной логике. Говорил он увлеченно, страстно, даже как-то артистично, жестикулируя руками и своими музыкальными пальцами. Временами глаза его загорались, когда от доски бросал взгляд в зал, ища понимания слушателей. Лишь один преподаватель задал несколько научных вопросов. В конце ведущий спросил: «У вас ученики, последователи есть?» Александр Сергеевич ответил: «Нет, но еще будут». Я математику в вузе изучал шесть семестров, включая теорию вероятности. Все экзамены сдал без троек. Логика была в школе и осталась на всю жизнь любимым предметом. Но за полтора часа лекции я так ничего и не понял. Мне показалось, что подавляющее большинство в зале тоже не поняли, как ноль может быть равным единице. А именно возможность доказать это старался показать нам будущий профессор Бостонского университета.

Встречи же на рязанской земле с сыном Есенина организаторы начали со школ. В первой же школе, № 39, на вопросы десятиклассника — «Унаследовали ли вы от отца любовь к поэзии? Пишете ли стихи?» сын ответил: «В молодости писал. Но у меня принцип: никакой почвенности, никаких березок». На мой вопрос о взаимоотношениях с родственниками ска-



А.С. Есенин-Вольпин, В.И. Николаев, Н.Н. Мокеев (Нея). Репино, «Пенаты», 26 марта 1989 года

зал лаконично: «С сестрой Татьяной я встречался, ездил к ней. Вместе с Костей добились реабилитации расстрелянного в 37-м году брата Юрия». На чаепитии после встречи неожиданно разоткровенничался, что родился он не в больнице, а на Васильевском острове, 13-я линия, дом 18, кв. 25, шестой этаж. Во время того же чаепития мне на приглашении под стихотворением «Не жалею, не зову, не плачу...» оставил автограф: «Томской Есениниане» на память о моем отце от Александра Сергеевича Есенина-Вольпина. 9 октября 1995 г.».

Самым ярким событием в пятидневном пребывании Есенина-Вольпина на Рязанщине была поездка в Константиново. В 8 утра 11 октября мы были уже на встрече с коллективом ПТУ, где преподавал главный организатор всех встреч Владимир Иванович Крылов. Затем, попив чаю, мы вышли во двор сфотографироваться. Здесь уже ожидал один из пяти первых лауреатов премии им. С.А. Есенина, учрежденной в том же 1995 году, Валентин Иванович Синельников, приглашенный из Липецка для получения заслуженной высокой награды. (Награждение состоялось в тот же день!)

В 10 утра институтский автобус уже мчал нас по знакомой (для меня это была уже 15-я поездка!) до мелочей дороге на родину нашего любимого поэта. На переднем сидении, положив голову на плечо супруги, дремал его младший сын Александр.

В Константинове встречали нас первый, тогда уже бывший директор

Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, еще один из пяти первых лауреатов премии им. С.А. Есенина Владимир Исаевич Астахов и заместитель директора музея по науке Константин Петрович Воронцов.

Шел восьмой день после юбилея, а народ все шел и шел к Есенину. По словам Астахова, с 3 октября в Константинове побывало более ста тысяч человек, экскурсоводы работали без выходных три недели.

Владимир Исаевич провел с нами экскурсию сам. Александра Сергеевича интересовало все. В доме родителей отца заглянул в каждый уголок. Посидел за партой в школе, посмотрел вывешенные на стену табели успеваемости, поинтересовался оценками отца, выразил вслух удовлетворение его высокими оценками по математике. На высоком берегу Оки у часовенки посидел на огромном валуне, где любил в детстве сидеть отец. Объектив моего фотоаппарата следовал за ним всюду. В помещении, к сожалению, из-за низкой освещенности снимки не получились.

Все вошли в церковь. Священник вышел навстречу. Галина Геннадьевна подошла к нему, о чем-то переговорила, и они вдвоем ушли в закрытую еще на ремонт часть храма. Все разбрелись. Я поставил свечи, вышел на улицу и пошел вдоль села. Неожиданно меня окликнула одна из старушек — помощниц Крылова: «Ой, скорее сфотографируйте — они там венчаются!» Я бросился назад к церкви, но новобрачные, выйдя со второго входа, уже шли к центральной улице. «Вас поздравить можно?» — спросил я и щелкнул фотоаппаратом. Галина Геннадьевна смущенно улыбнулась, Александр Сергеевич молча прошел мимо.

Перед отъездом все зашли в «Русскую биль» перекусить. Каждый развернул свой пакетик. Гостям заказали через ресторан горячий обед. Я взял себе второе и, традиционно, стакан фирменной константиновской медовухи. Потом, подумав, взял еще один. Это вполне заменило «фронтонные 100 грамм». Уезжать не хотелось: как будто бы знал, что в следующий, 16-й, раз сюда попаду лишь через пять лет.

Но с юбилея домой я привез двадцать четыре пленки. Сейчас коллекция снимков с Александром Сергеевичем Есениным-Вольпиным в Северском общественном литературном музее С. Есенина насчитывает более 70 единиц хранения. Такого собрания материалов об Александре Сергеевиче нет ни в одном общественном музее России!

Сергей Петрович Кошечкин

Сергея Петровича Кошечкина я встретил впервые на есенинском юбилейном вечере в Политехническом в 1980 году; встречался в 1985-м, на чтениях в 1989-м в Ленинграде, в 1990-м — в Рязани, в 1991-м — в Орле, в 1992-м — в Москве, на конференциях и заседаниях есенинской группы по подготовке Полного собрания сочинений С.А. Есенина в ИМЛИ в 1993, 1994, 1995 годах, в Талдоме; ездил с ним в Константиново, Спас-Клепики, в Спасское-Лутовиново, в город Пушкин, в «Пенаты», в Вязники, в Спас-Угол.

На многих мероприятиях Сергей Петрович выступал, при этом часто пользовался литературными приемами, часто читал стихи Есенина и свои очерки. Он знал наизусть множество стихов, причем не только Есенина. Однажды, в октябре 1994 года, после заседания есенинской группы в 6-й комнате ИМЛИ на стихийно возникшем в честь его 70-летия фуршете Сергей Петрович для присутствующих устроил настоящий концерт. Он читал стихи Есенина, Блока, Мандельштама, Смелякова. Читал великолепно.

Во время своего доклада на IX Есенинских чтениях в Ленинграде 24 марта 1989 года Сергей Петрович вновь обратился к стихам Есенина. Привожу отрывок из очерка, написанного мной под влиянием этого впечатления.

... Есенина так много всюду. Кажется, все в зале заполнено им. Души, доверчиво раскрытые, стали доступны к восприятию прекрасного. На сцене Сергей Петрович Кошечкин: ученый, кандидат наук, первый в Советском Союзе защищавший диссертацию по есенинской тематике, заведующий литературным отделом газеты «Правда», постоянный и лучший друг всех есенинцев. Трибуна плотным корсетом обнимает его солидную фигуру. Сверху кафедру полностью покрывают его крупные руки. Из-под нависшей шапки белых-белых волос смотрят, посылая в зал спокойную доброту, его умные глаза.

Говорит он о Есенине, о поэзии. Слушается легко. Неожиданно голос его становится тихим-тихим. Глаза засветились еще приветливее. И от всей его ставшей вдруг совсем незаметной громадности, к обнаженным, согретым теплом есенинского праздника человеческим сердцам, заструились тончайшие нити есенинской поэзии:

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа...*

Тишина зазвенела в ушах и стала почти зримой. Зал затаил дыхание и зачарованно внимал, наслаждаясь ароматом есенинских строк. Почти не-

человеческим, наверное, шестым измерением стали выписываться живые есенинские образы. Поверилось вдруг в их реальность. Кто это? О ком так по-русски нежно грустит его душа? Рожденная всей поэтической атмосферой в зале, мысль начинает работать в согласии с чувствами:

*С алым соком ягоды
на коже,
Нежная красивая
была...*



С.П. Кошечкин на трибуне
Политехнического музея

Стихи написаны в 1915 году, Есенину 20 лет. «Была» — значит это в прошлом. Его

чувства уже волновали Шорина, Сардановская, Бальзамова, Рафтопулова, Изряднова. Легко прочитывалось, что это «была» достаточно давно. Это, пожалуй, о ней потом он напишет: «В пятнадцать лет / Влюбил я до пенынок...»

А Кошечкин продолжает вышептывать залу:

*На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла...*

Желание узнать ее, так глубоко покорившую сердце поэта, становится нестерпимым. Интуиция уже видит ее, знает почти точно и подталкивает мозг искать подтверждение. И мысль уже почти прикасается к истине, а она ускользает, показывая свою недостижимость.

И вдруг тишина заполнилась чем-то невероятно значимым. Прозвучло:

Имя тонкое растаяло, как звук...

Так вот она — неуловимая жар-птица познания! Имя! У образа есть имя! Имя ТОНКОЕ... Вот оно: Аня... У русских женщин есть имена, наверное, еще тоньше — например, Ася, Ия. Но их нет среди есенинского окружения.

Аня! Вспомнился Пушкин. Имя женщины, составившей самое светлое чувство в его жизни, Мадонны, ему хотелось оставить в самом значи-

тельном своем произведении. Знаем, что онегинская героиня была в начале Натальей. И, возможно, только нежелание вносить откровенно биографический нюанс в свой шедевр, заставило Пушкина спрятать сокровенное, заменив имя своей возлюбленной на имя, которого нет в известном списке избранниц его сердца. Не это ли изначальное желание воплотил и Есенин в период своего наивысшего поэтического приближения к Пушкину в имени главной героини своего поэтического шедевра — поэме «Анна Снегина».

Аня! Эхом откликается уже прозвучавшее: «Нежная, красивая...». Среди есенинских избранниц некрасивых не было. Полная сказочной херувимской красоты и обаятельности, сама его сущность требовала не менее очаровательного обрамления. Нежная. Да. Это чисто национальная черта русской души — испытывать потребность в нежности. Пожалуй, все женщины в той или иной мере обладают этим достоинством. Есенин же увидел эту человеческую потребность в нежности и вложил эту нежность в свои стихи. Это и родило такую любовь к нему всех русских. Всех ли? Пожалуй, да. А если не любит — значит не русский? Возможно, но более вероятно — просто не знает Есенина.

А воркующий со сцены голос дорисовывает образ первой есенинской любви:

*Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.*

Встают перед глазами фотографии. Анна Изряднова. В юные годы, когда встречалась с Есениным, — нежная, хрупкая, премиленькая. В самом начале 15-го года она стала матерью сына Есенина. Нет, о ней Есенин не мог писать в прошлом, тем более далеко. Для него она вся в настоящем. Она выпадает из самого восприятия стиха.

Еще фото. Взгляд скользнул, отметив все прелести Машеньки Бальзамовой, и остановился, радостный и удовлетворенный поиском и находкой, на... Ане Сардановской!

Это она! Воплощение есенинской мечты о невинной, нежной красоте и совершенстве.

Радость и удовлетворение почти тут же сменяются грустью от запавших в сознание отзвучавших строк:

*Зерна глаз твоих осыпались, завяли.
Имя тонкое растаяло как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.*

В этой строфе не только память о давно ушедшей первой любви. Это гораздо большее. Пройдет совсем немного времени, и родные и близкие Аннушки, как святыню, будут оберегать ее шаль, еще некоторое время хранящую осязаемо все то, что осталось от ее плоти. Увидел ли Есенин роковое пророчество этой строфы, когда, возвратившись из-за границы в 1923 году, уже не застал свою первую возлюбленную в живых? Впрочем, сохранилась ли шаль? Не выменяла ли ее бедная сельская учительница на несколько мерзлых картошин в голодную зиму чудовищного 21-го года там, в обездоленной, затерявшейся в центре России деревушке?

Расставшись с Анной в 1912 году, Есенин, вероятно, встречался с ней в 1915 году. Осыпавшиеся, увядшие зерна глаз — это еще не в прошлом, а в настоящем, это более близко к моменту написания стиха. Возможно, стихи родились сразу после этой встречи. Боль и грусть в молодости долго не живут. Есенин знал, что «эта боль, как и годы, пройдет», и не мог задерживать рождение стиха. Прошло каких-нибудь три года после их встречи. Что же так изменило Анну? Несчастливая любовь? Боль раскаяния в нарушении клятвы юности — никогда не расставаться с Есениным? А может быть, она тогда уже была смертельно больна? Издалека эту загадку не разрешить. Разгадка где-то там. Может быть, в деревне, в памяти потомков ее родственников, ее учеников; может, в ее письмах к Есенину. Государственному музею в Константинове известно, что они были. Где они? Найдутся ли?..

Мысль, в мгновение летая во времени от стиха к событию и от одного события к другому, все-таки задержалась в рассуждениях и не заметила, как Кошечкин уже перешел на прозу, возвращая нас к реалиям жизни.

Пора завершать, переходить к главному. И Сергей Петрович делает это, как бы обобщая и выражая мысли всех сидящих в зале:

— На могиле одного из великих поэтов, кажется, Петрарки, написано: «Не ищите его среди мертвых. Ищите среди живых». Значение всех этих есенинских мероприятий в том, что придешь домой, откроешь томик Есенина, зачитаешься и скажешь как о Петрарке: «Ищите его среди живых».

Кошечкин выступал в тот день не последним — были и другие интересные выступления. Но прочитанные им стихи продолжали волно-

вать и не давали последовательно воспринимать происходящее. Хотелось, чтобы все, что вымыслилось, оказалось близким к истине, позволяло автору надеяться, что это не ошибка. Ну а если и ошибка, то пусть она будет красивым отзвуком красивых стихов и самих чувств Есенина, который сказал:

Я сердцем никогда не лгу...

И всякий раз, беря в руки томик стихов Есенина, вспоминаешь стихи:

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда...*

Сергей Петрович был не только большим ученым-есениноведом, но и прекрасным литературным мастером. Его книги читаются легко, с большим удовольствием.



Участники Есенинской научной конференции: Т.А. Хлебьякина (Талдом), И.Т. Сорокин (Липецк), С.П. Кошечкин (Москва), Н.П. Юсов (Москва), Ю.Л. Прокушев (Москва).
Москва, ИМЛИ, 26 марта 1989 года

Кошечкин входил в редакционную коллегию всех 9 книг ПСС, но выхода всех книг не дождался: последняя, 3-я, книга 7-го тома вышла с его фамилией в траурной рамке.

Он был большим другом всех есенинцев: вместе с нами жил в гостиницах, ездил на экскурсии, при случае выпивал; откликался в своей любимой «Правде» на наши публикации в местной печати, отвечал на наши письма, дарил свои книги.

Все книги, написанные Сергеем Петровичем Кошечкиным, многие его журнальные и газетные публикации хранятся в Северском музее Сергея Есенина. Есть и его письма, и книги с автографами, и множество фотографий.

Александра Леонидовна Спирова

В кармане, обгаренной кровью гимнастерки, в комсомольском билете Наташи Качуевской, нашли пять дорогих ей фотографий: бабушки, матери, мужа, двоюродного брата Игоря Миклашевского и поэта Константина Симонова.

Позволю себе в эпиграф взять слова и мною любимого поэта Симонова:

*В Ленинградской гостинице
в той, где сегодня пишу я.
Между шкафом стенным
и гостиничным тусклым трюмо
Я случайно заметил
лежащую там небольшую
Пачку смятых листов —
позабитое кем-то письмо...
...Я читать его стал.
Било десять. Одиннадцать било.
Я не просто прочел, —
я как путник прошел по письму...
К. Симонов. Пять страниц. 1938 г.*

Письмо первое — от 16 августа 1989 года

«Добрый день, Владимир Иванович! Спасибо... Письмо я получила вчера, когда пришла домой вместе с Кузнецовой Валентиной Евгеньевной от Флор-Есениной Татьяны Петровны. У нее мы встретились с автором очерка, помещенного в журнале «Москва», № 7, о гибели Есенина...

Очень жаль, что Вы, ища встречи с Августой Леонидовной, просто-яли у могилы Есенина весь день (см. часть II, глава 1 — авт.). Последние годы Августа Леонидовна очень хворала и довольно часто, в т.ч. ходить на кладбище к могиле Есенина она не могла. Да было и не в ее характере. Ведь у могилы Есенина почти всегда много людей. Некоторые были с ней знакомы, значит, — ее бы узнали, произошла бы некоторая сенсация, для нее неужодная.

...Августа в концертах произведений Есенина никогда не участвовала, хотя ее и приглашали, и ее имя стояло в афишах. Но дома она всех принимала, кто к ней приходил, и щедро делилась своими воспоминаниями о Сергее Есенине. Он помогал ей жить, преодолевая такие тяжелые болезни как астму и рак. Она не чувствовала одиночества.

...Вы живете и работаете в Томске. Когда я была еще молодая, а Вас, я думаю, еще и не было на свете, в 1932 году я работала в томском театре музкомедии. Сохранилась программка тех лет, я играла и пела Роз-Мари. Очень хорошо помню здание театра, город, место, где мы жили, а как назывались улицы — не помню...

В Томск ко мне приезжала моя мама и дочь Наташа. Так что я имею некоторое впечатление о Томске. Поищите в библиотеках такие книги:

1. *«Наташа»*. Изд. Молодая гвардия за 1970 г. Автор А. Спирова (т. е. я);



А.Л. Спирова, В.В. Соколов. Москва. Октябрь 1990 года

2. *«Повесть о большой любви» Ольги Сорокташ (год издания не помню);*
3. *«200 огненных дней». Изд. «Военнииздат» — Очерк В. Громова «Наташа».*

...Вчера я выбрала для Вас два фото: одно — Августа Леонидовна в гриме в театре Пушкина... второе — дома, у себя в комнате, незадолго до кончины.

...Если Вам удастся найти книгу «Наташа», Вы поймете, что у меня много дел, в том числе переписка со школьниками и молодежью.

В книге Сорокташ много фантазии. Меня она описывает как блондинку с голубыми глазами. У меня темно-карие глаза, а волосы сейчас уже совсем седые, а когда-то не светлые и не совсем черные, а с золотым отливом.

В Москве, Волгограде, Астрахани, в Яшкуле, где теперь похоронена Наташа, есть улицы ее имени. В небе малая планета № 2015 — «Качуевская».

Не знаю, записали ли Вы мой телефон, если нет — то запишите: 135-40-58.

...Жму крепко руку. Пишите. Александра Леонидовна.

PS.: Очень прошу Вас, посылая мне письмо, вкладывайте конверт, подписанный Вами. Мне трудно вычерчивать индекс. Часто болит правая рука.»

Письмо второе — от 27 сентября 1989 года

Написано рукой Кузнецовой В.Е.

«Только что вернулась из Липецка. И Александра Леонидовна обрадовалась: «Бандероль из Томска»... Прочитала письмо, обрадовалась его доброму тону, порадовали и фотографии. Александра Леонидовна благодарит Вас за письмо и фото и просит извинить ее за то, что чуть помедлит с ответом: у нее сейчас паломничество ветеранов; им оформляют какие-то удостоверения...

...Письмо Ваше к ней она мне вслух прочла. А вот фотографии она просмотрела, сказала, чтобы все я забрала себе, а Вы ей пришлете (она в Вас уже абсолютно уверена).

...Я здесь до 18 октября. 17–18 октября съезд книголюбов РСФСР. В ночь на 19 октября наша делегация выезжает в Мурманск...»

Письмо третье — от 4 октября 1989 года

«Добрый день, или вечер — Владимир Иванович! Спасибо Вам за такое подробное и искреннее письмо.

В своем письме Вы благодарите меня за рождение и воспитание моей дочери.

...Наверное, Вы поймете меня и всех тех матерей, которые потеряли своих детей, которые шли в бой, веря, что это нужно для защиты Родины и будущих детей. Отдавая свою молодую жизнь, надеялись, что их жертва не напрасна — что не успели сделать они для Родины, сделают те, кто будет жить после Победы.

Сердце кровью обливается, когда я вижу или слышу, что делают сейчас даже маленькие мальчишки и девчонки.

Единственное счастье сейчас у меня, — это то, что ко мне постоянно тянутся хорошие люди, как взрослые, так и молодые, дети.

...Спасибо Вам за добрые слова об Августе Леонидовне.

Вы написали, что в детстве жили в Ейске. В Ейске до войны жили и наши родственники. Я, мои родители, Наташенька не раз бывали в нем. А я участвовала в концертах, а как-то приехала с труппой музыкальной комедии на гастроль в Ейск.

...Вы спрашивали о судьбе нашей семьи. От всей нашей семьи остались только я и самый младший брат Георгий. Игорь часто болеет.

...Воспоминания Августы взяты только с момента встречи ее с Есениным. Уже много лет я собираю разные книги, в которых упоминается она или описано то время, вклиниваясь сама, дополняя ее воспоминания.

Эти воспоминания я отдала в редакцию «Литература для подростков и молодежи».

...Теперь по поводу Томска. Если смогу, пороюсь в своем архиве, может, найду что-нибудь. Помню, что жили мы возле речушки. Недалеко был, кажется, цирк и какой-то ресторан, в котором мы обедали и брали еду домой.

Помню, что театр находился не близко от нас. Сцена большая. Главным режиссером был сын знаменитого режиссера Евстратия (или Евтимия) Карпова — Евгений Карпов.

...Вы спрашиваете о моем приемном сыне. Но его уже нет в живых. 33-х лет он покончил с собой. После этой трагедии я полгода была при смерти. Как выжила — не знаю! Брат мой, да и многие, мне говорят, что я очень нужна людям, вот поэтому я выжила и живу сейчас, хотя мне много лет и много разных сложных болезней. Но я много занимаюсь общественными делами.

Очень бы хотелось выпустить книгу об Августе Миклашевской.

Есть у меня фото, как семейные, так и отдельных моих родных. Высылаю Вам. Вы переснимите для себя, а мне перешлете все, что я вышлю Вам. (Далее следует подробное описание семи высылаемых мне фотографий.)

...Думаю, что Вы останетесь довольны моим письмом и фото для переснятия.

Сейчас нашла обрывок программы томского театра. Нашла и пропуск на сцену томского театра. Переснимите.

Обнимаю Вас. Александра Леонидовна».

*Стой, душа, мы с тобою проехали
Через бурный положенный путь.
Разберемся во всем, что видели...*
С. Есенин. 1925 г.

Прервемся от постижения избранной формы отображения событий — выдержек из писем — и обратимся к главной теме главы.

Первая моя встреча с родной сестрой Августы Леонидовны Миклашевской, Александрой Леонидовной Спировой, матерью героически погибшей на второй день Сталинградской битвы Наташи Качуевской, состоялась 15 октября 1989 года.

В начале октября на отчетно-выборной конференции областного добровольного общества любителей книги (сокращенно — ДОЛК) меня, в числе пяти делегатов от Томской области, избрали на съезд ДОЛК РСФСР, о котором мне уже написала выбранная на съезд от Мурманской области Валентина Евгеньевна Кузнецова.

Мы прилетели в Москву в субботу, 14 октября, утром. Поехали сразу на регистрацию в правление общества по адресу: Большие Каменщики, Маяковского, 13/5 (здесь жил с Лилей и Осипом Бриками Маяковский). Получили направление в гостиницу «Россия», талоны на обеды, а еще и на книги, красивые папки, записные книжки, авторучки.

В гостинице расселили нас по двое: я с Борисом Васильевичем Ивановым, профессором ТГУ, председателем ДОЛК Томской области, рядом с нами — руководитель клуба «Мечта» Владимир Ильич Шеметов с делегатом от другой области, этажом ниже — женщины: Маргарита Николаевна — ответственный секретарь ДОЛК Томска и делегатка от ДОЛК Томского сельского района — редактор районной газеты «Правда Ильича» Галина Рогожина.

Поселившись, сразу позвонил Спировой и Маловой. Александра Леонидовна удивилась неожиданному приезду, обрадовалась и сразу пригласила к себе, объяснив: «Доехать надо до метро «Ленинградский проспект». Пройти направо до улицы Вавилова, дальше 14-м или 39-м трамваем до улицы Дмитрия Ульянова».

Вечером мы встретились в гостинице с Кузнецовой и Алексеем Казаковым — членом «Радунцы» из Челябинска. Договорились быть у Спировой завтра в три часа дня. Кузнецова сказала, что радунинцы Валентин Иванович Синельников и Валерий Пилипенко тоже делегаты от своих областей, но они еще не подъехали.



Делегаты Съезда книголюбов от Томской области
во главе с В.Н. Шеметовым (второй слева), 1989 год

15 октября. 14:40. Улица Дмитрия Ульянова, дом 3, квартира 4. Звоню. Открывает дверь Кузнецова. «Здравствуйте!». Вхожу в переднюю. Встречает статная, приветливая дама с красивой прической, в ярком, с крупными цветами, платье. Про себя думаю: «Так вот она какая! И это в 88 лет! Молодец!»

— Здравствуйте, Александра Леонидовна! — говорю, пытаюсь как можно нежнее, двумя руками прикоснуться к ее чуть протянутой для приветствия руке, украшенной идеальным маникюром.

Разговор вначале не клеился — Кузнецова уже успела многое рассказать о нас, делегатах. Осмотревшись, «сажусь на своего любимого конька» — достаю фотографии, что успел напечатать перед отъездом — все, что Александра Леонидовна заказала в письме от 27 сентября, а также Валентине — она с «есенятами» на есенинских чтениях в Ленинграде, Казакову — только что отснятые клюевские места Томска. Почти не посмотрев на фотографии (успеет еще), хозяйка приглашает к столу.

На нем бутылка коньяка, запеченные баклажаны («синенькие», поростовски), жаренные в масле пирожки и бульон. Фотографирую всех вместе за столом (нажимает «вот эту кнопку» ученица Кузнецовой — Лена из Мурманска).

Трогательную речь говорит, стоя, Александра Леонидовна: о молодости, красоте, здоровье, о приятном знакомстве.

Вскоре мурманские женщины уезжают в театр Маяковского (билеты

оставлены по звонку Александры Леонидовны главному режиссеру театра Андрею Гончарову).

Только что начатый разговор расклеился. Казаков молча слушает: его, я еще по Ленинграду заметил, интересует лишь материал, пригодный для печати. На мой вопрос о его образовании он ответил: «Два: филфак и факультет журналистики, член Союза писателей и член Союза журналистов». Вчера в «России» он успел познакомиться с Шеметовым, узнав о малоизвестном факте приезда Высоцкого в Томск и что у него есть никому не известные фотографии, снятые во время этого приезда. Казаков даже записал адрес и телефон Шеметова. Пообещал приехать к нему в Томск.

Итак, Александра Леонидовна осталась одна с двумя мужчинами: один — профессионал (чувствуется, что он уже не раз побывал у нее и выведает все, что можно); второй — дилетант-любитель, которого интересует любая информация о Есенине и его близком и дальнем окружении.

Спрашиваю хозяйку о судьбе ее семьи. Она охотно отвечает: «Детей было двенадцать, осталось двое — я и самый младший брат Георгий. Завтра ему исполняется 80 лет. Отца расстреляли в 30-м году как «врага народа». А был он железнодорожный мастер, Герой Труда, депутат Ростовского горсовета, изобретатель. Его изобретение — вагонный тормоз — известно всему миру под названием «тормоз Спинова».

Я подхватил:

— Помню, в 40-е годы в Ейске мы мальчишками ходили купаться на лиман. Железная дорога проходила рядом. Поезда перед семафором снижали скорость. На товарняках мы катались. Цеплялись за ступени, забирались на переходную площадку и доезжали до въезда на товарную станцию. На многих вагонах над ручными тормозами по трафарету было написано: «Тормоз Спинова».

Слова мои были приятны дочери изобретателя. Ее глаза засветились в улыбке.

— Скажите, а в Ростове вы где жили? Я ведь там бывал и бываю очень часто. Город знаю хорошо.

— Жили мы в квартале у вокзала, три трехэтажных дома. Наш № 3 — прямо напротив выхода на перрон с правой стороны, если стать лицом к вокзалу. Выйдешь из дому — и на перроне. Сейчас дом еще стоит.

(Я проездом был в мае 1995 года на ростовском вокзале. Дома уже нет. На том месте сейчас автовокзал и часть перепланированной привокзальной площади. Сохранились лишь древние толстоствольные деревья белой акации. Я сорвал веточку и привез ей на юбилей...)

— Жили мы и в Нахишване, на Седьмой линии, 25. По ней бегали на Дон купаться, — продолжает Александра Леонидовна, — и еще в двух местах в районе вокзала. Там уже ничего не сохранилось.

— А что помните из томской жизни?

— Да почти ничего. Там вот только река была. Как ее название — не помню. Шайка, кажется.

— Ушайка,— подсказываю я.

— Да! Да! Ушайка. Мы жили на улице, что идет за рекой. Рядом почти мост был. По реке все лето сплавляли лес. Однажды я пошла в город и, чтобы не обходить, вместо моста решила перейти речку по бревнам. И... соскользнула в воду. Бревна скользкие — не могу выбраться. А одно бревно с большим сучком зацепило меня за ворот. Кричу о помощи. Наташа, ей 10 лет было, бежит по берегу, плачет, зовет на помощь — а вокруг никого. Не знаю как, но я все же сама тогда выбралась на берег. Такое не забывается.

Около шести вечера Казаков заторопился, хочет уйти. Ему некогда.

— А я останусь, можно?

— Конечно! Конечно! — обрадовалась хозяйка. — Мы вот только убедем все со стола на кухню. И будем смотреть все интересное. Несите вон все те папки, что под креслом.

Первой смотрим Наташину папку. Отбираю фотографии себе на пересъемку. Затем смотрим семейные папки. Александра Леонидовна поясняет:

— Это я и Катя, — на фото сидят, прижавшись друг к другу, две малышки. — Снимок сделан еще до 1905 года. Я помню 905-й! К нам во двор заехали казаки. Спрашивают: «Жидов нет?». Отвечаем «Нет, нет!». А сами дрожим. Мы прятали одного в сарае, в углу. Я еду ему еще носила.

В «гутиной» папке (папке Миклашевской А.Л.) мне понравилась одна фотография. Сказал, что здесь она почему-то походит на мою маму.

— Да? Это очень интересно! Тогда давайте я ее подпишу вам.

Так за четыре часа мы просмотрели сотни фотографий. Почти каждые 10–15 минут ей звонят. Телефон стоит рядом с креслом прямо на кровати, на подушке. Так ей удобно. Звонят ветераны. Она — председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны своего района Москвы. Все звонящие спрашивают вначале о здоровье, затем излагают свою проблему. Отвечает она лаконично, уверенно, твердым голосом, тоном командира: «Разрешаю!», «Нет! Так делать нельзя!», «На этот вопрос я отвечать не буду». Таких звонков к концу вечера набирается десятка два.

Мучаю старушку уже более семи часов.

— Простите! Вы устали. Я пойду.

— Нет, нет! Что вы! Мне очень приятно возвращаться в прошлое, смотреть фотографии родных и близких, которых уже нет в живых.

— Александра Леонидовна! Давайте я еще раз вас сфотографирую, вот в этом месте. Вы любите сидеть в этом кресле?

— Нет, не сажу, а только люблюсь этим местом. Это у меня «Гутин уголок». Фотографирую.

— Вид получился хороший, но вы выглядите очень усталой. Все. Спасибо вам за все! До свидания!

Целую ее ручку и в щечку. Ухожу. Время — 22:35.

Так закончился первый день моей встречи с Александрой Леонидовной, переросший в девять лет добрых, хороших, доверительных отношений.

*Буду я отправлять,
будешь ты получать с интересом,
И знакомым читать,
и в корзинку спокойно бросать...*
К. Симонов. Пять страниц. 1938 г.

Так у Симонова, но не так у Спировой.

Приезжаю как-то, кажется, в 1994 году, а она и хвалится: «Приходили недавно из Бахрушинского театрального музея. Просили что-нибудь из материалов Миклашевской. Я дала — у них создан ее фонд. Я предложила и ваши письма. Они почитали и забрали. Все. Вы не возражаете?»

Теперь вот, спустя почти десять лет, я сделал то же самое — передал в Северский общественный музей Сергея Есенина в фонд Миклашевской-Спировой пядеся четыре бережно сохраненных письма Александры Леонидовны.

Продолжим их чтение.

Письмо пятое — от 14 ноября 1989 года

«...Большое спасибо за такие чудесные фото! ... Все мы вышли очень красивыми и намного моложе своих лет...

...Обнимаю Вас. Александра Леонидовна».

Это слова о фото с нашей первой встречи, где она со мной, Кузнецовой и Казаковым за обеденным столом.

Письмо одиннадцатое — от 17 февраля 1991 года

«...23 января в библиотеке имени Сергея Есенина была встреча с теми, кто стоит в обществе «Радуница». Потом я пригласила к себе домой, где нас ждали пирожки и разные закуски, вино, водка, шампанское. Многие рассказывали о своем знакомстве с Августой и о ней самой... Все ждут моих воспоминаний.

...А с воспоминаниями сестры Августы и моими произошел провал. Гордон Маквей в каждом письме пишет, что ждет, когда уже будет издана книга. Чувствую себя в день несколько раз по-разному. Обнимаю Вас. Привет всем. Ал. Леонидовна».



Встреча на квартире у А.Л. Спировой (третья слева) радунинцев.
Слева направо: А.Л. Казаков (Челябинск), В.Е. Кузнецова
(Росляково II), В.И. Николаев. Москва. 15 октября 1989 года

Машинопись из 160 страниц своей рукописи с собственной правкой она подарила мне в предпоследний приезд к ней в феврале 1996 года. Сейчас она хранится в Северском есенинском музее. Андрей Гончаров собирался опубликовать ее в журнале «Театр». Не успел при жизни. Валентина Кузнецова хочет поместить ее в журнале «Наука и бизнес на Мурмане». Дай бы Бог!

Письмо двенадцатое — от 18 марта 1991 года

«...Я, вообще, очень ревнивая. Когда я читала какой-нибудь роман, особенно в молодости, я ревновала героя к героине, которую он любил, если он начинает увлекаться другими женщинами...

На сороковой день смерти Августы Бурачевский из Рязани сказал за столом поминок: «Я теперь не интересуюсь Августой Миклашевской. Меня интересует Вольпин».

...Я больше признаю Галю, чем Вольпин. Галя Б. много сделала, чтоб сохранить память о Сергее Есенине, и она безгранично любила его.

Не обижайтесь на меня. При встрече поговорим...

Обнимаю Вас. Ал. Леонидовна».

После вступления в «Радуницу» (в марте 1989 года) круг моих адресатов резко возрос: 1989 год — до 50, а в 1990 году — до 73 человек. В их числе была и Вольпин Надежда Давыдовна, с которой я познакомился 17 октября 1989 года. Но она упорно не отвечала на мои письма. Я написал об этом Маловой, а через нее это стало известно Спировой. В этом причина ее ревности.

Письмо пятнадцатое — от 20 января 1992 года

«...Желаю Вам всего хорошего и скорейшего установления порядка в нашей стране. Обнимаю Вас. Александра Леонидовна».

Письмо шестнадцатое — от 12 августа 1992 года

«...В сентябре будет какая-то конференция — есенинская, уже есть заявки на «раскладушки» в моей квартире. Как-то, когда открывали музей Клычкова, у меня ночевали трое: Валентина Евгеньевна, Валентин Иванович Синельников со своей Светланой. Приходил Казаков Алексей. Грохотал, хохотал, уплетал луковицы...

...Сейчас семьей Спировых и Миклашевских очень заинтересовались: ЦГАЛИ, Бахрушинский, музей ГИТИС... Бахрушинские, перебирая письма и фотографии, взяли и Ваши письма, а также фото, где Вы с Татьяной Петровной. Да еще приходили двое оформителей выставки музея, где жил отец Сергея Есенина, да и он сам некоторое время тоже жил в этом доме. Когда дом выбрали для такого музея, кто-то поджег его, потом взяли спонсоры из Греции. Сами строят по фотографиям и чертежам сожженного дома, охраняют его.

Какие-то злыдни подожгли особняк, где жил Сергей с Толстой, хотя уже начали там ремонт. А теперь сожгли и этот дом...

...Обнимаю Вас. Привет Вашим родным. Александра Леонидовна».

Спировскими «раскладушками» пользовались иногородние есенинцы: все, не имеющие близких и знакомых в Москве. Раскладушек было пять. Ими пользовались, кроме радунинцев, и гости из Калмыкии. Имеющие «постоянную прописку» на Дмитрия Ульянова, 3, кв. 4, приезжие по просьбе гостеприимной хозяйки привезли свои простыни и наволочки. Уезжая, свое хозяйство мы завязывали в наволочку и складировали за белую занавеску в коридоре справа от двери.

Это была не только «гостиница для путешествующих в прекрасное», но и своеобразная штаб-квартира «Радуницы»: здесь мы общались, когда какие-нибудь есенинские мероприятия проводились в Москве. Есенинские сходки у Спировой участились, когда мы лишились возможности общаться в ВОО-ПиКе, у Юлии Александровны Романовой на Дербеневской набережной.

Письмо двадцатое — от 21 марта 1993 года

«Добрый день или вечер — дорогой друг Владимир Иванович! ...редко пишу — связано это с техническими неполадками. Еще в начале января я наткнулась в темной прихожей на чужой чемодан с книгами. Чашка с горячим чаем и тарелка с бутербродами, конечно, полетели. Я рухнула и ударилась лицом о какой-то картонный ящик. Лежу в луже, кругом темно, только в комнате небольшой свет. Проверила себя: на лице две ссадины, руки-ноги не поломаны. Стала ползти обратно на кухню. Там на стуле второй телефонный аппарат, но тьма. Наизусть не могу набрать номер телефона племянника Саши. У него есть ключ от квартиры. Пришлось как-то с большой болью дотянуться до шнура с кнопкой выключателя торшера. Саша жил далеко. Полтора часа я пролежала на полу. Нога сильно опухла, посинела. Саша приехал, подтянул меня, посадил на диван. Вот тут я расплакалась. Врачи уложили в постель. Писать лежа не могла. Вот такие печальные события у меня... Знаете ли Вы, что умерла Татьяна Петровна после операции? Жаль мне ее.

...А в феврале надо было отметить день рождения Наташи. Пришли ее школьные друзья, да еще двое из ГИТИСа, была Маргарита Ивановна, еще одна есенинка — Белясова Ирина Ивановна и кое-кто из родных. Но один из них был простужен, заразил меня, и опять я полеживала. Вот и не поблагодарила за поздравление.

Желаю Вам и всем Вашим родным всего самого хорошего. Обнимаю. Александра Леонидовна».

Это письмо привожу практически полностью. Написано на отдельных узких маленьких листочках. Очевидно, писалось лежа, подложив под руку книгу в твердом переплете. Читаешь и наворачиваются слезы — каким мужеством и добрым отношением к людям обладала эта пожилая, много пережившая горя женщина! Очевидно, она действительно жила тем, что чувствовала себя нужной людям.

Письмо двадцать третье — от 31 мая 1993 года

«...Как только произошла катастрофа в Ваших краях, я написала сразу же Вам письмо, но ответ не получила.

...Я хворала, попала в больницу, вернулась домой 19.V.

Беспокоюсь, что с Вами, почему от Вас нет хоть маленькой весточки?..»

(Имеется в виду «хлопок» на 15-м объекте, о чем расшумелись все СМИ на всю Россию.)

Письмо тридцать второе — от 21 сентября 1994 года

«...Опять после встречи официальной друзья-есенинцы придут ко мне, сядут вокруг стола и отведут душу в беседах, песнях, стихах. К нашей ком-

пании прибавится еще один человек — Козлов Иван Пименович...

У меня были еще две калмычки. При встрече расскажу подробнее об этих калмычках...»

Письмо тридцать шестое — от 10 декабря 1994 года

«Поздравляю всех вас с двумя девочками внучками. Сегодня из Вашего письма узнала, что их называли Катей и Настенькой. Поздравляю еще раз всех Вас с этим радостным событием. Также радуюсь за Вас, что Вы вышли из «огненного кольца».

(Выход из «огненного кольца» — это переход из основного цеха, в котором я проработал почти тридцать пять лет, в технический отдел завода на новую современную должность — специалист по конверсии и маркетингу.)

Письмо тридцать седьмое — от 26 февраля 1995 года

«Дорогой наш общий друг! Мы все волновались, что от Вас долго не было весточки. Теперь я успокаиваю всех, что Вы здоровы, работаете, но много переживаете, что пришлось переменить работу».

Удивительный человек! В конце декабря я был в Москве в командировке, один вечер полностью посвятил встрече с нею. Месяц не писал — так она уже всю «Радуницу» подняла «на ноги».

«На днях приходил из ИМЛИ Максим: уточнял данные по Августе...»

Письмо тридцать девятое — 21 апреля 1995 года

«Не знаю, чем закончится начатое Вами дело по присвоению Наташе звания Героя России. Позавчера мне звонили из Калмыкии, из «Белого дома», сказали, что Кирсан Николаевич тоже подписал такое ходатайство и отослал его...

Как только раскладываю пасьянс, который Вы мне показали, разговариваю мысленно с Вами. Назвала мысленно этот пасьянс «томский».

Письмо сорок второе — от 26 ноября 1995 года

«Благодарю Вас за статьи. Какой же Вы молодец, что так подробно описали все, что было в честь памяти Сергея Есенина к 100-летию его дня рождения».

Письмо сорок четвертое — от 8 июня 1996 года

«Я все вспоминаю день моего рождения. Почему Вы не сели рядом со мной, где уселась супружеская пара, совсем мне неприятная».

Письмо сорок пятое — от 30 июля 1996 года

«Спасибо за письма и фотографии, за все теплые слова, за советы и пожелания.

17 мая ко мне приходили из школы, где есть музей. Потом пришли еще две женщины из райцентра и зам. председателя муниципалитета. Опять подарки, цветы, поздравления. Спасибо, что Тамара Ивановна была у меня, так что мы опять принимали гостей.

...А после начались другие события.

Стали ходить другие женщины. Под видом заказа на дополнительные продукты из собеса в квартиру проникли авантюристски... позже обнаружили, что пропала из серванта фарфоровая статуэтка и еще группа фарфоровых амурчиков. Приход домой племянника помешал им сделать все задуманное».

Это ответ на последнее письмо перед моей болезнью, прервавшую всякую переписку на три года.

*Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг...*
С. Есенин. 1924 г.

Десять из сорока писем, написанных от первой встречи в октябре 1989 года до последней встречи 16 мая 1996 года на вечере у Александры Леонидовны в честь ее 95-летнего юбилея... Перечитывая эти письма, просматривая при этом десятки фотографий, переснятых из ее архива, и сотни отснятых в ее квартире своих, хранящихся в нашем музее и дома, за эти семь лет знакомства, мне кажется, я познал почти вековую жизнь человека, а в ней, как в огромном зеркальном пространстве, невольно отразилась, преломившись, и моя семидесятилетняя жизнь. «Снова выплыли годы из мрака...»

За эти годы я очень часто бывал в Москве: в счет отпуска, проездом, в командировках. Александра Леонидовна всегда обижалась, если я останавливался в гостинице, а не у нее, на «скрипучем диванчике» на кухне. Если ее однокомнатная квартира в эти дни была переполнена иногородними есенинцами, места хватало всем: в комнате огромный раздвижной стол отодвигался к стене, и четыре «женских» раскладушки устанавливались головой к кровати, где на огромной перине лежала хозяйка; одиночные мужчины, если были таковые, устраивались на раскладушки рядом с «моим» диванчиком. Спать хозяйка ложилась около двух часов ночи, вста-

вала в одиннадцать утра. До этого времени квартиранты, бесшумно убрав свои лежбища, попив чаю, успевали покинуть гостеприимную квартиру.

Александра Леонидовна приучила меня, взяв билет на самолет, сразу звонить ей и сообщать о времени моего прилета. В этот день вечером, за традиционным столом в кругу есенинцев, она, жеманно поправляя прическу, во всеуслышанье говорила: «Сегодня моя голова подорожала на сто пятьдесят тысяч рублей!» (Парикмахера она вызывала на дом.) Сравните, билет от нас до Москвы стоил четыреста тысяч — вот во что обходился ей мой приезд!

Застолье сопровождалось стихами и песнями. Стихи, как правило, были есенинские, иногда блоковские, симоновские. Всегда Маргарита Ивановна Малова читала свои. Пели песни хоровые, времен японской, Гражданской и Великой Отечественной войны песни, а также старинные, на слова русских поэтов XIX века. Запевалами на два голоса были мы с Кузнецовой. Александра Леонидовна все песни знала и пела вместе с нами, выправляя своим голосом «запевал», если мы, увлекаясь, уводили поющих не туда. Мы хорошо знали, что любимой песней Наташи Качуевской была песня «Орленок». Иногда пели ее. Тогда Александра Леонидовна не пела, лишь внимательно слушала.

В будни, когда мы оставались одни, Александра Леонидовна, обязательно посмотрев очередную серию бесконечной «Санта-Барбары», сидела за своим любимым пасьянсом «Косыночка» и ждала меня. Наскоро перекусив сосисками с чаем, мы садились за многочасовую полуночную беседу.

Она часто расспрашивала о моей семье, о родных, о Ейске, о Томске. Она удивилась, когда я рассказал, что судьба Ейска зависела от судьбы Сталинграда. Ейск сдали в августе 42-го, когда гитлеровцы, оставив основные силы, правым крылом ударили в направлении Астрахани, Прозного, Новороссийска. Наши, взорвав все здания высотой более двух этажей, почту-телеграф, порт, железнодорожный вокзал, жилые 3-этажные дома авиагородка, новое здание госпиталя, без боя ушли из города, оставив его на три дня без власти. Начались погромы. Жители тащили все: содержимое детсадов, школ и других учреждений. Вырубили даже асфальт в авиагородке — себе на топку!

С приходом немцев наступило самое тяжелое время в нашей жизни. Мать осталась одна с двумя детьми (младшей сестре только исполнился годик) без средств к существованию. Голодали. Помню страшные морозы зимой 1942–43 года. Мы с ней корчевали оставшиеся пни, уже сгоревших еще осенью в печке, редко стоявших вдоль ограды внутри двора акаций. Земля замерзшая, корни толстые и длинные, топор тяжелый.

6 февраля 1943 года я сидел на окне, смотрел на улицу. Мимо проносились в направлении Ростова несколько бортовых машин с гитлеровца-

ми. По радио сообщили, что город освобожден от немецких оккупантов. Почти одновременно сообщили, что начатая 19 ноября 1942 года битва за Сталинград полностью завершена разгромом и капитуляцией большой группировки войск противника. Вот почему, не дожидаясь, пока окажется в «мешке», немецкий гарнизон поспешно бежал в Ростов. Это Наташина 98-я армия, с юга из-под Сталинграда пошла в наступление на Батайск и Ростов и спасла нас в любимом Ейске от холодной и голодной смерти! Вот как поворачивается в жизни...

Я даже помню из тех лет прочитанные в тогдашнем «Крокодиле» частушки:

*Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекошил.
У «мартышки» слезы градом —
Подавился Сталинградом.*

*Не пришлось фашистским гадам
Зимовать под Сталинградом.
В блиндаже было тепло,
И не дуло, не текло.
А как сверху дунуло —
Фрица в темя клюнуло.
И пришлось поднять дрожа
Руки вверх из блиндажа.*

Детская память, обостренная ужасом пережитого, запомнила все от начала войны до победы: как собрались у нас утром 22 июня после выпускного бала выпускники ейской школы № 1 — все одноклассники самой младшей сестры моей матери Марии Петренко; как мой дядька, которому в 41-м исполнилось только 15 лет, зимой 41-го был мобилизован на со-оружение ледяных заграждений в море вдоль берега всего Таганрогского залива. Они пилили лед на большие брусья, стаскивали баграми один на один, образуя ледяной вал. Помню, как планомерно и ожесточенно немцы бомбили город, не находя сопротивления в воздухе. В радиусе ста метров от нашего дома мы, мальчишки, насчитали около тридцати воронок от бомб. Помню троих друзей детства, погибших от этих бомбежек. Помню первый фильм о войне — «Они сражались за Родину». Помню...

Кто-то из младшего поколения тружеников тыла сказал о том, что скоро придет наше время вспоминать и писать о войне, а за ним наступит черед воспоминаний детей военного времени. Я рад, что первым и,

к сожалению, пока единственным слушателем моих воспоминаний была Александра Леонидовна Спирова.

В свою очередь она рассказывала о своей фронтовой жизни мне. Сразу же, узнав из красноармейской газеты «Красное знамя» за 24 ноября 1942 года о героической гибели дочери, Александра Леонидовна запротестовала на Сталинградский фронт хотя бы санитаркой. Ей отказали. Тогда она поступила во фронтовой театр.

В апреле 1943 года с театром она приехала в 8-ю гвардейскую армию, которой командовал Василий Иванович Чуйков, она была создана на базе 62-й армии, до последнего патрона державшей оборону Сталинграда. О героическом подвиге Наташи Чуйков знал еще в Сталинграде. И когда театр начал давать концерты в расположении армии: на передовой, в полевых госпиталях, в штабах дивизий, ему стало известно, что в концертах участвует мать Наташи Качуевской. Александра Леонидовна навсегда запомнила день 8 апреля. Театр выступал в штабе армии. На концерте в момент ее выступления сам легендарный командарм вышел послушать. Она пела много, в том числе свою любимую «Синий платочек». После концерта ей предложили остаться в штабе армии.

В качестве начальника секретной спецчасти финотдела армии, а затем и всего финотдела, она прошла с 8-й гвардейской армией весь боевой путь, вплоть до Берлина. В ее фронтовом альбоме хранились берлинские фотографии. «Вот развалины рейхканцелярии фюрера, вот Брандербургские ворота, — гордясь, поясняя она, перелистывая страницы альбома. — У Чуйкова было заведено — взятие каждого пункта отмечать всеобщей радостью: все выпивали, пели песни, танцевали под патефон. Женщин в штабе армии было мало. Мы были нарасхват во время танцев. Василий Иванович особенно любил вальс. И я чувствовала, как хорошо ему было вальсировать со мной. Твердой рукой обхватив меня чуть выше талии, он мог без устали, ловко обходя танцующие пары, кружиться со мной до остановки пластинки. Мне это нравилось. Но я быстро уставала. Армия успешно наступала. Такой отдых был просто необходим, но он был кратковременен. Помню, это было жарким летом 1944-го в Польше, на Висле. 8-я гвардейская армия заняла важнейший плацдарм. Даже сам Георгий Константинович Жуков прислал командующему гвардейцами 8-й армии Чуйкову благодарность, эти благодарности шли через спецчасть моего отдела. Даже в это напряженное время, когда гитлеровское командование бросило против успешно наступающей армии отборные свои части, Василий Иванович, соблюдая традицию, выкроил часик, чтобы принять участие в этих торжествах. Я станцевала с ним только один вальс и ушла отдыхать. Стояла жаркая июльская ночь. На артиллерийскую канонаду мы научились не обращать внимания. От жары я вышла из палатки и

постелилась на улице у входа. Только легла и прикрылась простыней, как прибежала посыльная: «Василий Иванович приглашает вас еще на вальс». Ничего не поделаешь. Пришлось натягивать гимнастерку, юбку, сапожки, поправлять прическу и идти еще танцевать.

Мне очень нравился Владимир Иванович Чуйков как командир и как человек. Грамотный, решительный и заботливый.

Однажды в 1982 году мне позвонила Людмила Васильевна Журавлева, сотрудница Института теоретической астрономии Академии Наук СССР, и сообщила, что открытая ею малая планета названа (это право первооткрывателя) «Качуевская». У нее есть еще три безымянные малые планеты. Есть ли у меня подходящие предложения? Не задумываясь, я назвала: Есенин, Чуйков, Рокоссовский.

С именем Есенина она согласилась сразу же, об имени Рокоссовского обещала подумать, имя же Чуйкова почему-то отвергла.

В 1983 году пришло сообщение, что малая планета, открытая в крымской обсерватории Журавлевой, названа «Есенин». Так я стала крестной матерью малой планеты, названной в честь Сергея Александровича Есенина. Я очень рада, что вокруг солнца будут вечно летать «Сергей Есенин» и племянница Августы Миклашевской «Наташа Качуевская». Имя Василия Ивановича Чуйкова мне увековечить не удалось».

*Да, мне трудно уехать...
Душою кривить не годится.
Но работа опять
выручает меня, как всегда.
Человек выживает,
когда он умеет трудиться.
Так умелых пловцов
на поверхности держит вода.
Почему ж мне так грустно...»*

Письмо обрывалось на этом.
К. Симонов. Пять страниц. 1938 г.

У меня в руках восемь последних писем Александры Леонидовны 1997–1998 годов, на которые я не отвечал. В это время, проанализировав все свои болячки, скис совсем: приготовил завещание и так, безвольно, как размазня, сидел часами в кресле и дожидался близкого конца. Есенина забросил, ни с кем не переписывался, не звонил и вообще ничего не де-

лал. Всю тяжесть переживаний и забот взвалил на слабые плечи жены. Так длилось почти три года...

Письмо сорок седьмое — от 9 января 1997 года

«Сию вместе с Вашей дочерью Танюшей в моей комнате и разговариваем... о Вас, о Вашей семье, о внуках. Очень рада знакомству с Вашей дочерью... Что написать о себе? Погода влияет на самочувствие, но держусь...»

Стыдно мне читать эти письма сегодня. Девяностошестилетняя женщина находит в себе силы преодолевать добрый десяток болезней, держится и еще пишет письмо, а сама еле передвигается по комнате, толкая перед собою стул.

Хорошо еще, что я додумался попросить младшую дочь, уехавшую в Москву сдавать экзамен в заочном институте, зайти проведать ее.

Письмо сорок восьмое — от 16 апреля 1997 года

«Добрый день, все Николаевы!

...У меня тоже сильно болит правая рука, а теперь болит плечо и затекает с болью вся кисть, но могу уже писать.

Меня удивляет, что Владимир Иванович, если сам не может писать, хотя бы продиктовал для меня письмо... Очень прошу — сделайте так... Все есенинцы очень хорошо к нему относятся, и долгое его молчание очень всех беспокоит... Обнимаю всех как родных. Александра Леонидовна».

Удивительно! Не могу объяснить сейчас, почему я тогда не додумался до этого сам.

Письмо сорок девятое — от 17 мая 1997 года

«Вчера мне сообщили и разговаривали со мной из народного отдела при президиуме Президента о том, что 12 мая был подписан Указ о присвоении звания Героя России моей Наташе.

...Мне сказали, что со мной хочет поговорить начальник наградного отдела. Это оказалась очень милая женщина. Поздравила меня с днем рождения, пожелала всяческих благ и спросила, сколько мне лет исполнилось в этот день. Когда я ответила, что мне 96, она сказала: «Ой, какая Вы молодец!» Она же сообщила мне, что 12 мая был подписан этот Указ. Я стала плакать. Потом, как успокоилась, я попросила, чтобы она, если может, прислала мне копию этого Указа... Просила также копию для людей, кто хлопотал, нашел в архиве в Подольске политдонесение о подвиге Наташи, написанное в тот же день, 20 ноября 1942 года, сразу же после свершения подвига. Она мне сказала: «Мы подумаем». Копию Указа

с букетом желтых хризантем, с коробкой конфет прислали через очень приятного мужчину... Спасибо Вам, Владимир Иванович, что вы дали такое задание есенинцам, а они выполнили его. Кто они: Гончаров Андрей Александрович, Козлов Иван Пименович, Малова Маргарита Ивановна, Мирра Григорьевна Ратнер, Зоя (не знаю отчества и фамилии)...»

Один из восьми экземпляров копий Указа, выполненных по просьбе Александры Леонидовны, хранится в нашем музее.

Все, кто окончил школу в семидесятые годы, изучали такой предмет как обществоведение. Там почти целая страница была посвящена подвигу Наташи. Теперь томищи узнают, что племянница Августы Миклашевской в 1932 году с матерью-актрисой жила в Томске на берегу Ушайки и стала Героем России.

Когда я только начал работать над этой главкой, 15 июля 2007 года, основательница есенинского общественного музея при Мурманской детско-юношеской библиотеке Валентина Евгеньевна Кузнецова написала мне в письме: «Что-то стало много твориться на Руси нечеловеческого. Бюст Наташи Качуевской в Измайловском парке украли на переплавку. Господи! Улицу переименовали... Бюст стащили...»

Надо бы выступить с предложением присвоить какому-нибудь переулку на Ушайке название: «Переулок Героя России Качуевской». По подобию имеющейся в Томске улицы Героев Чубаровцев. Героев СССР у нас много, а Героев России всего несколько сотен. Через район новой большой застройки Томска Ушайка тоже будет протекать. Даже переименовывать ничего не надо.

Письмо пятидесятое — от 31 мая 1997 года

«Вчера свершилось то, чему и Вы вправе радоваться... Вышло все немало суматошно. Генерал, который должен был вручить мне Звезду Героя приехал немного раньше. Некоторые запаздывали. Тут же из двух каналов приехали со своими тяжелыми аппаратами, «Юпитерами» и т.д. Может, Вам удалось увидеть по российскому каналу кусочек этого события.

...После вручения мне Наташиной Звезды генерал и кто с ним работает ушли. Остались десять человек своих. Мы и песни пели. Я еще не отошла от вчерашнего. Очень сожалею, что Вас не было с нами. Поправляйтесь... Может, и правда Вам лучше уйти на пенсию и даже оформить инвалидность...»

Удивительно, но именно в этот день, 31 мая 1997 года, я подписал заявление о согласии на сокращение, так как новая моя должность и предло-

женные мне все вакантные должности меня не устраивали. Об инвалидности не было и речи, хотя были перенесены к тому времени и инфаркт, и инсульт. И только в 1999 году я, по примеру Александры Леонидовны, в одночасье «поднялся с кресла» и начал понемногу делать свои есенинские дела. Поняв, что чувствую себя лучше, я начал выцарапываться. Так и Александру Леонидовну я никогда не видел отдыхающей днем на кровати. Однажды, возвратившись в дом во «внеурочное время», я застал ее чистящей своими больными пальцами корявую картошку из овощного магазина — ей захотелось мне сварить борщ. Обычно она картошку отваривала в мундирах и делала из нее потом что хотела.

Но прежде всего передо мной стоит пример моей любимой тещи Пилипенко Нины Владимировны, которой часто вызывали «скорую». Укол сделают, полежит полчаса, сердце чуть успокоится, и снова она на кухне. Зять прибегал с работы, плотно ужинал и, чуть отдохнув, усаживался до глубокой ночи за свои любимые есенинские дела. После ее кончины вскрытие показало, что она перенесла пять инфарктов. Вот почему эпиграфом к этой последней третьей части писем я выбрал слова К. Симонова...

Письмо пятьдесят первое — от 12 августа 1997 года

«Каждый день жду от вас письма, но напрасно. Многие из есенинцев спрашивают у меня о Вас, но я ничего нового не могу им рассказать... Еще очень переживаю, что Валентина Евгеньевна 15 августа уезжает домой. И я, и моя сестра, и брат относились к ней всегда как к родной (Миклашевская умерла на руках у В.Е. Кузнецовой — авт.). Люда Чернова со своей родственницей собирается приехать в сентябре, чтобы в начале октября быть на Есенинских чтениях. Они, может быть, остановятся у меня. Что писать о себе? Живу интересами других людей, которые посещают меня, читать совсем не могу, так как врачи-окулисты на дом не ходят, а мне нужны новые очки. Но ничего, смотрю два сериала, и это еще хорошо...»

На 95-летие ей подарили новый, современный цветной телевизор с пультом управления. Это оказался для нее самый ценный, самый необходимый подарок.

Письмо пятьдесят второе — от 12 декабря 1997 года

Впервые письмо написано и подписано рукой другого человека под диктовку Александры Леонидовны.

«...Удивляюсь, почему Вы не написали, как Вы восприняли известие о награждении Наташи «Золотой Звездой» Героя России?..

Гуляева, которая жила у меня, уже уехала. Она просится снова пожить. Сейчас у меня живет дочь моей сестры Екатерины — Вероника...

...Не пропустите документальный фильм «Я знаю, я буду жить дол-

го» режиссера Коновалова. Этот фильм занял на конкурсе документальных фильмов первое место. Его показали в Одессе 10 апреля 1996 года в день освобождения Одессы... В нем я играю роль связующего звена между Августой, Игорем, Наташей и Есениным. У меня есть кассета с его записью с экрана...»

Далее Вероника пишет от себя:

«Пишите, не бойтесь за почерк, тетке. Она скушает без теплых слов. Сейчас ничего не смотрит по телевизору и стала многое забывать...»

Письмо пятьдесят третье — от 10 января 1998 года

Написано рукой Маргариты Ивановны Маловой. Об Александре Леонидовне ни слова. Написала, как интересно отмечали 60-летие Николая Григорьевича Юсова, как познакомилась с внуком Августы Леонидовны Миклашевской, о посещении 20 декабря Константинова, что ехали туда все вместе с внуком Есенина Сергеем Владимировичем, что в Константинове был журнал «Мир женщины» — они показывали моды. А еще «они привезли с собой Людмилу Лядову — ну и позабавила! И пела, и приплясывала, и аккомпанировала».

И лишь последние три строчки написаны под диктовку больной: «Александра Леонидовна и все мы просим Вас беречь себя, чтобы поправиться и приехать. Обнимаем. М. Малова» и с трудом выведенная корявая, но все же самостоятельная роспись «Ал. Леонидовна».

Письмо последнее — от 9 марта 1998 года

Написано лично самой Александрой Леонидовной. Письмо привожу дословно.

«Дорогой наш общий друг, Владимир Иванович!

Рада была слышать Ваш голос по телефону. Ужасно трудная сейчас весна. Я переносу ее очень трудно. Хорошо, что у меня есть такие друзья, как некоторые есенинцы. Может удастся Гуляевой Тамаре Ивановне опять приехать ко мне и помочь мне перенести эту весну.

О делах есенинских я ничего написать Вам не могу. Посылаю Вам две статьи. Целиком газету не могу, там много страниц.

Следите за программой телепередач. Может, дадут фильм с таким названием «Я знаю, я буду жить долго».

Если письмо со статьями целых двух газет пропадет, то, может, Ваша дочь где-нибудь найдет эти газеты. Название газеты «Рабочая трибуна». Одна газета от 6 февраля со статьей «Мать и дочь», другая — от 25 февраля — «Наташин день». Как получите, сообщите мне.

Прошел уже не один месяц, как я никому не пишу ответы.

Передавайте мой привет всей Вашей семье. Обнимаю Вас и желаю



А.Л. Спирова в день 95-летия. Москва. 16 мая 1996 года

скорее выздоравливать. Александра Леонидовна».

Боже! Каких нечеловеческих усилий стоило ей написать 170 слов этого письма! Но она нашла их и ответила сразу, лишь услышала по телефону мое поздравление с праздником 8 Марта. В моих ушах до сих пор звучит ее обрадованный возглас: «Володя?! Это Вы?»

Через месяц, 10 апреля 1998 года, ее Большое Доброе Сердце остановилось...

Она завещала, чтобы ее похоронили рядом с дочерью. Руководство Калмыкии исполнило волю матери Героя России. В последний путь урну с прахом Спировой от Москвы до Яшкюля проводили ее племянники Александр Будзинский и Александр Самойлов с женой, а также близкие друзья покойной Тамара Гуляева и Раиса Хачиева.

Об исполнении завещания матери Наташи Качуевской поведала газета «Известия Калмыкии» от 27 апреля 1999 года.

Каждый день, просыпаясь, в свете первых лучей восходящего солнца я вижу на книжной полке ее портрет в кругу святых для меня людей.

Ее немного грустный взгляд будет следовать за мною целый день, куда бы я ни пошел. И так всегда.

Этот портрет я сделал в последние минуты нашей последней встречи с Александрой Леонидовной 16 мая 1996 года.

Надежда Давыдовна Вольпин

*Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только не любимая.*

С. Есенин. 2 июля 1925 г.

1989 год — самый насыщенный значимыми для меня событиями. И одно из них — поездка на 4-й съезд книголюбов России. О напряженной работе в эти дни говорят цифры: за шесть дней пребывания в Москве спать пришлось 21 час.

Через день после встречи у Спировой московская есенинка Маргарита Ивановна Малова организовала мне долгожданную встречу с матерью младшего сына Есенина, Надеждой Давыдовной Вольпин.

К этому времени о Надежде Вольпин я уже знал не только с чьих-то слов. В 10-м номере «Юности» за 1986 год главный редактор журнала Андрей Дементьев поместил несколько главок из ее воспоминаний «Свидание с другом», снабдив их предисловием есениноведа, профессора МГУ Виталия Александровича Вдовина.

Я знал, что иду на встречу с одной из образованнейших женщин Есенина, человеком высокой поэтической культуры и широкой эрудиции. Она в совершенстве владела немецким, английским, французским, латинским, древнегреческим и древнееврейским языками. В любой библиотеке России можно взять «Сагу о Форсайтах» Джона Голсуорси и увидеть в числе нескольких переводчиков этой многотомной книги имя Надежды Давыдовны Вольпин. Она переводила стихи Овидия и Горация, Гюго и Гете, Эдгара По и Байрона. Многие произведения зарубежных прозаиков и драматургов дошли до нас в ее переводе: Генри Фильдинг, Фенимор Купер, Вальтер Скотт, Проспер Мериме, Генрих и Томас Манны и многие другие. И тем не менее прежде всего я шел на встречу с самым близким к Есенину человеком из немногих оставшихся еще в полном здравии живых

его современников. Кроме того, я шел во всеоружии — я знал уже почти все есенинские стихи наизусть.

Заседание на съезде в этот день затянулось из-за возникших в ходе дебатов противоречий. Выбраться из лабиринтов, сплетенных охраной Белого дома, мне помог Владимир Ильич Шеметов. Страстный любитель-книголюб, он был в курсе моих регулярных вечерних отлучек. Ему тоже хотелось пойти. Но я не смог взять его с собой. Распрощались у выхода, и я, успев позвонить Маргарите Ивановне: «Освободился, еду!», бросился к метро. Быстро добрался до «Сокола», вышел на площадь Тельмана. Ориентируюсь на ходу. Улица Черняховского. Под арку. Дом 4. Подъезд подсказывает дама с твякающей болонкой. Второй этаж слева, 55-я квартира. Пару секунд отдышаться. Звоню. Дверь открывает малюсенькая старушка с множеством конопушек-веснушек на бледном, но не таком уж морщинистом лице. Целуя поданную Надеждой Давыдовной крохотную ручку, сгибаюсь, чтобы дотянуться, почти вдвое. С московским акающим бархатным голосом, появившаяся прямо из-за спины хозяйки, Маргарита Ивановна приглашает сразу же к столу. Раздевшись и помыв руки, прихватив свой пакет, прохожу в комнату. Осматриваюсь. Большая однокомнатная квартира, высокий потолок. Окно во двор — тишина. Огромный старинный диван. Высокое кресло. В книжном шкафу перед книгами — портрет Владимира Высоцкого. В углу у окна — телевизор.

Стол заставлен угощениями: салаты, вазочки с вареньем, а посередине — большое блюдо с крошечными пирожками. Маргарита Ивановна наливает чай. Надежда Давыдовна предлагает салаты, пирожки, на которые стараюсь не налегать — не ради этого я много лет ждал этой встречи!

— А вот чаю я попою с удовольствием. Чуть-чуть замерз. Пока бегал, искал ваше жилище, на улице сильно похолодало, пошел мелкий моросящий дождь, такая противная изморось.

— Знаете, «три по двадцать» — это я помню. В Москве в 20-м году 20 октября было 20 градусов мороза. Это самое холодное время у меня на памяти: 20 на 20 на 20. Вы пейте чай, пейте. Согреетесь. Вот попробуйте варенье — мое творчество: яблоки с лимонной коркой.

— Спасибо, я уже попробовал. Очень вкусно!

Воспользовавшись предложением, добавляю себе в розетку не веданного раньше шедевра кулинарного искусства.

Замечаю ее интересную манеру вести беседу: высказет мысль и затем чуть-чуть выжидательно смотрит на Маргариту Ивановну, улыбаясь одними глазами, поджав губки. Создается впечатление ожидания поддержки мысли, как бы призывая человека к беседе.

Надежда Давыдовна явно ищет тему для разговора.

— А помните,— обращаясь к Маргарите Ивановне, говорит она, —

еще когда был женский чемпионат мира по шахматам, Рубцова еще играла, будучи беременной...

— Ольгой? — встречаю я, показывая свою осведомленность в шахматных делах.

— Да, да, Ольгой.

— А вы знаете, — вдруг заговорила Малова. — Надежда Давыдовна любит играть в шахматы. Может, сыграете с нею?

— Нет, нет. Я слабый шахматист.

Позже я понял, что, отказавшись от игры, спас себя от неизбежно-го позора. Из шахматного обозрения «64» № 8 за 1990 год все любители шахмат Советского Союза узнали, что мать есенинского сына была ученицей Эмануэля Ласкера, регулярно успешно выступала как в женских, так и в мужских чемпионатах Москвы, имела ничью во встречах с Василием Смысловым, а матчевую встречу из двух партий с Давидом Бронштейном она выиграла со счетом 1,5 на 0,5 очка.

Застолье приблизилось к концу, и я решился наконец выложить свои всегдашние выручалочки — фотографии.

— Надежда Давыдовна, посмотрите, что я вам привез. Это фотографии Александра Сергеевича. Фотографировал в этом году в Ленинграде на есенинских чтениях.

Фотографий много, все крупные: мельче, чем 12×18 см нет. Есть даже портреты 30×40.

— Ой, прекрасные какие фото. Смотрите, как он динамичен! Как живо ведет себя, энергичен, — Надежда Давыдовна радостно рассматривает фото. — А это Николук Вадим из Ташкента, узнала. Вот эта женщина знакомая вроде. В очках плохо вижу. Маргарита Ивановна, пожалуйста, подайте мне лупу.

— Надежда Давыдовна, не торопитесь — рассмотрите еще. Это я все вам привез.

— А это что у вас за фотографии?

— Это я специально для клюеведов клюевские места Томска отснял прямо перед отъездом.

— Ах, да. Он ведь у вас где-то расстрелян. Читала в газете. Вы знаете, у нас говорили, что его выслали из Москвы по «Указу». В марте 1934 года вышел указ, запрещающий однополую связь. Выслали его, по-моему, 5 марта. Я еще шутила тогда, что это сделали подарок женщинам к 8 Марта.

— Нет-нет, — возражаю я. — Он у нас по 58-й статье проходил. Расстрелян как политический.

— Вы знаете, у меня есть замечательное фото Клюева, — быстро достает его. — В элегантной шляпе с красивыми подстриженными усами и бородой.

— У меня есть такая. Еще в 1983 году я напечатал 10 штук таких фото и распространил их с помощью знакомого среди стариков-старообрядцев



В.И. Николаев и Н.Д. Вольпина. Москва, 17 октября 1989 года

железнодорожной станции Тайга. Тогда распространенной была молва, что Клюев бежал из ссылки и скрывался у родственников на станции Тайга, где умер в 1941 году.

— Ну и чем закончились поиски? — живо откликнулась Вольпин. — Клюев был очень хитрый человек.

— Отыскалась одна старушка, которая указала дом, где жил некто Иван Клюев. После его смерти дочь продала дом и куда-то уехала. Попытались искать на старообрядческих кладбищах. Пока созданное в конце 1988 года общество «Мемориал» во главе с профессором Пичуриным не обнаружило в архиве КГБ «расстрельное» дело Клюева. Я поиски прекратил.

— Надежда Давыдовна, а у Александра Сергеевича кто был любимым поэтом? Стихи Есенина он любил?

— Есенина — не знаю, не замечала, а вот Мандельштама — да. Он любил его с детства. Осип Эмильевич в Ленинграде очень часто заходил к нам.

— Занимал деньги, — с сарказмом подает свой голосок Малова.

— И никогда долг не возвращал, — с безобидной улыбкой вторит ей Надежда Давыдовна. — Он катал Алека на себе верхом, ползая на коленях по комнате. Он приходил в умиление, когда на вопрос: «Ты знаешь, кто я? Скажи, как меня зовут!», Алек, многозначительно подняв палец вверх, отвечал: «Вы дядя «О!»» Любовь к Мандельштаму он сохраняет до сих пор.

— Надежда Давыдовна, а у вас есть стихи, посвященные Есенину?

— Ну, как сказать? Они все посвящены Есенину, все пронизаны им. А мой любимый есенинский стих «...Едет милая ко мне». Только датируется он неверно. Есенин читал его мне годом раньше. И еще «Вечер черные брови насопил...».

— Но ведь это стихотворение входит в цикл из семи стихотворений, посвященных Августе Миклашевской?

— Миклашевской? А кто она ему была? К тому же она любила другого. Балетмейстера Большого театра. Об этом она сама писала.

Да, еще вот: глаза у Есенина были синие, а не голубые. «Как васильки во ржи» — не знаю, откуда он это взял. Иногда взгляд теплый, и в них появлялся блеск, сияние. Волосы у него были белые, с таким отливом. Светились, как у моей сестры. Их часто сравнивали. Он знал это и сиделся напротив окна так, чтобы свет, падая ему на голову, просвечивал волосы.

— А борода у него была рыжая, — вдруг с иронической улыбкой, словно вспомнив что-то. — Иногда он ее прикрывал рукой. Как-то после суда по «Делу четырех» мы не виделись больше десяти дней. Я знала, где он, и когда выпустили — пришла за ним. Ожидала. Он вышел из соседней комнаты и, заметив вдруг меня, быстро руками закрыл щеки, — Надежда Давыдовна тыльной стороной ладони показала, как Есенин закрывался, и при этом мило улыбалась, вспомнив далекое прошлое.

Однажды был такой случай, когда мы только познакомились. Было это в компании. Подходят ребята: «О, Сергей, у тебя новая женщина. Такая прелесть!» — «Но только не в постели!..» Вот тут я его таким презренным взглядом окатила! И это не только за себя, но и за всех его женщин.

— Надежда Давыдовна, а семья большая у вас была?

— Было два брата и сестра. Старшего расстреляли в 37-м году, а младший — Миша — погиб в автокатастрофе. Шофер разбился, а его задавило этими... как их?

— Ремнями?

— Да, да, безопасности. Они прямо врезались в него. Ну, и разбился, конечно, еще. Миша был художником, работал с Маяковским в «Окнах РОСТА». Дружил с Эрдманом. Писал с него портрет.

— Скажите, а Валентин Вольпин тоже ваш родственник?

— Да, двоюродный брат.

— С ним Есенин встречался в Средней Азии. Мне ребята подарили его фотографию в старости. Он так там и жил?

— Да. Это чудовищно — жить еврею в Средней Азии. Невыносимо. Есть даже старый анекдот: «Сталин с Черчиллем решают вопрос: как строже наказать еврея? Говорят: «А ничего не надо. Просто пошлем его работать в Среднюю Азию».

Надежда Давыдовна увлеклась, говорит раскованно, от души. Маргарита Ивановна сидит, не шелохнувшись, изредка бросает на нее недоуменные взгляды. Взглянув в ответ на Малову, Надежда Давыдовна, чуть осторожнее, по-прежнему уверенным в своей правоте голосом продолжила начатую тему разговора.

— Почему-то сейчас опять стали много говорить о евреях. Помню, еще когда дело Бейлюса было. Одна девочка в гимназии сказала: «Вот все «евреи, евреи» говорят. А что они плохого сделали? Они такие же люди как все!» Так сказала, что даже передернуло от этих слов. И ничего не сказала такого, а просто: «Такие же как все люди». Но в голосе прозвучала такая искренняя боль!

— А что такое евреи? Ничего особенного! Нормальные люди! — продолжает много пережившая на своем веку старушка. — А вот жидов я ненавижу!

Весь разговор Надежда Давыдовна ведет как будто с Маргаритой Ивановной. В мою сторону не смотрит. Даже порою кажется, что не выдерживает моего внимательного, желающего запомнить каждую мелочь взгляда. Иногда глаза ее загораются, наполняясь неожиданными воспоминаниями. При этом верхняя губа чуть вздрагивает. Высказав мысль губы плотно сжимаются, а глаза продолжают светиться. Темно-серые, с чуть заметной ниточкой ресниц по краям.

— Надежда Давыдовна, скажите, за что многие считают Есенина антисемитом?

— Не знаю, но антисемитизма в нем не было. Он даже лучшего своего друга неодобрительно обозвал: «Этот русофил!» и не захотел идти к нему ночевать. После «Дела четырех» ко мне подошла одна еврейка и говорит: «Как вы можете? От него сейчас должны отвернуться все мы!» А я ей: «Вы не так его понимаете! Он объяснил мне, что его первым оскорбили. Назвал его «мужиком». Вот он и ответил оскорблением тоже. Все знают, как оскорбительно для Есенина было это слово».

— А как к вам относилась есенинская родня? С его матерью Татьяной Федоровной вы были знакомы?

— Нет! — взгляд Надежды Давыдовны становится суровым, интонация голоса — жесткой. — Она очень тяжелый человек была. Я в Константинове ни разу не была. Сейчас вот с Алеком, может, съезжу.

— А мы с ним в этом году были там. Да так удачно — журавлей встретили, — говорит Малова.

— Я знаю. Вы писали мне и фотографию еще прислали. Надежда Давыдовна, а с Константином Сергеевичем встречались?

— Да, конечно. Очень часто. И на даче у него жила один раз. Это было уже тогда, когда «взяли» Алека. Мне было очень плохо, и он пригласил меня к себе пожить и отдохнуть. И у меня он часто бывал.

С Катей я дружила. Вместе получали гонорар, что нам присудили как наследникам Есенина. А Шурка ее гонорар присваивала себе. И Райх дава-

ла вместо гонорара матери Юрия, Анне Романовне, свои обноски, а зарубежный гонорар себе присваивала. Говорила: «Мне нужнее».

— Потомки Пушкина получали гонорары после его смерти 50 лет, а вы сколько? 25?

— Вначале положено было 25, а позже, по-моему, изменили. До 15 лет, что ли? Не помню уже.

— А наследников много было?

— Вначале мать, две сестры, трое детей и последняя жена Софья Толстая. Потом, по моему предложению, дали и отцу, но только за счет доли матери. Костю усыновил Мейерхольд. Зинаида вела себя на суде безобразно. Я слышала ее не один раз в мейерхольдовских спектаклях. У нее был прекрасный голос. А здесь, еще издали, не доходя до комнаты, где работал суд, было слышно, как этот прекрасный голос испускал самую отборную брань. Особенно доставалось Толстой. Зинаида делала все, чтобы оставить ее без наследства. На суде Толстая была представлена как домохозяйка. В то время это считалось постыдным делом — не работать. «Да еще с таким именем: Толстая-Есенина!!! И домохозяйка! Неработающая! Паразитирующий элемент! На двухлетнего ребенка и на такую — одинаковые доли!» — начала она, ища поддержки у меня. А ей вдруг отвечают: «А мать не просит» — «Как не просит?» — тотчас набрасывается она и на меня. В общем, третировала она Софью Андреевну. А позже ей еще от Прокушева досталось.

— Кстати, я нынче был в музее Максимилиана Волошина в Коктебеле, и там в списках проживавших в 1924, 1926 и 1929 годах значится, что вместе со своей матерью жила Софья Андреевна Толстая-Есенина.

— Не знаю, но вполне возможно. Толстая очень переживала гибель мужа. Вот, вероятно, мать и возила ее в Крым. У Волошина жили многие. Жили семьями. Он только проверял: муж ли с женой были его отдыхающие.

— Надежда Давыдовна, — обращается к ней, все это время внимательно и удивленно слушавшая весь наш разговор Малова. — Вы смотрели недавно передачу «Добрый вечер, Москва»? Там вдруг заговорили о том, что Бениславская причастна к гибели Есенина.

— Да, да! Я тоже слышал об этой передаче. Я не верю! Не могу согласиться! Чтобы любящий человек способен был убить! Тем более женщина! Не верю!

По мере моей эмоционально нарастающей речи лицо ее суровеет, плотнее сжимаются губы, взгляд уходит в себя.

— Галина была на все способна!

Слова Надежды Давыдовны звучат жестко, уверенно, не терпят иного мнения. Чувствуется, что вопрос для нее не был неожиданным, и в то же время в таком ракурсе ей впервые приходится его рассматривать. По глазам заметно, что ее мозг работает напряженно, мысли уходят в да-

легкое прошлое. Я сам, удерживая возникший контакт между нами, превращаюсь в сгусток эмоциональной энергии.

И вдруг слышу неожиданное вне связи с вопросом.

— Вы знаете, ведь она стреляла в себя три раза и умерла не сразу... Я вот недавно смотрела передачу о Маяковском. Там ведь тоже два выстрела было.

Смысл ответа на мой вопрос и дополнения к нему (зачем оно здесь?) надолго оставались непонятными мне.

— Однажды, — продолжает Надежда Давыдовна, — это было во время «дела четырех» — Есенина искали (он сидел 10 суток). Приходит ко мне Галина с подругой: «Скажите, что с ним? Может, ему нужна моя помощь? Скажите, я могу» — «Да нет-нет, не надо».

Я-то знала, в чем дело: что нет ничего страшного, что ничья помощь не нужна. А у нее, значит, были связи с органами, которые могли помочь. Галя была очень революционна и решительна — так, что ли, сказать?.. Хотя, в общем — не тот человек.

Молчим. Тогда еще не было известно о связях Бениславской с Лубянской. И эти слова Вольпин действовали на меня, как холодная вода из ушата.

— Я недавно нашел сборничек «Белые ночи», — пытаюсь смягчить и перевести разговор о Бениславской в другое русло, говорю я. — Там есть фото: она с Эрлихом и Катей в январе 1926 года. Там есть ее письма к Эрлиху, даже еще при жизни Есенина. Так вот, в меня вкралась мысль: не любила ли она Эрлиха?

— Эрлиха? Нет, нет, — говорит Вольпин слегка удивленно. Затем, немного подумав, с легкой улыбкой в чуть поджатые губы: — А вот сына Троцкого — да! — и, бегло взглянув на притихшую Маргариту Ивановну, спокойно завершает ошарашивающую информацию: — Только вот когда? До или после смерти Есенина?

Это была кульминация разговора. Я, устав, выключился из него. Едва улавливаю, о чем говорят женщины.

Малова:

— Хлысталов нашел где-то в архиве КГБ дело Эрлиха. Казаков в Челябинске собирается издать имажинистов в семи томах. Будет там и Эрлих.

Вольпин:

— Это Алексей-то? Молодец какой! Да, много еще неизвестного. Знаете, когда в Ленинграде разогнали «Союз поэтов», возникло много групп. Вот и мы, ленинградские имажинисты, объединились в группу. И возглавлял нас, знаете, кто? Сологуб.

А это уже интересно! Чуть отдохнув, я с вниманием возвращаюсь к работе.

— Надежда Давыдовна! У меня о ленинградских имажинистах какое-то незнание. Там у вас и страшные личности были...

— Да, Ричиотти был страшный. Или, как бы сказать... тяжелый был человек. Моряк. А Эрлих — это был поэт, талантливый, очень маленький ростом. У него, кроме «Право на песнь», еще поэма вышла. Не читали? А у вас «Права на песнь» нет? Я не читала. Хочу прочитать.

— Как! Вы ее не читали?! — от неожиданности я опешил. — Нет, вернее, есть в двухтомнике воспоминаний о Есенине. Только в сокращении!

Надежда Давыдовна задумалась. Затем тихо, почти шепотом говорит:

— Версии... Версии... Версии...

— Вот я и говорю Хлысталову: зачем без оснований кого-то обвинять в убийстве Есенина? Достаточно доказать, что это не самоубийство, снять это пятно с великого поэта. Ведь сейчас не докажешь, кто убийца. Без судебного разбирательства «за уши притянуть» кого угодно можно.

— Вы знаете, а я ведь в петле в детстве побывала. Старший брат играл со мной в японскую войну. Мне тогда не было и пяти лет. Поймал меня как японскую шпионку и решил повесить. Поставил меня на табуретку, привязал петлю к спинке кровати и выбил табуретку из-под ног. На шум прибежали родители и спасли меня. Так что я не понаслышке знаю, что это такое.

— Знаете, — пытаюсь не упустить тему разговора о гибели Есенина, — Константин Сергеевич не верил, что отец ушел из жизни самостоятельно. После бесед с ним у меня возникла идея — с помощью начертательной геометрии поискать доказательства, что травмы, которые обнаружили на теле Есенина утром 28 декабря, рукотворные. Вы ведь на мехмате учились — понимаете, о чем я говорю: вычертить все прямо на фотографии. Показал Татьяне Петровне Флор — она обещала рассказать об этом на комиссии по расследованию обстоятельств смерти Есенина.

— Знаете, — откликнулась Надежда Давыдовна на мою мысль, — что я вам посоветую при этом? Как математик математику — обратите внимание на канделябр, который валяется на полу перед столом на фотографии Наппельбаума.

Что это? Новое откровение современницы события! События, случившегося с близким ей человеком!

— Надежда Давыдовна, а вот посмотрите, — быстро достаю из сумки фотографию. — Это «Англетер». Вот и вот. Посмотрите.

— Как?! — от неожиданности воскликнула она. — Вы засняли?

— Да, да. Смотрите — вот отлично видно на щите, кто сломал «Англетер», даже с фамилиями и номерами телефонов. Это они сорвали возможность проведения следственного эксперимента. Заказчик — «Интурист» — им все, как говорится, «до фонаря», лишь бы деньги делать. А генподрядчик — Главленстрой и проектанты — ЛенНИИпроект — просто без капли национального самосознания, обычные наши бездумные организации.

А уж субподрядчикам — финской фирме — и подавно ничего не стоило на-
править бульдозер прямо на живую цепочку ленинградских патриотов, ко-
торые, взявшись за руки, плотным кольцом несколько дней защищали от
сноса нашу святыню. Все это было сделано с ведома Ленсовета.

Вольпин, усталая, но довольная, неподвижно сидела в кресле. Видно
давно не приходилось ей беседовать не с профаном о Есенине и его окру-
жении.

— Надежда Давыдовна, разрешите вас сфотографировать?

Она не возражала, и я, достав свой видевший виды «Зенит», заво-
зился с подготовкой к съемке.

— Только фотографии пришлите, — предупредила Малова. — Надеж-
да Давыдовна очень любит смотреть фотографии. Особенно ей нравятся
снимки харьковского есенинца Дмитрия Кирилишина.

— Ну все. Я вас замучил совсем — уже около четырех часов сижу у
вас. Пора и честь знать.

— Нет, нет, ничего особенного. Я — сова и раньше двух спать не ло-
жусь. Знаете, я хочу сделать вам приятное. В нижней части дивана ящик.
Открывайте его. Смотрите — он тяжелый. Маргарита Ивановна, помоги-
те ему. А теперь смотрите — в ближнем правом углу две стопки голубень-
ких журналов: 3-й и 4-й номера «Звезды Востока». Подайте мне оба жур-
нала — я подпишу вам. В них есть еще и моя правка. Пишет: «Владими-
ру Ивановичу Николаеву — в память содержательной беседы Н. Вольпин
Москва 17-X-89».

— Большое спасибо! У меня такой журнал уже есть. Я этот, с автогра-
фом и правкой, оставлю себе, а вам верну свой. А Александра Сергеевича у
вас есть книги?

— Вот подальше стопка. Там его статья есть.

— Нашел. Вот — «АН СССР. Логические исследования. Москва. 1959 г.»

Надежда Давыдовна подписывает мне и ее. Задвинув ящик, быстро
начинаю складывать сумку.

— Да, чуть не забыл. Можно еще вопрос? С Айседорой вы встреча-
лись?

— Да, конечно! — Вольпин вновь оживилась. — Дункан ведь приез-
жала в Россию и раньше. Потом она однажды приглашала меня к себе.
А один раз я видела ее на концерте в Большом театре.

— Это не тогда, когда видел ее Ленин?

— Это было сразу после того, как они познакомились, — бросив на
меня быстрый недовольный взгляд, так же увлеченно продолжает На-
дежда Давыдовна. — Есенин пригласил меня на ее спектакль — показать.
Она была вот в такой коротенькой юбочке, вот до этих пор (показыва-
ет). До самых стыдностей. Да еще разрезанной вот так, сбоку. И на груди

почти так же: одна повязана, а вторая совершенно обнажена. Огромная, и еще вот так, почти до этих пор спускается. И ноги голые. Прямо видно: все вены в узлах. Смотреть неприятно. Хорошо, что я сидела в трети яруса.

В антракте Есенин подошел ко мне:

— Ну, как?

Я сказала:

— Зрелище не для дальновзорких!

Он как-то неопределенно и грустно хмыкнул, чуть наклонил голову, повернулся, ничего не сказал и ушел.

— Все, опоздаю на метро. Спасибо вам, Надежда Давыдовна, за все! Побежал!

Одеваясь, у двери поворачиваюсь. Вольпин сидит в кресле неподвижно, подперев щеку ладонью, поджав ноги. Сжавшись, она кажется маленьким комочком. Хочется сделать или сказать ей на прощание что-нибудь доброе, хорошее.

— Надежда Давыдовна, когда буду рассказывать людям в есенинских лекциях и беседах о вас, буду говорить: «Она такая крохотулечка!» Вас, наверно, Есенин на руках носил?

— Нет, он меня швырял. Так, — показывает. — С руки на руку!

— А рост у вас сколько?

— 157. Раньше был. А сейчас...

— Разрешите еще одну просьбу — поцеловать вас?

— Пожалуйста! — устало, но чуть жеманно подставляет она щечку.

— И еще буду говорить: «Я целовал женщину, которую целовал Есенин!»

В метро я успеваю вскочить перед самым закрытием — без десяти час.

Р. С.: В номер гостиницы я вошел чуть дыша, разделся и на цыпочках прошел к своей кровати. Включил свою брашну. Профессор Иванов, похрапывая, спал на своем месте. Накинув полотенце на бра, я сделал так, чтобы свет ему не мешал, и сел на кровать поближе к тумбочке. Еще в поезде метро я начал набрасывать на последних свободных страницах записной книжки краткие пометки: о чем и что говорили у Вольпин. В гостинице продолжил эти наброски, пока не вспомнил все. Затем пронумеровал их в той очередности, как шел разговор, и стал последовательно записывать события. К концу ночи Борис Васильевич заворочался. На часах было без четверти шесть. Я решил минут десять вздремнуть. Включив чуть-чуть радио, чтобы проснуться, как заиграют гимн, я, откинув плечи и голову на стенку, сразу же уснул. Когда заговорило радио, я проснулся. В номере было темно. Оказывается, наш шеф опреде-

лил по храпу (а храпеть я в те годы умел отменно!), что я заснул основательно, и осторожно свет выключил. Я зажег бра вновь и продолжил работать. В 8 утра он поднялся, привел себя в порядок и позвал меня в ресторан завтракать. Я извинился за причиненные ночью беспокойства, сказал, что завтракать не пойду, и продолжил писать.

В начале десятого в номер вошел Владимир Ильич Шеметов, принес булочку с маслом и... откупоренную бутылочку пива «Двойное золотое дно». При этом сказал, что последний автобус отправляется через полчаса. В 9:30 я умытый, побритый, подкормленный и «подпитый» сидел в «Икарусе», который еще ожидал некоторых проспавших делегатов.

Вот таким образом была добыта и сохранена эта бесценная информация, позволившая сегодня написать эту главку.



Мемориальная доска на новом здании «Англетера». Санкт-Петербург. Март 2003 года. На фото Алеша Литвинов, внук В.И. Николаева

Татьяна Сергеевна Есенина

*Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.*
Сергей Есенин.
«Голубая да веселая страна».
1925 г.

Посвящение стихотворения Есенина с припиской к своей дочери — было! Это последнее стихотворение в цикле «Персидских мотивов» Есенин посвятил шестилетней дочери главного редактора газеты «Бакинский рабочий» Петра Ивановича Чагина — Розе (или Гелии Николаевне — такое имя девочка придумала себе сама).

В личном архиве Татьяны Сергеевны Есениной хранился автограф стихотворения отца «Голубая да веселая страна» с посвящением «Гелии Николаевне» и с припиской: «Гелия Николаевна! Это слишком дорого. Когда увидите мою дочь, передайте ей. С.Е.» Дата: 8.IV.1925.

Это послание Есенина только в 1988 году — через шестьдесят три года — дошло до его дочери. Через две трети века! Обидно, не правда ли? А Роза Чагина и Таня Есенина так никогда и не встретились...

Козловский сомневается

В 1995 году вышел долгожданный первый том Полного собрания сочинений Сергея Есенина. 29 сентября в ИМЛИ им. А.М. Горького состоялась его презентация, завершившаяся грандиозным фуршетом. Руководитель Есенинской группы ИМЛИ Юрий Львович Прокушев второго октября, при открытии памятника Есенину на Тверском бульваре, возложил этот томик на пьедестал памятника прямо к ногам великого поэта. Молча и совсем незаметно вместе со всеми радовался этому событию Алексей Алексеевич Козловский, который готовил текст и комментарии первого тома.

Только сейчас, работая над этой главкой и перечитывая (в который раз?) комментарии к стихам «Персидских мотивов», я обнаружил, что из двух сохранившихся автографов стихотворения «Голубая да веселая страна» составитель первого тома выбрал второй, хранящийся в ЦГА-ЛИ, т.е. без какого-либо посвящения. При этом его пояснения к своим

выводам кажутся нелепыми, а такие как: «Есенин при составлении своего трехтомника на экземпляре, хранящемся в ЦГАЛИ, с авторской пометой: «Конец персидских мотивов» и «запись даты: «8/IV-25» вызывает сомнения: не должно ли вместо «IV» стоять «VIII» — выглядит просто смешно.

Так сомневался ли Алексей Алексеевич, когда выбирал вариант автографа стихотворения «Голубая да веселая страна» без автографа с посвящением Есенина и его припиской — посланием своей дочери?

Воронский свидетельствует

Узнав о вынесении приговора к расстрелу своего друга, поэта Алексея Ганина, Есенин срочно 27 марта выезжает в Баку (очевидно, надеясь на проявляемую заботу о нем Кирова). В Баку Есенина поселяют на загородной даче Чагиных. Вослед ему в Баку срочно выезжает главный редактор журнала «Красная новь» Александр Воронский. Вот что пишет он в своих воспоминаниях: «Ранней весной 1925 года в Баку... Я вошел в соседнюю комнату и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей (Ганина расстреляли 30 марта — авт.), ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались лишь одни стихи. Я все отдал им, понимаешь, все. Вон церковь, село, даль, поля, лес. И это отступилось от меня.

Он плакал больше часа.

«Пусть вся жизнь моя за песню продана», — это из его последних стихов».

Три попытки

1983 год. Вынужденная посадка (первая попытка)

В августе 1983 года мы с женой отправились в отпуск по туристической путевке на озеро Иссык-Куль. Маршрут начинался в городе Ош. Затем через перевал автобусом до Челпон-Аты. Ночевка. Еще переезд до поселка Ананьева. Двухнедельная остановка. Жизнь в палаточном городке с радикальными походами в Пржевальск, к подножию пика Победы, в Семеновское ущелье. Купались, загорали.

Решаем воспользоваться случаем, чтобы залететь в Ташкент и встретиться с Татьяной Сергеевной Есениной. На собрании группы перед выездом в Ош предупредили, что мы присоединимся ко всем в Челпон-Ате. Они поеха-

ли без нас, а мы через два дня на Ан-24 по маршруту Томск-Семипалатинск-Балхаш вылетели в Ташкент. А наутро следующего дня рассчитывали пересечь на рейс Ташкент — Челпон-Ата. Брони на пересадку у нас не было.

Нынешнее поколение не имеет ни малейшего представления, что значило в те времена купить или забронировать билет на поезд или самолет. Помнят об этом многие родители нынешних школьников, не расстающихся даже по ночам со своими «мобильниками». Они помнят, как всего 25-30 лет назад они предварительно за несколько дней, сделав заказ на определенный день и определенное время, ночью шли (в ночное время почты были менее перегружены, слышимость была лучше) пешком через весь город на переговорный пункт и там еще ждали иногда больше положенного часа, пока не раздавался голос: «Кто заказывал Томск? Пройдите в седьмую кабину». (Я предупреждал, что без лирических отступлений не смогу обойтись...)

В шесть утра мы вылетели из Томска. Через восемь часов, т.е. в 14:00, а по — местному в 12:00, должны были прилететь в Ташкент. Времени навесить Татьяну Сергеевну, мы посчитали, было вполне достаточно.

Но... как говорят у нас в народе: «Человек предполагает, а Бог располагает». Едва взлетели, как стюардесса объявила: «Извините за некоторые возникшие вынужденные неудобства. Наш самолет сейчас сделает посадку в аэропорту Толмачево на заправку». Оказывается, лозунг «Экономика должна быть экономной» внедрен был уже не только на производстве, но и в авиации. Керосин для самолетов привозили в хранилище самого крупного по тем временам и самого совершенного аэропорта, расположенного в центре Сибири, и все воздушные суда дальнего следования, вылетающие или пролетающие в зоне Новосибирска, заправлялись в толмачевском аэропорту.

Это «вынужденное неудобство» обошлось нам почти в три часа потери времени. В Ташкенте я только поднес чемодан к камере хранения и, оставив жену в очереди, поймал такси. Получив мое согласие отключить счетчик, таксист мигом домчал меня к музею Сергея Есенина. Дверь оказалась закрытой. На уровне глаз, прямо над дверной ручкой белела записка: «Владимир Иванович! Вас не дождался. Извините! Буду около шести вечера. Зинин».

О встрече в музее с Сергеем Ивановичем Зининым, одним из основателей ташкентского музея Сергея Есенина, я договорился заранее в письме.

Жду. Сергей Иванович подъехал в начале седьмого на стареньком «Запорожце» — «букашке». На багажнике аккуратной стопкой, переложенные газетами, лежали немалых размеров обклеенные белым ватманом фанерные щиты.

Поздоровавшись, Сергей Иванович поинтересовался, как долетели, удивился причине вынужденной задержки и стал быстро отвязывать содержимое багажника, говоря при этом:

— Я ждал вас более часа и уехал. Сегодня состоялось закрытие выставки моего собрания экслибриса. Экспонаты в выставочном зале оставлять больше нельзя. За сохранность их никто теперь уже не отвечает. Там осталось еще на один рейс. Сторожит остатки мой сын. Поедете со мной? Втроем мы быстро управимся. Здесь недалеко.

— Поехали! Я с удовольствием.

Действительно, в восемь часов мы перевезли, разгрузили и все занесли в помещение, и я ходил по музею, все рассматривал.

Сергей Иванович, сбегав помыть руки, довольный, воскликнул:

— Все! Поехали!

— Вы знаете, Сергей Иванович, я все продумал и решил — поздно уже ехать. Если бы это был мужчина, я бы, не задумываясь ни на минуту, ринулся на долгожданную встречу, объяснился, он бы все понял.

— А Татьяна Сергеевна тоже поймет. Она умная и добрая.

— Нет, она ЖЕНЩИНА. И я не смогу быть нахалом. Не получилось — значит, так нужно. Встретимся в следующий раз. В ней живут гены Титовых и Райх: мать Сергея Есенина, Татьяна Федоровна, прожила 80 лет, дед Федор Андреевич — 82 года, другой дед, Райх Николай Августович, — тоже 80 лет. Будем надеяться, что гены поработают, и она проживет не меньше своих предков. Сергей Иванович, лучше покажите свое детище — музей.

Нет худа без добра. Часа два водил меня гостеприимный хозяин по музею, позволил даже посидеть на венском стуле, на котором сидел Есенин (он приезжал в мае 1921 года в гости к своему другу Александру Ширяевцу в Ташкент), показал и только что перевезенную в музей выставку своего собрания экслибриса, напоил чаем.

Было уже почти десять вечера, и я заторопился в аэропорт — ведь там дожидалась жена. Она относилась и относится сейчас бесконечно терпимо ко всем моим есенинским «похождениям». Но и ее терпение могло лопнуть. За всю нашу почти тридцатилетнюю жизнь, прожитую в условиях моего не знающего границ увлечения Есениным — ни временных, ни материальных, ни душевных, она один раз, лет пятнадцать назад, все же сорвалась, бросив упрек: «Со своим Есениным ты мне всю жизнь испортил!»

Сергей Иванович поинтересовался, во сколько мы полетим дальше, и предложил переночевать у них. Самолет на Челпон-Агу вылетал в семь утра. Но я попросил еще об одном: если нетрудно — отвезти меня в аэропорт. В одиннадцать вечера «важная томская персона» была доставлена к месту назначения.

Жена смогла заранее захватить место, разложив ручную кладь: сумку, болоньевые накидки, снятую с ног обувь на треть скамьи, стоящей на центральной аллее ближе всех ко входу в вокзал, прямо под фонарем. Сама она сидела, поджав под себя босые ноги, и почитывала газе-

ту. В сумке меня ожидали завернутые во что-то любимые пирожки с ливером и купленная прямо из холодильника бутылочка еще холодной пепси-колы.

Ночь мы провели отлично. Спали по очереди, удобно расположившись в ложбине скамьи и положив голову на колени супруга. Июльская жара спала, с гор приятно потянуло прохладой.

Первым дежурил я. Откинув голову на выпуклый овал скамьи (спина при этом также удобно располагалась в вогнутой части сидения), я блаженно отдыхал, наслаждался легким ветерком, вспоминал события прожитого дня.

В те годы почему-то горные аэропорты по ночам не работали. Редкие прохожие проходили по аллее. Все спало. Задремал и я. И вдруг почувствовал какое-то движение справа от своей щеки. Не шевельнув головой, я скосил глаза и увидел светящиеся от фонаря глазенки...крысы. Не дрогнув, я внимательно смотрел в глаза своей покровительницы (я родился в год Крысы). Она, стоя примерно в тридцати сантиметрах от моих глаз, также выдержала свой взгляд. Поворачивая незаметно голову, я наблюдал за ней, она продолжала смотреть на меня...

На юге летом рано темнеет, зато еще раньше, чем у нас в Томске, приходит утро. В пять часов я уже стал первым в очереди на регистрацию (брони-то на этот рейс у нас не было!). К счастью, было воскресенье, и большинство горожан отдыхало на дачах.

В Челпон-Ату поспели вовремя. Отоваренная сухим пайком еще в Оше, наша группа готовилась к обеду. «Пазик» томичей стоял на турбазе, прямо возле столиков. Здесь же киргиз жарил и продавал тающие прямо во рту шашлыки из курдючной овцы по 15 копеек за шампур. Здесь же продавали красное виноградное некрепленое вино. И никого даже не смущало, что бутылки были закрыты самодельными тугоскатанными бумажными пробками.

«Воссоединившись» с группой, мы, почти не отдохнув, покатили дальше.

Из открытых с правой стороны автобуса окон вырывался разногласный орущий хор: «Друга в горы возьми, рискни...» Нас несколько не огорчало, что главная цель поездки, задуманная еще в прошлом году, сорвалась.

*Как молоды мы были,
Как искренно любили,
Как верили в себя!*

Немного о Татьяне Есениной

Таня родилась 11 июня 1918 года в Орле в доме Райхов — родителей матери: Николая Августовича, паровозного машиниста, обрусевшего немецкого еврея, и Анны Ивановны, вышедшей из потомственного дворянского рода Евреиновых. Жили они в доме родной сестры Анны Ивановны — Варвары.

При крещении имя ей дали по матери Есенина. Крестным отцом у Тани стал друг отца поэт Владимир Чернявский. Первые четыре года ее детства прошли в Орле.

Татьяну рано стали обучать иностранным языкам. В результате она в совершенстве знала французский, хорошо владела немецким и английским. Училась в балетной школе Большого театра, увлеклась хореографией, подтанцовывала в спектаклях Большого театра. Вместе с братом Костей училась в музыкальной школе при институте Гнесиных.

Увлекалась шахматами. Уже в зрелом возрасте стала чемпионкой Узбекистана по шахматам среди женщин.

В 1937 году после окончания школы Татьяна Есенина поступила в МГУ на мехмат, но в 1939 году оставила учебу в связи с рождением ребенка. И только в начале пятидесятых годов смогла продолжить образование, поступив на редакторское отделение Московского заочного полиграфического института.

Замуж она вышла в 1937 году за мастера московского завода «Подъемник» Владимира Ивановича Кутузова. В 1938 году у них родился сын Володя.

Беды обрушились на их семью в 1937 году. Вначале были арестованы Татьянин муж и его родной брат. К счастью, Владимира Ивановича вскоре выпустили, а его брат навеки исчез в застенках ГУЛАГа. В 1939 году был арестован Мейерхольд, а менее чем через месяц после его ареста у себя на квартире была зверски убита Зинаида Николаевна Райх. Воспользовавшись медлительностью энкавэдэшников, жившая в эти дни на даче в Балашихе, Татьяна успела надежно спрятать архив Мейерхольда.

1941 год. Война. Вместе с заводом эвакуируется в Ташкент и В.И. Кутузов с семьей.

Там в начале войны и встретался с нею будущий северчанин Алексей Иванович Романцев (см. часть I, гл. 4).

В конце войны друзья помогли ей, дав возможность неофициально подрабатывать в редакции газеты «Звезда Востока». Это было началом ее журналистской деятельности. Много лет Татьяна Сергеевна проработала в Телеграфном агентстве Узбекистана (УзТАГ).

В анкете были сведения о ее принадлежности к семье «врага народа»,

поэтому официально на постоянную работу в редакцию ее не принимали. И все же в Ташкенте нашлись ответственные люди, под чье особое поручительство ее зачислили в штат отдела ФАН («НАУКА») УзТАГа еще долго до XX съезда партии.

Почти 20 лет проработал фотокорреспондентом в УзТАГе северчанин Владимир Казанцев, выпускник 1959 года ФТФ ТПИ, бывший работник химико-металлургического завода СХК. Он часто встречался с дочерью Есенина, много фотографировал ее, в том числе в ташкентском музее Есенина. Как фоторепортер УзТАГа, эти снимки он помещал в республиканской и союзной прессе. В этом же качестве он сделал снимки для проспекта музея Сергея Есенина в Ташкенте. После распада Советского Союза Владимир Анатольевич возвратился в Томск, где и живет в настоящее время, работает в ИТАР-ТАСС.

26 ноября 2000 года он вместе с женой был на открытии Северского общественного литературного музея С. Есенина. Николай Васильевич Обыденкин в своей книге «Россия поклоняется Есенину» поместил его фото, снятое во время открытия нашего музея.

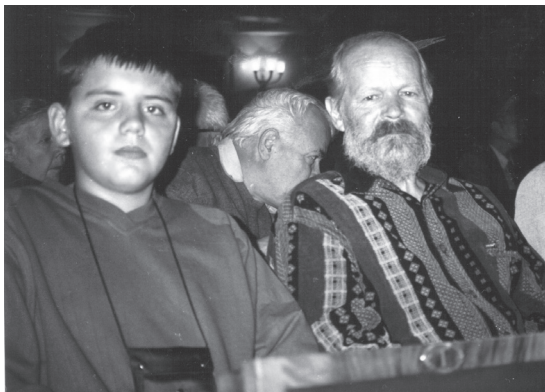
Татьяна Сергеевна Есенина проявила себя и как писатель. В конце пятидесятых годов она написала книгу «Женя — чудо XX века». Три года ее никто не хотел издавать. И только лишь при настоятельной поддержке К. Симонова и А. Твардовского в первом номере журнала «Новый мир» за 1962 год она увидела свет. В этот же год повесть была опубликована Госиздатом Уз. ССР.

В 1975 году в книге «Есенин и современность» она опубликовала воспоминания о своей матери. В 1991 году



Т.С. Есенина. Ташкент.
Семидесятые годы.

московский журнал «Согласие» в четвертом номере начал публиковать ее мемуары. В первом и втором номерах своей газеты «Мир Есенина» 1992 года ташкентский есенинский музей опубликовал ее воспоминания «Слово об отце». Это было ее последнее печатное слово. Татьяна Сергеевна последние годы сильно болела,



А.С. Литвинов (Северск), С.В. Есенин. Москва,
4 октября 2000 года

но все же упорно продолжала писать свои воспоминания. А мы все терпеливо ожидали журналов «Согласие» с публикацией их продолжения. Не случилось...

Живший в то время в Ташкенте ее второй сын Сергей перевез эти рукописи и весь личный архив матери после ее смерти к себе на квартиру. Вскоре в его квартире случился пожар (случайно ли?). В огне погибло все.

В 1985 году Союз писателей Узбекистана в Доме офицеров в Ташкенте провел вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Есенина. Татьяне Сергеевне вручили юбилейную есенинскую медаль. На вечере звучали стихи Есенина как на русском, так и в переводе на узбекский язык. На первом канале во «Времени» показали фрагменты с этого вечера. Так впервые (и единственный раз!) телезрители Советского Союза увидели дочь Сергея Есенина.

Татьяна Сергеевна много помогала ташкентскому музею Сергея Есенина. Передала в дар многие предметы из своего архива, в том числе машинописный текст рукописи своих воспоминаний о матери 1975 года. Встречалась с посетителями музея. Постоянно делилась с активом музея новостями, полученными в письмах от своих родственников и знакомых, от есениноведов.

Татьяна Сергеевна родила троих детей: Владимира (1938 г. р.), Сергея (1942 г. р.), Марию (1946 г. р. — умерла в 1948 г.). У нее трое внуков: у Владимира — сын Володя, у Сергея — дочери Зина и Аня. Род Есенина продолжают внуки его дочери: Данила, Сергей, Дарья и, возможно, новые, еще не известные пока автору потомки великого поэта.

1987 год. Снова неудача (вторая попытка)

Не повторяй ошибок прошлого! На этот раз все было не только спланировано заранее, но и самым тщательным образом подготовлено.

Будучи в то время и.о. председателя Добровольного общества любителей книги Томска-7, я решил воспользоваться своим общественным положением и упрямил ответственного секретаря Томского областного общества установить связь с руководством книголюбов Узбекской ССР. Вскоре по телефону через ответственного секретаря ДОЛК Узбекистана Анну Ивановну Карасеву мы получили приглашение руководителя ташкентского музея Сергея Есенина Вадима Николюка остановиться пожить у него четверо суток. В свою очередь мы сообщили ему цель визита в Ташкент, дату вылета и номер рейса.

9 октября вылетаем. Только выехали за город, сразу же попали в молочное облако тумана. В аэропорту просидели более семи часов. Но мы спокойны — запас времени гарантирует успешное осуществление давнишней мечты, даже если надо будет по какой-то причине пересесть на поезд.

В Ташкент прилетели лишь в половине девятого вечера по местному времени. Было уже темно и холодно. Все такси оказались занятыми, телефонные автоматы в аэропорту и его окрестностях, а также в районе троллейбусной остановки, не работали. Пришлось бежать звонить в стоящую неподалеку гостиницу.

— Вадим узнал по телефону, когда прибывает самолет из Томска, и уехал вас встречать, — вежливо ответил мне в трубку приятный женский голос. — Вы узнаете его: высокий, стройный, с бородкой, одет в черную куртку с белыми полосками, в берете, в руке — газета.

Бегу назад, к остановке. Дождь усилился. Еще издали, почти рядом с женой, увидел человека, точно соответствующего названным приметам.

— Здравствуйте, Вадим Викторович! Извините, вы промокли совсем. Знакомьтесь, это моя супруга Людмила Герасимовна.

— Очень приятно. Здравствуйте! Ближе познакомимся в пути. Быстро в машину!

Такси с включенным счетчиком ожидало нас почти рядом с остановкой. Дома у Николюка нас встретила его молодая жена Ирина. Еще не спали и их дети — две девочки: одна примерно годовалая, другая — лет четырех. Ира быстро накрыла на стол.

Спать нас уложили на большой застекленной лоджии.

10 октября. Проснулся рано. Свет от уличного фонаря освещал еще погруженное в утренний полумрак помещение лоджии. Осмотрелся. Прямо над кроватью висела картина: внизу желтеет земля — угадывается песок, голубое небо, в правой верхней четверти, как у Иванова, идет в длин-

ных, до земли, одеждах святой — над головой ореол нимба. Лица не видно. Что это? Христос уходит от людей!!!

Под впечатлением увиденного, пролежал я до пробуждения хозяев. Утром, за завтраком, поделился своими мыслями о картине.

— Это гениально! Такого еще ни у кого из художников не было. А ведь так и есть — Бог отвернулся от нас!

Вадим усмехнулся и снова проводил меня на лоджию. «Христос в пустыне» — так назвал свое творение автор Вадим Николюк. На картине свет падал сверху сзади с левой стороны. При дневном освещении лицо Божье просматривалось.

Он медленно двигался к нам!

После завтрака традиционно вместе с женой сбегали на рынок за продуктами. Весь остаток дня ушел на знакомства с по-восточному гостеприимными ташкентцами, на поселение на все время проживания в Ташкенте, на знакомство с сотрудниками есенинского музея, который в 1985 году, к ранее присвоенному статусу «государственный музей», получил звание «народного».

Там же главная хранительница музея Альбина Витольдовна Маркевич взялась мне помочь встретиться с Татьяной Сергеевной Есениной. Условились, что она завтра же утром съездит к ней домой и договорится, где, когда и во сколько из этих оставшихся трех дней она сможет выкроить время на это долгожданное свидание. Альбину Витольдовну еще я попросил купить перед поездкой большой букет самых красивых свежесрезанных роз — она лучше знает, где в Ташкенте эти розы купить. Финансируя покупку, я попросил ее денег на цветы не жалеть.

Из музея возвратились на Муминова, дом 1/9, к Галине Ивановне, матери Вадима. Там нас ожидала близкая знакомая семьи Николюков Розалия Исааковна Ходос, которая повела нас к себе на квартиру. Предоставив нам в полное распоряжение однокомнатную квартиру, она ушла. Менее чем через час возвратилась. В сумке она принесла укутанную в большое полотенце немалую кастрюльку с мантами, сдобренными острыми приправами.

Такое восточное гостеприимство в Ташкенте нас встречало на каждом шагу.

11 октября. Важнейший день моей жизни. День встречи, которую я терпеливо ждал почти пять лет.

С утра пораньше я сбегал в магазин за продуктами. Вскоре Розалия Ходос принесла опять что-то восточное. Женщины защебетали на кухне. Я же превратился весь в комок ожидания. Ничего не видел и не слышал. На душе было беспокойно, чувствовалось, что-то сделано не так.

Около одиннадцати приехала Альбина Витольдовна. Не торопясь, сняла плащ и шляпку. Я спокойно поухаживал за ней, она что-то безза-

ботно лепетала, затем прошла к женщинам на кухню. Сердце оборвалось. Все стало ясно. Внешне кажущееся спокойным поведение Маркевич выдало ее с головой. Я возвратился в комнату. Через несколько минут вошла Альбина Витольдовна, присела на диван и сдержанно, медленно, с ласковой улыбкой заговорила:

— Татьяна Сергеевна приняла меня очень хорошо. Приняла с благодарностью привет от вас и цветы, удивилась, что и в Томске знают и помнят, что где-то в Ташкенте живет дочь Есенина. Но она сейчас нездорова, плохо себя чувствует и встретиться с вами не сможет. Она просила извинения за это. Томичам просила передать большой привет.

И хотя к этому ответу предчувствие меня уже подготовило, он все же отозвался чудовищной болью в висках. Причины неудачи были уже давно ясны — нельзя передоверять ответственное дело никому! Только лично я сам с запредельной искренностью смог бы передать Татьяне Сергеевне свое желание встретиться с нею, убедить ее, что эта встреча имела бы взаимный интерес, что у меня есть много интересной для нее информации.

Дождавшись, пока уйдут женщины, посоветовавшись с женой, я уехал в городские кассы аэрофлота перебронировать билет на сегодняшний вечерний рейс. Но — увы! — на пять ближайших дней мест не было. Дома жена мне сказала, что звонила Галина Ивановна, спрашивала, о чем договаривалась Маркевич. Очень огорчилась, узнав результат. Расстроилась, что я уехал в аэропорт с намерением улететь из Ташкента сегодня. Вскоре она позвонила вновь, выразила сочувствие в связи с неудачей, обрадовалась, что досрочно улететь мы не сможем. Телефонный разговор она закончила фразой:

— Вы не пожалеете, если останетесь у нас еще на пару дней, как и планировали.

Сразу же после звонка приехал Вадим. Обедали мы уже с Галиной Ивановной в ее огромной старинной квартире.

У каждой медали есть оборотная сторона. Зачастую она тоже насыщена интересной информацией.

Оказывается, родители Вадима, Галина Ивановна Алексеева и Виктор Федорович Николюк, давно знакомы с Татьяной Есениной. В начале пятидесятых годов молодая еще журналистка по заданию главного редактора газеты «Звезда Востока» напечатала острый фельетон, бичующий генетиков Узбекистана. Главный редактор одобрил фельетон. Но один из ученых биологов ТашГУ зашел в редакцию газеты и, встретившись один на один с молодым автором, показал ей в чем ошибочна теория Т.Д. Лысенко и какой вред подлинной науке приносят подобные фельетоны. Татьяна Сергеевна сделала выводы из этого разговора. Писать

стала только на те темы, которые хорошо изучила. Особенно она увлеклась микробиологией: изучила ее настолько, что стала одним из главных журналистов-специалистов в этом вопросе.

Семья Николюков приехала в Ташкент еще в 1934 году по направлению на борьбу с эпидемиями страшных инфекционных заболеваний, охвативших Среднюю Азию. Виктор Федорович был ученый-микробиолог. С Татьяной Сергеевной он познакомился еще в конце сороковых годов. Он любил поэзию Есенина, собирал все, связанное с ним.

В начале семидесятых биологический отдел издательства «Фан» Академии наук Узбекистана доверил Татьяне Сергеевне редактировать его книгу. Татьяна Сергеевна к этому времени уже отредактировала достаточно много научных трудов крупнейших ученых Узбекистана. Они отзывались о ней как о человеке энциклопедических знаний.

К концу обеда Галина Ивановна заторопилась — ей предстояло сегодня еще поработать над рукописями ученых. Выйдя на пенсию, она продолжала помогать издательству «Фан».

Удаляясь в кабинет, Галина Ивановна сказала:

— А на Татьяну Сергеевну не обижайтесь. Ее надо понять. Любители Есенина уже давно не дают ей спокойно жить и работать: звонят, пишут, останавливают на улице, повсюду ищут встречи. Тут у любого не выдержат нервы, а она — женщина, к тому же часто болеет.

Рассказ о дочери Есенина продолжил Вадим:

— Меня с ней познакомил отец, кажется, еще в 1972 году, в редакции издательства «Фан». По окончании факультета журналистики Ташкентского госуниверситета я выполнил дипломную работу на тему поэзии Есенина. Она написала рецензию на мою дипломную.

Весь остаток этого дня Вадим Викторович был с нами. С ним мы прокатились по старой части города. От довоенной застройки почти ничего не сохранилось. Местами выходили из троллейбуса, бродили по улицам пешком. Дождя не было, но было прохладно. Показывая Ташкент, наш гид постоянно возвращался к разговору о Татьяне Сергеевне:

— Я рано начал увлекаться живописью. Она вовремя поддержала мое увлечение. Так родилась у меня тема «Есенин и Восток». В конце семидесятых в Ташкент из Москвы приехал скульптор Онищенко. Вы были в Константинове и в концертном зале им. Есенина в Рязани. Там установлены скульптурные бюсты Есенина, выполненные Иваном Гавриловичем. Место для мастерской ему выделили в спортзале Ташкентского университета. Татьяна Сергеевна давала высокую оценку есенинским работам Онищенко. Вместе со мною она посетила мастерскую скульптора — Иван Гаврилович был очень рад. Показывая дочери любимого поэта свои работы, он вдруг начал читать ей стихи Есенина. Читал он есенинские стихи

неповторимо. Татьяна Сергеевна всегда к исполнению стихов отца относилась очень критично. И мы, все есенинцы Ташкента, это хорошо знали. Даже известные профессиональные артисты Союза, декламирующие стихи Есенина, редко избегали ее критической оценки. Исполнительское мастерство Онищенко взволновало Татьяну Сергеевну...

В свою «гостиницу» возвращались мы в девятом часу вечера. Движения транспорта почти не было. Неожиданно мимо нас пронесся мотоцикл с коляской. На нем было два милиционера. В коляске, подняв уши и приподнявшись на передних лапах, зорко смотря по сторонам, сидела овчарка.

— Это заступили на смену ночные наряды милиции, — ответил на наши недоуменные взгляды Вадим. — У нас только так теперь дежурят ночью стражи порядка.

Он уехал на троллейбусе с ближней от нашего жилья остановки. Дальше мы пошли одни. На улице людей почти не было. Повернули в переулок к дому. Со страху тишина зловеще зазвенела в ушах.

Так в Ташкенте мы впервые воочию почувствовали, что несет с собой объявленная еще год назад передовицей газеты «Правда», перестройка.

12 октября. Его можно назвать днем музея. Здесь во всем блеске проявила себя Альбина Витольдовна. Она провела для нас очень интересную экскурсию. Особо остановилась на экспонатах, подаренных Татьяной Сергеевной: редкие фотографии матери, машинопись ее рукописи 1972 года «Воспоминания о родителях», кожаный чемодан Есенина, который З.Н. Райх взяла в 1925 году из «Англетера». Не скрывая восхищения, показывала картины своего шефа В.В. Николюка — руководителя государственного народного музея С.А. Есенина. С гордостью сообщила, что две его картины висят в павильоне Узбекской ССР на ВДНХ в Москве.

Альбина Витольдовна рассказала, что, кроме музея, они встречаются иногда на квартире Татьяны Сергеевны или еще чаще у ее сына Сергея.

Присутствовавший все это время в музее наш старый, еще с 1983 года, знакомый Сергей Иванович Зинин свозил меня показать есенинские места Ташкента: дом Валентина Ивановича Вольпина и дом ташкентской знакомой Есенина Михайловой, у которой он бывал в мае 1921 года. Возвратились мы в два часа. Весь актив музея был в сборе. Оказывается, их пригласили на встречу со мной, меня же об этом не предупредили. Пришлось говорить экспромтом. Рассказал о своих многочисленных встречах с Константином Сергеевичем и Алексеем Ивановичем Романцевым.

Напуганные вчерашним вечерним Ташкентом, из музея мы уехали за светом. Хозяевам подарили более двадцати моих фотографий Константина Сергеевича, аудиозапись беседы с Романцевым, содержащую в том числе его рассказ о встречах с Т.С. Есениной в Ташкенте в военные годы. Так-

же подарили музею книгу для чтения в школе издания 1925 года, содержащую разделы о Есенине, Клюеве, Демьяне Бедном и других русских поэтах с предисловиями Воронского, Троцкого, Бухарина.

Они, в свою очередь, подарили фотокопию свидетельства о присвоении малой планете имени Сергея Есенина, дали переснять фотографии Валентина Вольпина и Надежды Павлович в пожилом возрасте, а также фото с Константином и Татьяной Есениными, снятыми во время одной из их ташкентских встреч.

13 октября. Четвертый день начался ставшим уже привычным завтраком, с приготовленной Розалией Исааковной на этот раз шурпой по-узбекски. Вскоре приехал Вадим со своей статьей «Есенин и Киров».

— Хочу напечатать. Пора сказать наконец правду о Есенине. Прочти. Может, что посоветуешь.

В статье, ссылаясь на монолог Замарашкина и Чекистова из «Страны негодяев», напечатанной в первозданном есенинском изложении (опубликовано впервые после смерти Есенина во втором томе Полного собрания сочинений лишь в 1997 году), и другие факты, автор пишет о роли Бухарина и Троцкого в судьбе Есенина.

— Хочешь услышать мой совет? Не печатай статью. Становятся достоянием народа неизвестные факты из жизни первого любимца Ленина. Делаются пока робкие шаги. Недавно вышла книга его статей. Не торопись. Политика, как всегда, дело темное. А Ленина Есенин любил.

— Согласен. Подожду, доработаю. Все, собирайтесь! Сегодня покажу вам Ташкент.

Ташкент — почти двухмиллионный город, и Николук выбирает ускоренный метод проведения экскурсии, который я бы назвал «метрополитеновский». За три дня, прожитых в столице Узбекистана, мы уже успели многое посмотреть: район Академгородка, где жила Галина Ивановна, район музея и, конечно, район, где «снимали» квартиру.

Теперь же на автобусе быстро доехали до станции метро «Максим Горький», поднимались вверх на станциях «Пахтакор» и «Площадь Ленина». Побродили там. Жене надоело. Увидев почти рядом ГУМ, она ускользнула от нас. Отсутствие женщины развязало наши языки — мы тотчас повернули разговор к есенинской теме.

— Ты, наверное, не знаешь, что во время работы Онищенко над есенинским бюстом был налет на его студию. В мастерской устроили погром, статую разбили, его самого сильно избили так, что он чуть с ума не сошел. Лежал в психбольнице. На меня кричал: «Все это вы — и ты с ними заодно!» К своей жене меня ревновал. Я ведь у него был и в мастерской на Красной Пресне в Москве. Есенинский бюст, установленный в Константинове, я считаю самым лучшим.

Иван Гаврилович — мой учитель. Он научил меня понимать главное в творчестве художника. Мне жаль его. Замечательный человек.

Тут мы немного помолчали.

— Давай съездим в одно интересное место. Вы уже проезжали там, — предложил Вадим.

Стоя на эстакаде, облокотясь на перила, издали мы смотрели на монумент Ленина. Громада вождя возвышалась над городом. Стоял он в полный рост. Снятую кепку Ильич держал в опущенных обеих руках. Половина кепки выступала вперед. Отсюда памятник смотрелся в профиль, и возникала двусмысленная картина.

— Это работа скульптора Томского. А был еще памятник, выполненный Онищенко. Партийные власти не пропустили. Вот и «украшает» город это бездарное творение.

— А до меня только после всего твоего рассказа дошло, почему Онищенко выставил почти рядом две абсолютно одинаковые есенинские скульптуры. Этим он гарантировал сохранность своего произведения: центр Рязани, закрываемое и охраняемое в нерабочее время помещение стало сторожем есенинского бюста в Константинове, где по ночам на улице не встретишь ни души. Мудро! И знаешь, сейчас я еще больше пожалел, что не сфотографировал его 3 октября 85-го года. Это было в антракте юбилейного вечера. При выходе из зала в фойе мне Константин Сергеевич Есенин показал его. Онищенко стоял рядом с бюстом Есенина. Почти до третьего звонка я наблюдал за ним. Лысоватый, с бородкой, под пиджаком поддет свитер, джинсовая сумка через плечо. Выглядел он грустно. Только что Прокушев, закрывая собрание, назвал его в числе тех шести, кто записался выступать в прениях, но не дождался своей очереди. В поисках точки, с которой освещенность позволила бы сделать снимок, я обошел его со всех сторон. Света было мало — снимок не получился.

На этом, по обоюдному согласию, мы прервали экскурсию и поехали готовиться к прощальному ужину.

Сухой закон полную силу в Ташкенте еще не набрал. С большим трудом, чуть ли не в мусорном ящике, нашли мы пустую бутылку и пошли в захудалый ресторанчик. Там, в туалете, тщательно вымыли бутылку холодной водой и чинно вошли в полупустой зал. Официант быстро принес заказанные графинчик коньяка и лимон. Посидели немного, для приличия, выпили по рюмочке. Затем быстро из салфетки сделали воронку, осторожно перелили коньяк в бутылку, надежно закупорили его пробкой из салфеток и положили бутылку в сумку. Довольные, откинулись на спинки стульев и решили немного отдохнуть.

Домой приехали поздновато. За столом вновь заговорили о Есенине.

— Я ведь встречался с женой Булгакова. Она еще в Штатах опубликовала свои воспоминания. В них целая глава о Есенине. Мне она рассказывала, что вначале у нее была любовь с Есениным, а Мишка — это уже потом.

Коньяк подействовал быстро. Хозяин дома стал говорить что-то несуразное.

— Врач, что лечил Константина Сергеевича, говорил, что его отравили. Алина подсыпала ему что-то в стакан с водой.

— Это чушь! В прошлом году, в годовщину его смерти, я написал Алине Ивановне письмо, попросил написать о последних днях его жизни. Она ответила, что это ей очень больно, в письме не напишешь, лучше встретиться, и она все расскажет. В Москве после этого мы еще не были. Когда будем — постараюсь встретиться.

— Я уже встречался и привез Костины шахматы. В музее они.

Вадим вскоре уже спал. Из гостей возвратились мы поздно вечером.

14 октября. Рано утром пришла Роза Исааковна. Вкусно запахло чем-то моим любимым — жареным в тесте. Это были беляши, по-узбекски — перемече. Расставание было искренне теплым. Уезжая, мы оставили на столе торт «Птичье молоко», коробку конфет и пакетик кедровых орехов — сибирский гостинец.

Перед самым выездом позвонила Галина Ивановна. Пожелала счастливого полета.

С собою мы увозили самое ценное. В сумке, рядом с фотоаппаратом, лежал ташкентский дневник. В девять утра мы были уже в полете.

В кресле самолета можно было спокойно отдохнуть, подумать о прошлом, поразмышлять о будущем. Слева чувствовалось прикосновение надежной руки спутницы жизни, справа в иллюминаторе под крылом самолета сквозь редкие кучевые облака хорошо смотрелись бескрайние пустынные казахские степи. Как во сне тихо чудился голос Есенина:

*Золотые пески Афганистана
И стеклянная хмарь Бухары...*

Что задумано — непременно сбудется (третья попытка)

Не каждый прыгун в высоту добивается желаемого результата с первой попытки. Но каждый стремится использовать все три допустимые подхода к установленной на победной высоте планке.

Прошло семь лет с начала поиска возможности встречи с дочерью Есенина. На чтениях в Рязани Маргарита Ивановна Малова сообщила, что Татьяна Сергеевна сейчас отдыхает в Балашихе, и пообещала свозить меня к ней.

7 октября. Мы в Балашихе, звоним в калитку дачи. Володя Кутузов долго не пускал нас даже во двор. В конце концов сжалился, но перед входом на террасу остановил нас. Отведя чуть в сторону Малову, он негромко стал выговаривать ей:

— Сколько можно предупреждать, чтобы вы никого сюда не водили?! Мать больна. Сегодня у нее был приступ. Вызывал «скорую помощь».

Нам было стыдно. Маргарита Ивановна, чуть не плача, стала извиняться. Мы тоже подошли к нему и также искренне просили прощения. Волнуясь и не чувствуя колючек, я крепко прижимал к груди огромный букет алых роз. Вдруг сзади раздался тихий женский голос. В дверях террасы стояла Татьяна Сергеевна.

— Володя, успокойся. Я уже чувствую себя лучше. Гостей так нельзя принимать.

Малова бросилась к ней, извинялась за свой поступок, ссылаясь на мой приезд издалека. Татьяна Сергеевна спустилась вниз.

— А я помню — вы приезжали к нам в Ташкент. Маркевич тогда много рассказала мне: что вы создали в Томске передвижной музей, повсюду устраиваете выставки, — подав руку для знакомства, она продолжила: — Большое спасибо за фотографии Константина Сергеевича. Их мне передали. Вы сделали большое дело. Ваши снимки бесценны. Ведь никто не думал, что он так рано уйдет из жизни.

Одета она была легко. Накинутый на плечи белый вязаный шерстяной платок был крест-накрест повязан сзади узлом. Под платком была видна лишь только теплая кофта. Чувствовалось, что она вышла в том же, в чем была одета в комнате. Я вздохнул и заговорил лишь о самом главном из того, что за многие годы надумал рассказать ей: о живущем в Томске шофёре Мейерхольда Алексее Романцеве, о том, что вместе с архивами из музея своего деда Софья Андреевна Толстая-Есенина во время войны тайком вывезла в Томск ценности музея своего мужа.

Отдав цветы Володе, Татьяна Сергеевна внимательно слушала. Это еще больше подстегнуло меня. В то же время с минуты на минуту она должна была уйти. Мы стояли близко друг к другу. Глядя в ее голубые-голубые глаза, я поддерживал ее, подложив под ее хрупкие ручонки свои. Ее взволновал рассказ А.И. Романцева о том времени, когда он жил в их доме на Новинском бульваре. Я, в буквальном смысле, мазками успел оживить в ее памяти тридцатые годы. Когда же я говорил: «Ташкент... начало войны... дом Красной армии... девчонка тащит за руку белоголового мальчонку... Таня! Ты?», из мокрых, наполненных болью глаз по щекам потекли слезы.

— Мама! Довольно! Ты простынешь. Опять будем «скорую» вызывать.

— Все-все, идем в дом. Вот только попрощаюсь.

Вскоре Володя возвратился. В его руках была книжонка — томик стихов Есенина.

— Это вам. От моей матери.

— Большое спасибо!

Открываю. На титульном листе читаю надпись:

*«Владимиру Ивановичу Николаеву —
на добрую память
Т. Есенина
13 октября 1990 г. д. Горенки»*

Мы долго оставались под впечатлением встречи. Я прошелся по усадьбе. Здесь все сохранилось таким же, как было при Константине Сергеевиче: столик под деревом с вросшим в него турником, заброшенный гараж, летняя кухня, скамья перед вторым входом в дом, на которой я фотографировал сына Есенина. Только в стенах террасы заметно прибавилось простых стекол взамен цветных — витражных (хулиганы повыбивали!).

Стояла хорошая осенняя погода, и у меня получилось несколько удачных снимков дачного дома.

Вскоре Володя пригласил нас попить чаю. Мы сидели во второй половине дома во вновь появившейся комнате, отгороженной легкой фанерной стенкой. Огромный мейерхольдовский диван куда-то исчез. За чаем разговор пошел о Татьяне Сергеевне. Володя рассказывал:

— Сейчас она продолжает писать свои воспоминания. Как раз подошла ко времени ареста Майера (так звали его в семье). Очень волнуется. Часто вижу, как она плачет...

Так мы просидели часа два. Возвращаясь в Москву, к выходу из двора мы прошли по дорожке вдоль северной стены дома. В конце дома, посмотрев в окно, я снова увидел ее. Чуть-чуть остановившись, успел рассмотреть все. Татьяна Сергеевна сидела за печатной машинкой. Столик стоял так, чтобы свет падал сбоку, и я видел ее профиль, чуть сзади.

Она, подавшись грудью вперед, склонилась над машинкой. На плечах у нее был все тот же белый платок. С правой стороны на столике лежала пачка «Беломора».

24 октября 1990 года. Балашиха. Отпечатав на машинке у А.Л. Спировой письмо в Томский горисполком от Татьяны Сергеевны Есениной, в котором она подтверждает факт отправки Софьей Андреевной Толстой в Томск на хранение на время войны архивов С.А. Есенина, одобряет инициативу общественности ТГУ — установить на здании Научной библиотеки мемориальную доску и ходатайствует перед руководством города помочь общественности.

Подготовить такое письмо она предложила при нашей встрече неделю назад.

Я не успел — Татьяна Сергеевна уехала домой. Володя обещал отправить письмо по почте.

11 октября 1991 года. Балашиха. Приехав из Орла с очередных чтений, я решил встретиться с Владимиром Кутузовым, спросить — не вернулось ли письмо из Ташкента.

Еще на подходе к даче было видно, как все здесь изменилось. Высокая темно-зеленая металлическая ограда надежно скрывала от чужих глаз внутреннюю жизнь хозяев усадьбы. Но самое удивительное еще ждало меня впереди: большой, заботливо ухоженный палисадник перед домом украшал бюст Мейерхольда.

Владимир обрадовался моему приходу, крепко пожал руку, пригласил на террасу. Очевидно, догадываясь о целях моего визита, сказал:

— Извини, но твое письмо на подпись к матери я еще не отослал. Очень занят был в связи с ремонтом дачи. Но сейчас у меня появились возможности, и я скоро полечу к ней. Оставь свой телефон — я позвоню. Что? Как это — к вам не позвонишь? Тогда звони мне.

Стал накрапывать дождь. Володя заторопился, желая показать мне дачу.

— Сейчас мы разделились: это моя половина, во второй живет Мари-на с Шугаевым.

Мы пошли вокруг дома. Дождь усилился и загнал нас под крышу.

— А Татьяна Сергеевна уехала недавно — она была здесь во время путча. Так рвалась к Белому дому! Мы с Мариной дежурили там три ночи. Домой возвращались утром. Поспав, ехали обратно. И каждый раз она требовала взять ее с собой. И вдруг нас осенило: ведь там все вокруг сидят прямо на газонах. Где там ты найдешь туалет? Это ее сдержало, но не успокоило. По телевизору она видела много больше. Но, встречая нас, пыталась все до мелочей.

Дождь лил как из ведра. Но мне хотелось повстречаться с Мариной. После нашего знакомства прошло чуть больше года. Хотелось поговорить еще, узнать о результатах судебной борьбы с Алиной Есениной.

— Да они скоро приедут, — сказал Володя. — Не пора ли нам выпить?

Из комнаты воротился он с бутылкой коньяка и двумя гранеными стаканами. Стол мы поставили возле стены, по центру, подалее от края крыши, чтобы уберечься от дождевых брызг. Сервировка была достойна выпивки. В центре стояла плетеная тарелка со сливами. Купить именно их мне, наверное, подсказал внутренний голос.

— Ты знаешь, выяснение отношений между ними пока еще не закончилось. Дача по-прежнему принадлежит этой стерве. Но одно дело — право владения собственностью, другое — кто владеет ею непосредственно.

Пусть попробует нас выселить.

— Да, жаль. Неужели все пропало? И весы, и чемодан-шкап с плечиками, который пропутешествовал с Есениным и Айседорой по всей Европе и Америке?

— Не волнуйся! У нас все схвачено. Списки украденных ею ценностей есть у пограничников вдоль всей нашей границы. У таможенников они тоже есть.

— Это опись того, что видели вы с Мариной. А кто знает, что хранил Константин Сергеевич вон в том своем гараже? В 1984 году на мой вопрос: «Что там?», он отмахнулся: «Там всякое старье, просто жалко выбрасывать».

Было заметно, что Володе хотелось продолжить прерванный рассказ об их борьбе за демократию.

— Мать ведь очень смелая и решительная женщина. Но она один раз серьезно испугалась. Тогда мы уехали из Ташкента в Питер. Долго жили у Собчаков.

Я лишь сегодня пожалел, что не спросил, когда было это тогда.

Наша беседа затянулась. Марина явно где-то задержалась. Дождь продолжался. Володе захотелось показать еще что-нибудь хорошее, и он пригласил меня в дом. Щелкнул выключатель, и перед глазами возникла удивительная картина: почти во все помещение был устроен большой, хорошо освещенный зал. Чуть спустившись вниз, мы обошли его весь. Я внимательно рассмотрел все: новые окна и двери, полы.

— Вот здесь мы с друзьями собираемся два раза в неделю, «тусуемся», — подойдя к батарее бутылок в правом дальнем углу, он спросил:

— Хочешь, еще выпьем? Виски пробовал? Это все мне сын привозит из-за границы. Он в таком кооперативе. Сейчас улетел в Германию.

Мы снова, открыв вторую бутылку коньяка, уселись за столом. Дождь все льет и льет. Захмелев, мы заговорили смелее.

— Знаешь, за дежурство у Белого дома мы получили по сто тысяч!

— Неужели? Не может быть!

— Да-да. Заплатили. Мне столько ни к чему. Половину потрачу на себя — куплю небольшую типографию, вторую отдам на благотворительность.

— Молодец! Вот это здорово!

Так мы еще и еще подливали в стаканы. Мне предстояло добираться до гостиницы Высшего военного училища имени Верховного Совета СССР, и я всеми силами старался не потерять контроль над собой.

Вторая бутылка подходила к концу, когда хозяин предложил тост за Есенина. Чокнулись, и он переключился на есенинскую тему.

— Вот все смерть Есенина связывают с кооперацией, а я говорю — нет! Смотрите решения XIV съезда.

— Правильно! В прошлом году в Рязани мне сняли на ксероксе газету «Рабочий путь» с материалами этого съезда. Думаю, здесь и надо искать причину: в вопросе по отношению к оппозиции.

Вторую бутылку мы прикончили. Дождь перешел в изморось. Уже стемнело. Марины все не было. Кутузов побежал за третьей. Я остался один. Почти решил — все, пора уезжать. Воротясь, Володя твердо заверил меня:

— Нет! Что ты! Они обязательно приедут сюда.

И я остался. Лишь по первой из очередной бутылки успели мы выпить, как свет фар пробил окружающую темноту.

— Приехали! Я же говорил!

У них был свой проезд, и нас они не заметили. Кутузов вскочил и хотел бежать к ним. Мне с трудом удалось его задержать и убедить, что им сейчас не до нас.

Минут через пятнадцать Володя спокойно пошел на их половину. Воротясь, он передал от Марины Константиновны привет, сказал, что она меня помнит и благодарит за фотографии (это были снимки, сделанные мною еще 10 июня 1990 года и отправленные по почте). Она очень занята — готовит ужин. Попросила, чтобы я минут через пять подошел к их машине.

Машину они поставили, подкатив задом к крыльцу. Багажник «Лады» был открыт. В створках дверей тотчас же появилась Марина. Не выходя из двери, она, приятно улыбаясь, поздоровалась со мной.

— Знакомьтесь, это мой муж.

— Вячеслав Максимович, — пожал он мне руку, появившись из-под крышки багажника.

— А это вам, Владимир Иванович, презент от меня. Помните, я вам рассказывала, что пишу воспоминания? Так вот, муж и поместил их в первом номере своего альманаха. Вам повезло — это первый экземпляр. Чувствуете — он еще пахнет типографской краской?

— Ну, все, все, беги в дом, Мариночка, — простынешь, — сказал ей Вячеслав Максимович, вынимая из багажника очередную связку книг. Багажник был разгружен только наполовину, и я стал ему помогать. Вдвоем мы управились мигом. По пути я попросил издателя продать мне еще несколько книг.

— Это для наших есенинцев из «Радуницы».

— А почему бы и нет? — услышал я его ответ.

Из дома Вячеслав Михайлович вынес еще стопку книг. Переполненный радостным чувством, я торопливо возвращался к Володе.

Он был в доме, отогревался. Вместе мы пролистали альманах. Он назывался «Дядя Ваня». Воспоминания М.К. Есениной нашли в самом конце книги.

Я очень торопился. Быстро переложил книги (их было семь) в свою походную сумку.



Прощание с Т.С. Есениной. Ташкентский музей Сергея Есенина.
7 мая 1992 года

— Погоди, а на посошок?

Перед уходом Володя успел продиктовать свой адрес: Московская область, Балашиха-3, дом Мейерхольда, Кутузову Владимиру Владимировичу.

К автобусу я бежал, а душа все пела:

*Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы.*

А дождь? Так и не прекратился. В памяти каждого есть события, люди, которые всплывают из нее всегда одним и тем же кадром.

Когда я чуть задумаюсь о встрече с Татьяной Сергеевной, я вижу ее голубые-голубые есенинские глаза.

Однажды, в 2000 году, мне позвонил бывший работник 50-го цеха, ныне инженер-технолог цеха 51 сублиматного завода СХК Валентин Прокопьевич Быченко:

— У меня для тебя приятная новость. Я только что возвратился из отпуска, был в Узбекистане у матери. Там встретился с братом. Он работает в

Навои, на бывшем нашем средмашевском заводе. Сейчас завод, кроме урана и сопутствующего ему золота (при советской власти почти четвертую часть добываемого в Союзе золота намывали в Навои! — авт.), разрабатывает и мрамор. Большинство руководителей завода — выпускники 43-й кафедры ФТФ ТПИ. Так вот, брат рассказал, что томичи-политехники решили увековечить имя Татьяны Сергеевны Есениной. Из мрамора они отполировали стелу для ее надгробного памятника. Их инициативу поддержали.

Умерла Татьяна Сергеевна 5 мая 1992 года. Похоронена на Боткинском кладбище Ташкента. Памятник на ее могиле был открыт 3 октября 1999 года, в день 104-й годовщины со дня рождения С.А. Есенина.

Наталья Петровна Приблудная

*Кое-как дотащив до покоя
Беспокойств непременно кладь,
Все мы любим, припомнив бывшее,
О далеких друзьях вспоминать.*

Иван Приблудный. «Товарищ».

Памяти Сергея Есенина. Апрель 1928 г.

10 мая 1901 года в Туле в семье готовящегося стать студентом медицинского факультета МГУ Петра Михайловича Зиновьева и Надежды Николаевны Астафьевой родилась дочь Наташа.

В 1908 году Наташа поступила в гимназию, окончить которую она не успела — помешала война, затем революция и снова война — Гражданская. Среднюю школу Наташа окончила только в 1923 году и сразу же поступила в Высший литературно-художественный институт имени Валерия Брюсова. Одновременно с нею в институт поступил Иван Приблудный. Вскоре они стали близкими друзьями. Благодаря Ивану Наталья познакомилась с Сергеем Есениным, его сестрой Катей, с Галей Бениславской, с Алексеем Ганиным. Дружба с Иваном переросла в любовь.

В июне 1924 года Приблудный пишет стихотворение, посвященное своей возлюбленной Наталье Зиновьевой:

*Наша жизнь — борьба и вечный труд,
И любовь и песни среди усилий;
Мы умрем, как многие умрут,
И живем, как многие не жили...*

Вскоре Яков Петрович Овчаренко (Приблудный) и Наталья Петровна Зиновьева зарегистрировали свой брак. В 1929 году у них родился сын Александр. С 1931 по 1937 год Наталия работала в редакции газеты «Комсомольская правда».

Строки стихов Ивана оказались пророческими, а 1937 год, как и для многих других граждан Советского Союза, стал роковым для семьи Приблудных: 31 марта Ивана арестовали, а 13 августа Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

3 октября 1937 года была арестована Наталья Приблудная как жена «врага народа». 5 декабря с эшелонам подобных ей родственников «врагов народа» ее привезли в Томск. В томской тюрьме она пробыла до конца 1939 года, а затем была отправлена в Магадан. Реабилитировали ее в 1956 году.

Двадцать лет тюрьмы, смерть мужа и сына не сломили волю русской женщины. Вскоре она возвратилась к любимой работе, в редакцию «Комсомолки».

В 1990 году Екатерина Сергеевна Должкова, основательница школьного музея Сергея Есенина в Новопокрове Ворошиловградской области, рассказала нам, что в поселке Новоайдар установлен бронзовый памятник поэту Ивану Приблудному. Украинцам было чем гордиться. Это был первый монумент, увековечивший память о расстрелянном в годы культа личности крестьянском поэте есенинского круга. Не менее знаменательным событием для земляков прославленного лихого кавалериста дивизии Котовского был приезд из Москвы на открытие праздника вдовы поэта Натальи Петровны с внучкой Натальей Александровной и правнуком Димой.

В 1993 году неутомимая руководительница созданного при музее литературного клуба «Есенинцы» Екатерина Должкова договорилась с Ю.Л. Прокушевым и пригласила Н.П. Приблудную на встречу с участниками есенинской конференции в Москве. Вечер встречи состоялся в деревянной времянке во дворе дома в Большом Строченовском переулке, 14. Это было воскресенье, 26 сентября 1993 года. Событие запомнилось нам надолго. Впервые члены международного есенинского братства «Радуница» все вместе общались с человеком, лично знавшим Сергея Есенина.

Наша гостя рассказала очень многое о Есенине, читала на память его стихи, а также некоторые неизвестные еще в то время стихи своего мужа Ивана Приблудного.

Вскоре после этого начались наши с ней индивидуальные встречи. Всего их было четыре.

Встреча первая

Это было в 1994 году, в среду, 5 октября. Возвращаясь из Вязьмы, куда ездили посмотреть частный музей Сергея Есенина в квартире Павла Пропалова, мы с Ниной Солобай, ответственным секретарем общества «Радуница», решили в этот же день съездить к Наталье Петровне Приблудной.

В 11 утра лихо, приседая на левые колеса при правом повороте, троллейбус вырулил от станции метро «Семеновская» на Большую Семеновскую улицу и понесся по ней.

Минут так через двадцать мы были уже на улице 10-й Соколиной горы у двадцатого дома.

Наталья Петровна встретила нас приветливо. Несмотря на свои 93 года, она уверенной рукой выставляла на стол чашки для чая. И вдруг сказала, что очень рада встрече с томичом.

— Я люблю слушать радио. И всегда, когда передают погоду, прислушиваюсь — какая погода у вас в Томске. Да-да. Я жила в Томске два года.

— Когда? — обрадовался я.

— С тридцать седьмого по тридцать девятый. В то время я, как жена «врага народа», сидела на зоне.

— Наталья Петровна, — мудро увела разговор от тяжелых воспоминаний Солобай, — вы ведь очень много знаете и помните о Есенине. Расскажите, пожалуйста.

— А что я могу новое рассказать? Ведь сейчас уже все всё вспомнили, всё напечатали. Вот сейчас еще Олег Бишарев помог мне очень многое вспомнить и опубликовал мои воспоминания о Есенине, об Иване, о моем отце Петре Михайловиче. Олег очень талантливый литературовед. Вы читали его книгу «Тайна Сергея Есенина»? Как грамотно он написал ее! Поработал в архивах. Многие документы он взял в нашей семье. Все четко, обоснованно. Просто молодец!

— У нас его книга есть. Хорошая книга.

Сосредоточившись, я молча слушаю женский разговор.

— А какие встречи с Есениным вам особенно запомнились?

Наталья Петровна, почти не задумываясь, ответила:

— Когда на квартире у Вардина в Ленинграде он специально для меня читал:

Ты еще жива, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

На этом месте Наталия Петровна замолчала. Чуть передохнула. А мне сразу подумалось: как современно прозвучали есенинские строки...

Немного отдохнув и поразмыслив, она тихим голосом продолжила:

— Еще особо запомнила, когда впервые услышала голос Есенина. Это было в двадцать третьем году, в первый же день, когда я поступила в Литературный институт. В этот день после занятий, которые проводил сам директор Валерий Яковлевич Брюсов, для нас устроили вечер. В зале народу битком. Я стояла в коридоре. Слушала. Сквозь толпу гремел голос Маяковского. Через некоторое время объявили Есенина. Я привстала на цыпочки, чтобы увидеть его. Читал он громко, тоже во весь голос.

Снова пьют здесь, дерутся и плачут

Под гармоники желтую грусть...

Когда читал, жестикулировал руками. Вы знаете, он мне показывал: на правой ладони, вот здесь, чуть повыше середины, глубокий рубец. Он так сжимал кулаки, что от ногтей образовался глубокий нарост из мозолей. Хотя об этом многие писали. Но меня это сильно взволновало, когда держала его руку в своих руках. Смотрела и чувствовала, сколько страсти он отдавал своим стихам.

— Вот здесь, на полочке, — говорит Наталья Петровна, поворачиваясь к книжной стенке, — у меня стоит «Анна Снегина». Это самая любимая моя есенинская поэма. Большинство стихов Есенина я знала наизусть. Многие помню и сейчас.

— Ну, все, все, достаточно — вам надо отдохнуть. Давайте мы с вами пока сфотографируемся.

Внучка Наташа все время сидела и внимательно слушала бабушкин рассказ. На предложение сфотографироваться отреагировала быстро: вскочила, убрала со стола. Стол мы отставили в сторонку. Стул Натальи Петровны отставили к противоположной стене, так, чтобы свет падал прямо на лицо.

Сделали с десяток снимков. Наталья Петровна, подсаживаясь к столу, продолжила:

— Мой отец на весь 14-й год подписался на журнал «Мирок», и, конечно, первое стихотворение Есенина «Белая береза под моим окном...» я сразу же запомнила. После, познакомившись с Иваном, я узнала, как он любит стихи Тараса Шевченко, читал их на русском и украинском языках. Любил и есенинское стихотворение «Село». Так вот, и это стихотворение я узнала из того же журнала. Посвящено оно было 100-летию Шевченко. Удивительное совпадение! Так часто сходились вместе пути Есенина и Ивана.

Наталью Петровну не покидала память о Томске. И она вновь торопливо заговорила о нем. Мой мозг не успевал так быстро переключать-



Н.П. Приблудная Москва. 3 октября 1996 года

ся. Информация, поступающая в него, была бесценна. Надо было запомнить все.

— В Томск нашу партию арестованных членов семей «врагов народа» доставили 5 декабря 1937 года. Выгрузили прямо на снег. Больных и детей посадили в грузовики. Поезд стоял где-то в тупике. От него нас провели какими-то закоулками к воротам тюрьмы. Поселили в четыре барака. Было очень холодно. На нарах места не хватало. Спали на полу, лежа на боку, плотно прижавшись друг к другу. Ночью, встав, лечь обратно было невозможно. Оставалось место только возле параша.

Летом было тепло, хорошо. Мы не работали.

Среди заключенных было несколько известных личностей. Например, в нашей камере сидели сестры Тухачевского Мария и Ольга, а также Людмила Шапошникова, которая некоторое время была старостой лагеря.

— Как, ты и есть та самая Шапошникова? — удивлялись конвоиры.

В другом бараке сидели Нюся Бухарина и Сая Якир (жены расстрелянных сталинских соратников Н.И. Бухарина и И.Я. Якир — авт.).

— Однажды, в 39-м году, мы увидели странную фигуру: одиноко гуляющую по «бродвею» пожилую женщину в очень грязном, но дорогом кимоно из тяжелого черного шелка с драконами и цветами. Была она в красивом темно-рыжем парике с выбивающимися прядями седых волос, в пенсне. Ее угрюмое лицо показалось нам очень знакомым. Кто-то воскликнул: «Так это же Ягодица — теща Ягоды!» Она была также родной сестрой Якова Свердлова и в пенсне очень похожа на своего брата, поэтому и показалась нам знакомой.

Неутомимая Наталья Петровна рассказала, а я быстро набросал на бумажке, как располагались строения лагеря.

Лишь вечером мы покинули их дом. И я, приехав в гостиницу, верный своей сложившейся практике, набросал конспектик ее рассказа.

Встреча вторая

На 7 октября у меня ничего особенного запланировано не было, и я решил еще раз съездить к ней. Наталья Петровна была дома одна. Моему приходу была рада. С годами у каждого растет потребность в простом человеческом общении. В тихой домашней обстановке пробеседовали мы долго. Я задавал вопросы, кое-что уточнял. Окрестности томской тюрьмы я исходил вдоль и поперек, изучая клюевские места. Напротив тюрьмы было общежитие шарикоподшипникового завода. Мне даже захотелось с балкона девятого этажа сделать снимок тюремного двора. Однажды решился даже войти в подъезд. Постоял недалеко от вахтера, почитал приказы коменданта общежития, объявления и передумал. Опасная это затея. Ведь можно подумать, что я готовлю побег. Ограничился наружным наблюдением. Но желание увидеть, что находится там, за красной каменной стеной, не покидало меня никогда.

— Нет, нет, при нас стена была побелена. Белым был и двухэтажный дом, где находились малолетние дети заключенных мам.

— А прямо за стеной что было?

— Там была вспаханная полоса, а за ней ограда из колючей проволоки, затем, ближе к баракам, — глубокая канава. Колючая проволока отделяла нас от мужской половины лагеря. Изредка нас водили на мужскую половину в баню. Это был настоящий праздник. Около задней стены была столовая. А в самом дальнем углу стояла вышка с охранниками — вертухаями.

Проволока отделяла нас и от белого дома. Дети все время сидели на окнах. Мамы подходили к ограде, дети радовались, махали им ручонками.

Однажды слышались громкие крики. Мы не сразу поняли, что произошло. Оказалось, что мальчонка — ему было два с половиной года, непослушный такой! — каким-то образом перелез через ограждение и вы-

скочил прямо на вспаханную полосу. Комендантша Тельманова бегала за ним по зоне, а трехлетняя Кира отчаянно кричала: «Юра, зона! Юра, зона!» Мать Юры тоже была в отчаянии, но все обошлось.

А «бродвеем» мы называли насыпную укатанную дорогу, проходившую вдоль барakov. По ней завозили в столовую пищу. По этой дороге и мы бродили, прогуливались. Камер же у нас было восемь, по две в каждом бараке. В нашей камере было 280 человек.

— Наталья Петровна, вы говорили, что вместе с вами в одной камере были сестры Тухачевские. А еще кто был?

— Люда Шапошникова. Но ее расстреляли вскоре после приезда в Томск. Еще запомнилась одна женщина. С нею знакомы мы были со дня ареста. Меня сразу после ареста заключили в камеру на Лубянке. Камера была маленькая, на пять человек. Через день перевели в «Бутыр-



Н.А. Приблудная, Н.П. Приблудная, Е.С. Должкова (Новопсков).
Москва, 1993 год

ку». А через полтора месяца нас куда-то повезли на поезде. Так вот, она все время была с нами. Разговорчивая такая, все время возмущалась, что нас арестовали ни за что: «Вот я... вот меня... разве это справедливо?» И так каждый день. Подсаживалась то к одной, то к другой, откровенничала. И только здесь мы раскусили, кто она такая. Их мы называли «наседками».

— Это значит подсадная?

— Да, да, их было много. Этот метод был еще в прошлом веке. НКВД его только усовершенствовал. «Наседок» подсаживали сразу же при аресте обвиняемых. В первые дни арестованный находится в стрессовом состоянии. В это время его легче всего вызвать на откровенность. Зная этих негласных осведомителей, при них мы вели себя осторожно. Эту свою «подружку» я повстречала и позже, в ссылке в Магадане.

— А Бухарина где была?

— Она с Саей Якир сидела в другом бараке. Они вели себя как-то обособленно. Прогуливаясь по «бродвею», они надевали разные красивые кофточки, сарафанчики, туфельки. Все это они привезли с собой.

— Неужели такая свобода была в лагере? Или для них делали исключение?

— Никакого исключения. Все имели право привезти с собой любую одежду и обувь. Просто другие вели себя скромнее.

Среди нас многие завидовали им. Часто поговаривали: «Они хоть немного поцарствовали. А мы за что тут сидим?»

Всего в Томске я пробыла два года. Работы нам не давали никакой — отдыхали. В большинстве сидели, прижавшись к стене барakov: кто в тени, кто на солнышке. Летом за день солнце обходило почти весь барак. Только дождь загонял нас под крышу.

Однажды мы были за баракom. Вдруг большая белая курица перелетела через стену. Скорее всего, ее кто-то просто перебросил к нам в зону. А еще раз корова мычала за стеной. Человеческих голосов за стеной мы никогда не слышали.

— А по ночам? Стрельбы вы не слышали? Ведь в Томске расстреливали ежедневно десятки заключенных! Наше общество «Мемориал» опубликовало в книге Валерия Уйманова «Кровь людская не водица» чудовищные цифры! Я читал эту книгу. Только в декабре 37-го года было расстреляно около двух тысяч человек! И в основном это творилось недалеко от вас.

— Да, все это было очень страшно! Но я ничего не слышала. Мы, наоборот, просто не прислушивались. Ведь все мы были молодыми. Может быть, кто и слышал, но поделиться с другими побаивался.

— Наталья Петровна, — поинтересовался я, — позавчера вы рассказывали нам, что дружили с сестрой Тухачевского. Я почему-то прослушал с кем: с Марией или Ольгой?

— Не совсем так. Дружбой это назвать нельзя. Мария, старшая сестра, была старостой нашей камеры. Так вот, ко мне она относилась очень хорошо. Всегда защищала меня. Иногда делилась добрым словом.

Я слушал внимательно ответ Приблудной, но возникший ужас от всего услышанного не покидал меня и во время возвращения в гостиницу. И новым, страшным смыслом наполнялись слова известной песни:

*Как молоды мы были.
Как верили тогда!*

Страна семимильными шагами двигалась к победе социализма, распевая:

*Смело мы в бой пойдем.
За власть Советов.
И как один умрем
В борьбе за это!*

Кто не подпевал этим словам? Но мало кто знал строки поэта Ивана Приблудного из стихотворения «Пятилетка»:

*Пьеса принята страной,
И без таинств закулисных,
Развернули гений свой
Режиссеры и артисты...*

Встреча третья

Следующий раз Наталью Петровну мы с Ниной Солобай навестили через год, 27 сентября, во время проведения в Москве юбилейных есенинских мероприятий. Я привез ей фото томской тюрьмы, снятой еще в снежную зиму 1992 года с большого сугроба. Из-за каменной стены едва проглядывалась часть крыши их барака. Наталья Петровна фотографии очень обрадовалась. Живо откликалась на просьбы, отвечала на вопросы.

— Вы просили назвать фамилию начальника лагеря. Я вспомнила: Гнедик.

У нас с Ниной Максимовной весь день до вечера был свободным. Мы посидели, поговорили, еще раз сфотографировались.

Встреча четвертая

В 1996 году, на следующий день после юбилейной встречи у Александры Леонидовны Спировой, расписав свое время по часам, помчался к Приблудной. На этот раз я был технически вооружен: в моем кармане вместо записной книжки был диктофон новейшей марки — подарок детей к моему 60-летию. В пять часов вечера я был уже у нашей хорошей знакомой. Я привез Наталье Петровне фото, что снимали с Ниной Солобай в 1994 году. Она фотографиям очень обрадовалась, также, как восемь месяцев назад, усадила меня попить чаю. Когда узнала о цели моего приезда, немного разволновалась, но вскоре успокоилась и стала снова все рассказывать. Я попросил ее не спешить, вспомнить лишь о самых важных в ее жизни встречах в Томске. Она все поняла и сделала так, как я просил. Пересказала вновь о сестрах Тухачевских, о Бухариной, о Шапошниковой и Якир. Мы с ее внучкой Наташей заслушались. А Наталья Петровна неожиданно перешла на есенинскую тему.

— Я вспомнила еще один интересный случай. В двадцать четвертом году Новый год мы с Иваном встречали у Блюмкиных. Пришли рано. Хозяйка, чтобы мы не скучали, дала нам семейный альбом, а сама занялась подготовкой к вечеру. Альбом был толстый, и нам надолго хватило его рассматривать. В нем мы нашли много знакомых: Шершеневича и Марию Спиридонову, фото с автографом Маяковского: «Дорогому товарищу Блюмочке!» Рядом с Зинаидой Райх была наклеена фотография Льва Седова. Мы даже поспорили, похож ли на отца его сынишка Мартин.

— Так вот, — продолжила вспоминать Приблудная, — сейчас много говорят о гибели Есенина. А мне кажется, что кто-то его боялся. Тогда в альбоме мы видели много фотографий эсеров. После революции прошло всего семь лет. Многие из них были живы. Они-то и боялись, что Есенин их узнает. И этот кто-то был из их главных руководителей.

Заслушавшись, я даже забыл про включенный диктофон...

Уходить не хотелось. Было очевидно, что Наталье Петровне вспоминать было интересно. Она увлеклась и, несмотря на возраст — ей ведь было уже 95 лет! — ее рассказу, казалось, не было конца. Из ее памяти всплывали все новые и новые подробности. Так мы сидели еще долго.

Сейчас, прослушивая в записи ее рассказ, понимаю, как важна эта информация для современников, как важно, что эта запись есть и хранится в нашем музее. Жаль только, что, увлекшись, не перезарядил диктофон, и беседа была записана не до конца.

Не так давно, в 2002 году, в пятом номере журнала «Чудеса и приключения» (хотелось бы, чтобы читателя не смущало столь легкомысленное название журнала — это вполне серьезное патриотическое издание) известный есениновед и криминалист, заслуженный юрист России, пол-

ковник юстиции в отставке Эдуард Александрович Хлысталов опубликовал статью «Дело 12175». В ней он пишет о том, как С.М. Киров по заданию Сталина расследовал поступившие от чекистов Ленинграда сведения о том, что в городе Пушкин (бывшем Царском Селе), скрываясь, живет вождь эсеров Борис Савинков. Не за него ли боялись всякие Блюмкины и его друзья-соратники, о чем поведала нам в тот день 1996 года Н.П. Приблудная?

Еще в мае 2000 года при проведении вечера в Центральной городской библиотеке, посвященного 75-летию выхода в свет есенинского шедевра — поэмы «Анна Снегина», — возникла мысль: не стало ли имя брата главной героини намеком на образ Бориса Савинкова?

*Убили... Убили Борю...
Оставьте.
Уйдите прочь.
Вы жалкий и мелкий трусишка!
Он умер...
А Вы вот здесь...*

В первой редакции поэмы, напечатанной в московском журнале «Город и деревня», этих слов не было. Они появились в печатном органе ЦК Азербайджана, газете «Бакинский рабочий», 3 мая 1925 года. В эти же дни погиб Савинков. Причем произошло это в присутствии того же вездесущего Якова Блюмкина. В эти дни Есенин жил и работал на даче своего друга и опекуна, главного редактора этой газеты Петра Ивановича Чагина, заместителя Кирова в республиканском ЦК РКП(б). А эти знали больше, чем простые смертные.

Поделиться своими мыслями с Натальей Петровной Приблудной я не мог. Ее уже не было в живых. Умерла она 30 марта 2000 года.



Вот и подходит к завершению мой рассказ о самых значимых встречах в моей жизни, произошедших в поисках знаний о Сергее Есенине. Это были люди, имеющие непосредственно близкое отношение к нашему великому национальному поэту. Среди них особое место занимают три женщины: Александра Спирова, Наталья Приблудная, Надежда Вольпин.

Они были ровесницами двадцатого века. Они помогли мне по-новому увидеть и осмыслить события и жизнь этого века.

Глава III «Радуница»

*Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу...*
С.А. Есенин. 1914 г.

«Уникальное щедро-родственное сообщество «Радуница», — так назвала культуролог из Томска Римма Ивановна Колесникова наше есенинское братство озаренных есенинским поэтическим волшебством людей.

«Радуница» возникла в 1985 году в дни празднования 90-летия со дня рождения Есенина при Москворецком отделении Московского городского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (МГО ВООПИиК). У его истоков стояли ответственный секретарь этого отделения Юлия Алексеевна Романова, племянницы Есенина Татьяна Петровна Флор-Есенина и Наталья Васильевна Есенина, профессор МГУ Виталий Александрович Вдовин, поэт Юрий Александрович Паркаев и библиофил, подполковник в отставке Николай Григорьевич Юсов.

Вокруг инициаторов быстро сплотилась группа любителей Есенина из Москвы и других городов СССР. В декабре 1985 года провели первые Есенинские чтения. Это была встреча есенинолюбов-единомышленников. В эти дни на собрании общества председателем избрали Н.Г. Юсова и решили чтения проводить ежегодно. Молва быстро распространилась по стране, и на



Ю.А. Романова под окнами спальни
Айседоры Дункан в доме
на Кропоткинской, 20.
Москва, 5 октября 1990 года

чтениях в сентябре 1986 года собрались уже любители великого поэта из сорока городов Советского Союза. Это были ученые-литературоведы, педагоги и студенты, музыканты и художники, журналисты, поэты и писатели, рабочие и домохозяйки.

На восьмых чтениях в Туле в сентябре 1988 года единодушно общество было названо по первой книге стихов С.А. Есенина «Радуница».

В энциклопедии «Русская литература» так написано об этом есенинском сборнике: «Книга «Радуница» содержит стихотворения о России, наполненные благоговением перед «родиной кроткою». Общество «Радуница» объединило патриотов России, благоговеющих перед поэзией Есенина.

В 1993 году на чтениях в Липецке радуницы В.И. Синельников (Липецк), П.Н. Пропалов (Вязьма), В.В. Пилипенко (Тула), Л.И. Чернова (Владивосток), Абаполова (Энгельс), В.Е. Кузнецова (Росляково), Т.И. Привалова (Москва), Е.С. Должкова (Новопсков), В.И. Калошин (Владимир), В.В. Николук (Ташкент), Г.И. Шипулина (Баку), В.И. Николаев (Томск-7) сделали доклады о музеях, основанных ими в своих городах.

После того на деятельность «Радуницы» обратил внимание руководитель есенинской группы ИМЛИ Ю.Л. Прокушев. По его предложению на ежегодные есенинские конференции в ИМЛИ стали приглашать членов «Радуницы», их доклады стали включать в планы конференций.

Научное есениноведение слилось с народным, и этот союз существует по сей день.

Общество быстро росло. В 1994 году, в канун 100-летнего юбилея С.А. Есенина, мы с ответственным секретарем общества Ниной Максимовной Солобай решили собрать анкетные данные и фотографии всех членов «Радуницы». Нам удалось собрать данные на 179 человек из 61 города России и СНГ.

После чтений в Ленинграде у меня завязалась оживленная переписка с членами «Радуницы». Наиболее интенсивно она продолжалась в 1989–1991 годах. В эти годы я отправил 106 адресатам 322 письма. Конспекты этих писем сохранились (попробуйте вести переписку с таким количеством людей без конспектов!). В большинстве письма были заказные. В них я посылал статьи о Клюеве и Есенине из томской печати, а также мои фотоснимки (фотография была в то время моим страстным увлечением). Это были фотографии есенинских и клюевских мест, родных и близких Есенина и, конечно, фотографии с Есенинских чтений и праздников есенинской поэзии. Причем, последние всегда печатал по количеству людей на снимке и потом всем рассылал. В домашних условиях часто было невозможно выполнить такой объем работы, поэтому приходилось просить разрешения в нерабочее время печатать в заводской лаборатории. Часто оставался

на объекте на «всеобщую». Однажды за двое суток (с вечера пятницы до утра понедельника) удалось напечатать около 400 фотографий.

Был даже курьезный случай. После возвращения с чтений в Рязани в 1990 году напечатал много сотен фотографий, склеил самодельные конверты, за три дня написал 64 письма, сложил в большую сумку и пришел в 19-е отделение связи. Приемщица, впервые в своей жизни увидев такую огромную кучу писем от одного отправителя, в ужасе широко открыла глаза и тут же позвала заведующую. Та оказалась с понятием и повела меня в свой кабинет: принесла весы, марки, пачку квитанций и оставила работать. Два часа я взвешивал письма, клеил марки, заполнял квитанции, после чего хозяйка кабинета лично проштамповала конверты и подписала квитанции.

В ответ в эти годы я получил 261 письмо от 81 есенинца со статьями о Есенине из местной печати. Ксерокса еще не было, и все статьи поступали в оригинале. Всего за эти годы я получил около 800 писем. Активно поддерживал переписку с москвичами Романовой Ю.А., Алхимовой М.В., Соколовым В.В., Маловой М.И., Сидориной Н.К., Хлысталовым Э.А., Шишковым А.М., Приваловой Т.И., с ленинградцами Бесперстовым В.Я., Карохиным Л.Ф., Васильевым Ю.А., с Синельниковым В.И. из Липецка, Макеевым Н.Н. из Неи, Черновой Л.И. из Владивостока, Гуляевой Т.И. из Барнаула, с Кирилишиным Д.И., Пятак Л.И., Божко В.А. из Харькова, с Николюк В.В. и Зининым С.И. из Ташкента, с Должковой Е.С. из Новопскова, Обыденкиным Н.В. из Рязани, Казаковым А.Л. из Челябинска.

Со вступлением в «Радуницу» число предметов в моей есенинской коллекции очень быстро росло. Это и присланные материалы, и привезенные с есенинских мероприятий, и купленные в нашем городе и Томске.

Имеются записи, показывающие, как росли фонды будущего музея. По каталогу 1986 года в моей коллекции было: книг — 80, газетных и журнальных публикаций — 230, фотографий — 553, писем родных и близких — 101, прочего (бюстов, медалей, значков, афиш, репродукций, марок, конвертов) — 47. На момент вступления в «Радуницу» в 1989 году было: книг — 100, публикаций — 457, фотографий — 800, писем — 150, прочего — 80. Всего 1587 единиц хранения. По каталогу 1999 года в фондах моего частного музея было уже 343 книги, 5083 журнальных и газетных публикаций. Фотографий было более 4000. Всего фонд насчитывал более 10 000 единиц хранения. За 10 лет фонды выросли в пять раз.

Но никакая переписка не заменит тепло и радость живого общения. Мы мечтали о встречах весь год. Многие специально копили деньги на поездки, потому что ездили в основном за свой счет, а встретившись, не могли наговориться, не спали по ночам.

За годы жизни «Радуницы» Есенинские чтения и конференции проводились не только в Москве, Константинове и Рязани, но и в Ленинграде, Липецке, Харькове, Туле, Орле. Их организаторы всегда предусматривали экскурсии по городу и литературным местам. Так мы побывали в Спасском-Лутовиново, Ясной Поляне, в Лицее в Царском Селе, в «Пенатах» в Куоккале. Все это было незабываемо!

В последний раз я встречался с радунинцами в Москве и Константинове в 2000 году на конференции «Мировое значение Есенина». Приезжал тогда со своим внуком Алешей, знакомил его со своим «есенинским миром», мечтал, чтобы он продолжил мое дело. Но Алеша избрал свой путь. Меня это не огорчает — он нашел себя в другой области. Горько то, что болезнь отобрала у меня эту счастливую возможность ежегодной встречи со своими друзьями и единомышленниками.

Восемь лет я не встречался с ними, но всех помню и люблю. Не буду называть всех поименно. Их много. А некоторых уж нет в живых. Для меня есенинцы — это особые люди, товарищи по духу, а жизнь с «Радуницей» — особая, неповторимо прекрасная страница моей биографии.

Особые слова любви, признательности и благодарности мне хочется сказать двум есенинкам — мурманчанке Валентине Евгеньевне Кузнецовой и москвичке Нине Максимовне Солобай, двум моим самым близким друзьям.

С Валентиной Евгеньевной мы познакомились на IV съезде Общества любителей книг РСФСР в ноябре 1989 года. Делегатами были также наши радунинцы В.И. Синельников из Липецка и В.В. Пилипенко из Тулы. Жили мы в гостинице «Россия». В первый же вечер она повела меня к родной сестре Августы Миклашевской А.Л. Спировой, с которой дружила уже несколько лет. Александра Леонидовна относилась к ней как к дочери и называла дочерью, а вскоре и меня принимала как сына. Так с Валентиной мы стали братом и сестрой, и эти родственные связи сохраняем уже два десятилетия. Мы с ней родные по духу, и дух этот — Есенин и Россия.

Особенно часты были наши встречи в 90-е годы, годы расцвета «Радуницы». Мы вместе встречали рассвет на сценическом помосте на берегу Оки в Константинове, ночевали на стульях в кабинете директора Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, коротали ночи на вокзале в Рязани, совершали поездки на электричках на праздники есенинской поэзии, ходили на спектакли Андрея Гончарова в театр имени В.В. Маяковского. Сколько было спето вместе песен, прочитано стихов, рассказано друг другу, написано писем (между прочим, подсчитал — за все годы получил от нее 65 писем)!

Я запомнил ее очень живой, общительной, жизнерадостной, неутомимой, неугомонной; певуньей, заводилой и душой нашей есенинской компании.

С Валентиной нас сближает еще одно обстоятельство: оба мы являемся основателями есенинских музеев. Но Валентина Евгеньевна создала даже два музея: школьный музей в поселке Росляково (1971 год) и общественный музей С.А. Есенина при Мурманской областной детско-юношеской библиотеке (1996 год). Ее музейная деятельность является для меня, как и многих других, примером настоящего мастерства и фанатичной преданности делу. В последние годы посещаемость в ее музее — 8–10 тысяч человек в год! Это огромная цифра, и она говорит о том, что музей очень популярен в Мурманске, а сама Валентина Евгеньевна обладает каким-то магнетическим даром притягивать к музею и поэзии Есенина все новых людей.

Из ее душевных писем я узнаю обо всех ее новостях. Она все та же неутомимая и энергичная: все куда-то едет, участвует, проводит, организует, читает, привлекает.

Она постоянно заботится и о нашем музее — не было еще ни одного письма без какого-либо «приложения». Это и книги, и газетно-журнальные статьи по есенинской, клюевской и рубцовской тематике.

Валентина Евгеньевна добрым словом, советом, своим интересом поддерживает наш музей. Дважды побывала у нас в гостях!

Я был счастлив, что на открытие музея 26 ноября 2000 года приехали наши есенинцы: она, М.И. Малова из Москвы, Т.И. Гуляева из Барнаула разделили со мной эту радость.

Как был счастлив и в 2005 году, когда на 5-летие музея приехали два моих самых близких друга — Валентина Евгеньевна Кузнецова и Нина Максимовна Солобай.

Рассказ о Нине Максимовне Солобай мне хочется начать с воспоминаний о памятных событиях октября 1993 года.



В.Е. Кузнецова —
основатель общественного
музея Сергея Есенина при
Мурманской областной
библиотеке для детей
и юношества



Члены «Радуницы» на экскурсии в литературном музее в Трубниковском переулке. Слева направо: Н.В. Хоперская (Харьков), Т.И. Гуляева (Барнаул), В.В. Баранов (Самара), Н.М. Солобай (Москва), Т.А. Хлебянкина (Талдом), М.В. Алхимова (Москва), П.Н. Пропалов (Вязьма), В.В. Соколов (Москва). Москва, 27 сентября 1997 года

Давно выяснилось, что мы с ней единомышленники не только по Есенину, но имеем одинаковые политические взгляды, что и сблизило нас именно в те трагические дни.

Утром 4 октября мы, радуницы, возвратились из Константинова с праздника есенинской поэзии. В Москве нас ожидала страшная картина: в воздухе кружились вертолеты, слышалась канонада — начался обстрел Белого дома. Весь этот день мы с А.Л. Спировой просидели у телевизора у нее дома. Московское телевидение показывало, как один за другим снаряды попадали в окна дома парламента. 5 октября я захотел прорваться к месту событий, кружил по улицам, наталкивался на заслоны, но не смог добраться до цели.

По вечерам мы созванивались с Ниной Максимовной, были оба взволнованы, обменивались новостями, мнениями и решили 6 октября вместе попытаться дойти до Белого дома. Но нам так и не удалось преодолеть многочисленные кордоны и подойти к эпицентру событий, зато вечером удалось взять билеты в Малый театр. Давали спектакль «Царь Борис». В конце действия один актер многозначительно бросил в зал фразу: «Кто

виноват, что в России царь — убийца»? После спектакля сломя голову побежали по домам, чтобы успеть до наступления комендантского часа.

По возвращении в Северск по горячим следам написал статью о Есенинском празднике и октябрьской трагедии, журналистка Ирина Жилавская опубликовала ее в газете «Томский вестник» под названием «Чувствую в скулах упрямых».

Наша переписка с Ниной Максимовной завязалась в начале 1994 года. С тех пор получил от нее более 50 посланий. В конце 90-х, когда я заболел и практически ни с кем не переписывался, она добровольно взялась поддерживать мои связи с есенинским миром. По ее подробным письмам и сотням фотографий можно написать отдельную книгу — летопись жизни и деятельности «Радуницы».

С 1993 года она является бессменным секретарем «Радуницы» и держит связь со многими ее членами, координирует различные есенинские события. Все, что связано с Есениным, для нее свято. Она очень отзывчивый человек и всегда словом и делом поможет всем, кто нуждается в помощи на «есенинском» пути. Благодаря Нине Максимовне наш музей располагает собранием самых свежих книг и журналов (2-3 раза в год с оказией она посылает нам посылки), от нее узнаем самые последние новости из есенинского мира.

Нина Максимовна по специальности — архивный работник и всю жизнь увлеченно трудилась в различных архивах (но не литературных). После выхода на пенсию ее, как ценного специалиста, пригласили в редколлегию «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина». Она соединила две свои любви — к Есенину и архивам — в одну большую любовь и уже несколько лет по заданию ИМЛИ с энтузиазмом работает в архивах раз-



Н.М. Солобай. Январь 2004 года



С.Д. Умников. Царское Село, 23 сентября 1997 года

ных государственных библиотек: в периодике начала XX века ищет публикации о Есенине. Почти ежедневно на весь день она отправляется в одну из библиотек и просматривает старые подшивки в надежде отыскать хоть какую-нибудь информацию о Есенине. И, конечно, ее пытливость и настойчивость вознаграждены многими находками, которыми она делится со своими коллегами.

Есть у Нины Максимовны и другие увлечения, связанные с Есениным.

Много лет назад начала подрабатывать экскурсоводом. Но в последние годы возит экскурсии чаще всего по есенинским местам: в Константиново, Рязань. Говорит, что в эти места готова приезжать снова и снова.

В Константиново приезжает несколько раз в году: и не только с экскурсиями, но и на различные есенинские мероприятия. И из каждой поездки обязательно привозит фотографии. Фотография — это ее еще одно увлечение. Трудно представить, каких только снимков Константинова у нее нет! Она знает там каждый кустик, каждую кочку, каждый овраг. Ее желание пройти по всем есенинским тропам Рязанщины и запечатлеть все увиденное — достойно восхищения. А про ее снимки хочется сказать, что к фотографии она подходит как художник и как документалист, стремящийся отобразить и красоту есенинских пейзажей, и хронику есенинских событий.

В конце своего повествования хочу вернуться к эпиграфу, немного изменив Есенина:



Библиотека им. С.А. Есенина. Представление книги Л.Ф. Карохина «Есенин и Ганин». Слева направо: Б.В. Стырикович, А.Г. Барсуков, Д.Ф. Екшурский, Л.В. Карохин, Н.Г. Елисеева, В.И. Якушев, Г.В. Стадницкий. Санкт-Петербург, 15 мая 1999 года

*Чую «Радуницу» Божью —
Не напрасно я живу...*

Есенин о нашей «Радунце», конечно, не мог думать и мечтать, и все-таки именно он объединил нас всех, сплотил вокруг себя, наполнил нашу жизнь особым содержанием и смыслом.



А.Л. Казаков (Челябинск), В.И. Николаев (Северск).
Константиново. 3 октября 2000 года



Л.В. Кухто и Н.В. Обыденкин. Рязань. 30 сентября 2005 года



С.Н. Субботин (Троицк, Московская область), Гордон Маквей (Великобритания). Талдом. 5 октября 1995 года



Слева направо: Б.В. Соколов, Е.Н. Астахова, директор ГМЗ С. Есенина, Н.М. Солобай. Константиново. 28 июля 2007 года



Спас-Клепиковская второклассная учительская школа. Ее окончил в 1912 году Сергей Есенин. Слева направо: В.В. Баранов (Куйбышев), А.С. Стефаниди (Ставрополь), Подрез (Ставрополь), Т.И. Гуляева (Барнаул), Л.И. Чернова (Владивосток). Сидят: В.Ю. Чибриков (Куйбышев) и С. Моторин (Вытегра). Спас-Клепики. 2 октября 1990 года



Заккрытие юбилейной Есенинской конференции. Сидят:
А.Н. Азаров (Москва), Ю.Л. Прокушев (Москва), Т.И. Гуляева
(Барнаул). Стоят – члены общества «Радунца». Москва.
5 октября 2000 года



Руководитель Есенинской группы ИМЛИ им А.М. Горького
РАН Гусева-Шубникова представляет книгу «Ваш Есенин».
Константиново. 1 октября 2006 года.
Слева — профессор О.Е. Воронова.



Директор Московского государственного музея С.А. Есенина
С. Шетракова. Москва. ИМЛИ РАН. 30 сентября 2005 года



С.И. Субботин дарит музею Николая Клюева первые три тома
«Летописи жизни и творчества С.А. Есенина». Вытегра.
6 октября 2006 года

Часть III
Доклады, публикации.
Благодарственное слово

Глава I

Великий ученик великих учителей

«Зори меня внешие в радугу свивали...»

Цвет у Есенина — одно из самых важных отличительных свойств поэзии.

Георгий Свиридов. Из книги «Музыка как судьба»

Каждый исследователь, изучая творчество того или иного поэта или прозаика, непременно открывает в нем что-то свое. О творческом наследии Пушкина, Блока, Некрасова, Есенина, Кольцова написаны тысячи могучих трудов. Казалось бы, чем же еще можно удивить искушенного и всезнающего читателя? Неужели это возможно? Оказывается, возможно!

Интересную, очень кропотливую, объемную работу провел северский исследователь, прекрасный знаток творчества этих великих поэтов, основатель общественного литературного музея С. Есенина, член общества «Радуница» Владимир Иванович Николаев, посвятив ее математическому исследованию лексики стихов этих поэтов и сравнительному сопоставлению их творчества с творчеством Сергея Есенина.

Метод математического исследования стихов, выработанный в беседах с сыном Есенина Константином Сергеевичем и одобренный им в 1984 году, впервые был применен В.И. Николаевым в докладе о нежности есенинской поэзии. Он прозвучал в октябре 2000 года в ИМЛИ им. А.М. Горького АНРФ на конференции «Мировое значение Есенина» и высоко был оценен ее участниками.

В работе «Великий ученик великих учителей» предмет исследования Владимиром Ивановичем был значительно расширен. У пяти великих поэтов России: Пушкина, Некрасова, Кольцова, Блока, и их ученика — Есенина он проанализировал 13 основных тем, характерных для поэзии Есенина. Темы он озаглавил так: 1 — мать, 2 — Родина, 3 — душевность, 4 — духовность, 5 — любовь, 6 — нежность, 7 — растения, 8 — животный мир, 9 — небесные светила, 10 — аромат, 11 — цвет, 12 — пированье, 13 — тленность.

Для обеспечения достаточности оценки, когда событие, описываемое числом, подчиняется закону больших чисел, база данных расширена до 3199 больших чисел и составляет 131 923 стихотворных строки пяти поэтов:

Пушкина — 40 826 строк;

Некрасова — 34 674;

Кольцова — 6241;

Есенина — 16 286;
Блока — 33 896 строк.

Ключом к анализу является слово. Есенин любил слово, тщательно подбирал его. Работал над ним. «Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их», — писал он. По всем 13 темам Николаевым подобраны слова, наиболее полно раскрывающие тему. (Например: 4-я тема — духовность: Бог, Божья Матерь, святые пророки, церковь, храм, собор, монастырь, ангел, апостол, волхв, молитва, молиться, икона, алтарь, лампада, ряса, крест, креститься, колокол, колокольный звон, церковная служба, праздник, вера, святые места, священнослужители, монахи, богомольцы, страны, неправославные понятия: боги, богиня, божества.)

Всего выбрано и проанализировано 25 270 слов. Сравнимость результатов обеспечивается отнесением полученных цифровых значений к 10 000 стихотворных строк творчества каждого поэта.

В своей работе В.И. Николаев называет словесные образы Есенина, встречающиеся во всем его поэтическом творчестве более 100 раз:

1. Душа — 170.
2. Синий — 160.
3. Белый — 148.
4. Сердце — 146.
5. Золотой (в понятии цвета) — 139.
6. Конь — 133.
7. Луна — 117.

Каждый из этих образов, яркий, запоминающийся, несет в себе огромную смысловую и художественную нагрузку. Одним из проявлений образности является никем не достижимое богатство цветовой палитры есенинских стихов и аромата их строк.

Цифры, представленные в диаграмме, обращают наше внимание на цвета, которые использовали поэты, создавая свои поэтические образы.

Цветовая характеристика предметов и явлений в стихах — это не просто живописные пятна: это настроение поэтов, их восприятие и понимание зрительных впечатлений, способность видеть и чувствовать прелесть и многогранность окружающего мира. Без цвета не будет так остро ощущаться движение чувств и мысли, их глубина и одухотворенность.

Из диаграмм видно, что наиболее широкая цветовая палитра представлена в стихах Есенина — 56 оттенков! У каждого поэта свой любимый цвет, которому вольно или невольно отдается предпочтение.

Случайность это или закономерность? Или этот выбор является отражением тех личностных характеристик и человеческих качеств, которые присущи каждому человеку? Ведь, как утверждал швейцарский психолог Люшер, создатель универсальной цветовой символики, основанной на ме-

тоде цветового выбора, определенный цвет несет в себе бессознательную информацию о недалеком прошлом и настоящем и оказывает влияние на психику человека, его тревоги и страхи. Судя таблицам и диаграмме, Пушкин и Некрасов отдавали предпочтение красному цвету (у Пушкина красный цвет встречается 40 раз, у Некрасова — 32 раза на 10 000 строк).

*Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.*

*Редает ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена.
(А. Пушкин)*

*На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь.
(Н. Некрасов)*

Достаточно часто употребляется белый цвет (у Пушкина 38 раз, у Некрасова — 26 раз на 10 000 строк).

*Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала.*

*И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов...
(А. Пушкин)*

*Черноброва, статна, словно сахар бела!
Слеза жемчужиной крупной застынет -
Бела и кругла и плотна.
(Н. Некрасов)*

У Блока чаще всего в стихах встречается белый цвет — 114 раз, и 101 раз — красный:

*Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.*

*Из лазурного чертога
Время тайне снизойти.
Белый, белый ангел
Бога Сеет розы на пути.*

*Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке...*

*Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным цветом.*

По определению Люшера, красный цвет — цвет энергии и жизненной силы, цвет желаний и всевозможных склонностей, цвет роскоши, вкуса к жизни и плотской радости. Люди, отдающие предпочтение красному цвету, стремятся к успеху, добиваются его и готовы к новым свершениям. Белый цвет говорит о сдержанности, осторожности, некоторой замкнутости, о желании освободиться от обязательств и ни за что не отвечать.

У Кольцова доминирует черный цвет — 69 раз на 10 000 строк, белый — встречается 59 раз, красный — 53 раза.

*Как черный полог ночь висит,
И даль пространная чернеет...*

*И черные туманы
Скрывают правды свет.*

*Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь.
(А. Кольцов)*

Черный цвет — символ судьбы и смерти, символ отказа, отрицания и полного неприятия, символ абсолютного предела, за которым жизнь прекращается. Человек чувствует, что все идет не так как надо, все без-

рассудно и бессмысленно. Он протестует против этого и восстает против судьбы. Появляется желание все разрушить и начать заново. И совсем непохожими на вышеперечисленные являются цветовые гаммы С. Есенина. Его любимый цвет — синий со множеством его оттенков. Он встречается 147 раз. Белый цвет — 114 раз, оранжевый с оттенками (золотой, рыжий, медный, огненный, цвета в осень) — 107 раз.

*Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза...*

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь...*

*Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...*

*Глупое милое счастье,
Свежая розовость щек!..*

*...Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил...*

*О, Русь, — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску...*

*Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не жаль...*

*Проводов голубая солома
Опрокинулась за окном...*

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...*

*Белая береза
Под моим окном*

*Принакрылась снегом,
Точно серебром...*

*Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заматаю...*

*Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...*

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд...*

*Мне бы только смотреть на тебя
Видеть глаз злато-карий омут...*
(С. Есенин)

Синий цвет символизирует спокойную гладь моря. Говорит о мечтательности, о потребности в чистых отношениях, полных доверия друг к другу, о готовности к согласию, к гармонии, о всеобъемлющей любви к жизни. Белый символизирует уход в себя, в свой внутренний мир, желание «исчезнуть», уйти от нерешенных проблем.

Вместе с мастерской цветописью есенинской речи свойственна песенность, музыкальность. Есенин — непревзойденный певец русской природы. Огромная, заполнившая все его существо любовь к Родине была источником поэтического вдохновения. Все в стихах Есенина наполнено глубоким смыслом: и цвет, и звук, и аромат:

*Я помню время, оно как звук
Стучало клювом в древесный сук...*

*Пью я сухими устами
Ветер благоуханный...*

В передаче запаха, аромата Есенин — недостижим! У Кольцова аромат передается тремя образами на 10 000 строк, у Пушкина — 9 образами, у Блока — 18, а у Есенина — двадцатью пятью! Всего в своих стихах Есенин 41 раз создал образ запаха! И каждый из них неповторим:

*Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной...*

*Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя...*

Сергей Есенин — великий ученик великих учителей!

* Доклад подготовлен Ольгой Конаревой под руководством В.И. Николаева. Опубликовано в журнале «Северский меридиан» (2003 год, № 6–7)

«... Хочет так, чтобы каждый дрожал от щемящего слова «милый»

*«Поверил я алгеброй гармонию...»
А. С. Пушкин. «Моцарт и Сальери»*

Великие люди России назвали главное достоинство есенинской поэзии, достоинство, стирающее языковые барьеры, проникающее в сердца людей всего мира. Это воздействие не зависит от существования наций и партий, классов и религий. Ему не могут противостоять теоретические изыскания, принципиальные убеждения, групповые устремления, сфальсифицированные измышления, сомнительные воспоминания.

Это достоинство — **нежность**.

Оно основано на воздействии на чувство, потребность в котором испытывает всякая сущность на земле и имеющий живое сердце.

Это достоинство превратило творчество Есенина в общечеловеческую ценность. Есенин нашел свою волшебную моцартовскую флейту и сыграл на ней свои волшебные песни. Их услышали и поняли в самых разных уголках мира.

*Быть поэтом — это значит тоже,
Чтобы правды сердца не нарушить.
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

Это свое поэтическое кредо Сергей Александрович Есенин высказал в августе 1925 года. Следовал же ему великий поэт России от первого до последнего своего стиха, даже в самые тяжелые времена в своей жизни и жизни его Родины.

«Такой чудовищной способности изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших — ни у кого из современников», — так Александр Серафимович еще в 1926 году оценил Сергея Есенина. Помочь закреплению истины неопровержимыми математически обоснованными доводами призваны вскрытые этим исследованием результаты.

В 1984 году приятным осенним днем на даче в подмосковной Балашихе в многочасовой доверительной беседе с Константином Сергеевичем Есениным, сыном поэта, автору посчастливилось познакомиться с удивительной и неповторимой системой математизированного изучения и осмысливания жизни российского и мирового футбола. Тогда была высказана идея использования математизированной системы к изучению стихов. Константин Сергеевич заинтересованно поддержал эту идею. Позже мы несколько раз возвращались к этой теме. Преждевременная смерть его и ряд других причин надолго задержали осуществление этого замысла.

Настоящая работа является первой пробой математического анализа стихов.

В анализах социологов важнейшими являются:

1. Точное определение предмета исследования.
2. Набор достаточной базы данных, когда событие, описываемое числом, начинает подчиняться закону больших чисел. Чем большим числом исследуется событие, тем ближе истина.
3. Выбор ключа к анализу.
4. При сопоставлении различных объектов исследования необходимо обеспечить сравнимость результатов, т.е. привести их к единому показателю.

1. Предмет исследования.

Исследуем главную общечеловеческую ценность поэзии Есенина. Определим его одним словом НЕЖНОСТЬ (стихов, поэзии поэта).

2. Применение закона больших чисел.

Для получения достаточной объективности в работе проанализировано всего 3245 стихов.

При этом для достижения абсолютного достижимого на данном этапе результата изучены все опубликованные 432 стиха академического Есенина и 1415 стихов восьмитомного Блока.

Сравнительный анализ стихов поэтов — современников Есенина проведен по однотипным сборникам их стихов, вышедших в серии «XX век. Поэт и время» в 1988–1992 годах. Всего 1032 стиха. Проверочный анализ стихов Пастернака проведен по пятитомнику 1989 года. Всего 366 стихов.

3. Ключ к исследованию.

Тогда же, в 1926 году, А. Серафимович называл богатую гамму есенинских поэтических средств так: «Огромная вселомаящая смелость эпитетов, сравнений, выражений, поэтических построений». А в основе этих, как и других, изобразительных приемов у поэта лежит слово. В начале было слово.

Настроим камертон своего восприятия на тончайшие звуки поэтической лиры Есенина. Поймем, какими звуками стиха проникал он в самые сокровенные, интимнейшие и нежные глубины нашей души. И мы услышим слова: «родной», «милый», «любимый», «дорогой», «ласковый», «нежный». В различных спряжениях, роде и числе, в краткой и полной форме производимых от них глаголов и наречий — они наполнили всю поэзию Есенина. Назовем их все одним понятием НЕЖНЫЕ СТРОКИ. Они и есть выбранный нами ключ для анализа.

4. Обеспечение сравнимости результатов.

Для обеспечения сравнимости результатов при сопоставлении НЕЖНОСТИ поэтов — современников Есенина количество НЕЖНЫХ СЛОВ в их стихах отнесено на каждые 100 страниц сборника.

Краткое описание анализа и основные выводы

Диаграмма I вскрывает и сравнивает НЕЖНОСТЬ стихов девяти великих поэтов России. Эти поэты (кроме Брюсова, Гумилева и Клюева) в 1988 году ИМЛИ и Пушкинским домом с одобрения отделения литературы Академии наук СССР признаны классиками отечественной литературы.

«Миру нужно песенное слово петь по-свойски, даже как лягушка». Выразюсь простым языком — вскрытый исследованием результат поразил автора. На каждые сто страниц стихотворного текста оказалось: у Пастернака — 8, у Мандельштама — 14, у Брюсова — 19, у Гумилева — 20, у Блока — 21, у Цветаевой — 23, у Ахматовой — 30, у Клюева — 36, а у Есенина — 76(!) НЕЖНЫХ СТРОК.

Взрастил «апостол нежный Клюев» свое чадушко, сорвалось оно с его по-монашьи мудрых и ласковых рук и сквозь все потрясения России, сквозь нелепости собственной жизни, преодолевая трагедию своей судьбы, сквозь череду светлых времен и черных лет жестокого двадцатого века поднялось оно на никем не покоренную в этом веке поэтическую Джомолунгму. И стала эта Гора Есенинской Нежности заметной со всех частей света.

Остановимся на подсмотренных при исследовании причинах редкой Нежности Бориса Пастернака.

*Вскачь за громами, за четверкой
Ильи Пророка, под струи*

*Мои телячьи бы восторги,
Телячьи нежности твои.*

Это, оказалось, и было его поэтическое кредо. В 1918 году что-то достало из холода бесстрастности пастернаковской лиры и задело ее нежные струны. Становится слышным слово «любимая» (из всего 13 нежных слов сборника 6 (!) произнесены эпитетом «любимый»). Затем душа замыкается, стихи становятся все более рассудительными, тяжелыми для восприятия, доступными лишь отдельным, интеллектуальным слоям общества, литераторам, да избранным влюбленным в его поэзию.

Примечание: для исключения ошибочности вывода был максимально расширен объем числовой информации. В 366 стихах пятитомного, 1989 года издания Пастернака только 22 Нежных слова. Всего по 6 на каждые 100 стихов. Что еще ниже, чем в сборнике «XX век. Поэт и Время».

Немного о Мандельштаме. Ему нравилось в стихах нежное звучание. В 260 стихах сборника — 42 Нежных образа. Из них 21 создан непосредственно словами «нежный», «нежность». Половина! Такого нет ни у кого из великих поэтов России. Большей песни нежности спеть он не смог. Лексика поэта — отражение заложенного в генах его существа.

О своей лире Есенин сказал: «Лишь только мне она свои вверяла звуки / И песни нежные лишь только пела мне...»

Видно, все же для достижения заоблачных высот в поэзии в двадцатом веке мало было даже «рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души». Надо было иметь еще что-то, Богом данное. Это имел Есенин и поведал о нем нам.

*Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.*

Избалованный столичными литературными салонами, поверивший в свою мифическую, рожденную революцией Инонию, спустил он под гору свою Нежную лиру. Попав в разрушающие живую душу сети имажинизма, она едва не достигнет критической отметки в 19-м году, но уже в 20-м году пятью Нежными словами сделает она подрыв этих сетей. Всего пятью, но какими:

— Милый, милый смешной дуралей...
— О, как мне дороги все те проказы...
— А ты, любимый верный пес
— Мне хочется вам нежное сказать...

А Блок?

Год за годом неумолимая статистика отсчитывает его нежные шаги:
1905 — 15, далее : 9, 11, 10, 12 — 1909.

«Обнаженное человеческое сердце» Блока шепчет:

*Устал я шататься —
И женщин чужих целовать...*

1910 — 7, далее: 5, 3, снова 5, 8, 10.

1916 — 4.

Приоткрывается, наконец, загадка таинственного Блока:

Не для ласковых слов я выковал дух...

1917 — 0...

1918 — тремя Нежными словами обнаружит свое сердце поэт в «Двенадцати».

1919 — снова 0.

1920 — 1.

*И безвозвратно я погиб,
Целуя образ милый,*

— последним нежным словом простится Блок с нами.

1921 год. Россия. Нет Бунина, Куприна, Мережковского, Гиппиус...

Хаос. Голод. Людоедство. Тамбовщина. Кронштадт.

Блок. Тяжело умирает, мечется, отрекается от написанного. Рвется уничтожить рукописи. При волнениях задыхается. Страдает до последней минуты. 7 августа воспевший музыку революции поэт скончался.

У Есенина в 21-м году 11 Нежных слов, 8 из них — в «Пугачеве». Слова:

*А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...,*

— сегодня проникли в каждое услышавшее их сердце.

*О, привет тебе, зверь мой любимый!..
Все же песню отмищенья за гибель
Пропоют мне на том берегу...*

— заключительный Нежный аккорд Есенина, датируемый декабрем 1921 года.

1923 год.

*Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.*

1922 и до 1923 года — 6, с августа 1923 — 26, 1924 — 78, 1925 — 123 (!)
Нежных есенинских слова.

Лжете, господа недоброжелатели Гения!

Не спился, не заболел тяжелой психической болезнью великий русский лирик. Не сломалась и не пошла вниз в 1925 году «кривая» его Нежности, а лишь чуть надломилась в сентябре после того рокового для него и нелепейшего случая в вагоне поезда Баку—Москва и еще выше взметнулась к своей вершине!

Милый мой, ты у меня в груди...

— последним, самым дорогим своим Нежным словом простился он со своим народом.

Список использованной литературы:

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. I, II, III, IV, VII кн. 2. — М., 1995–2000.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. I, II, III, IV, VII кн. 2. — М. — Л, 1960–1961.
3. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 томах. Т. I. — М., 1989.
4. Мандельштам О.Э. Стихотворения. — Томск, 1990.

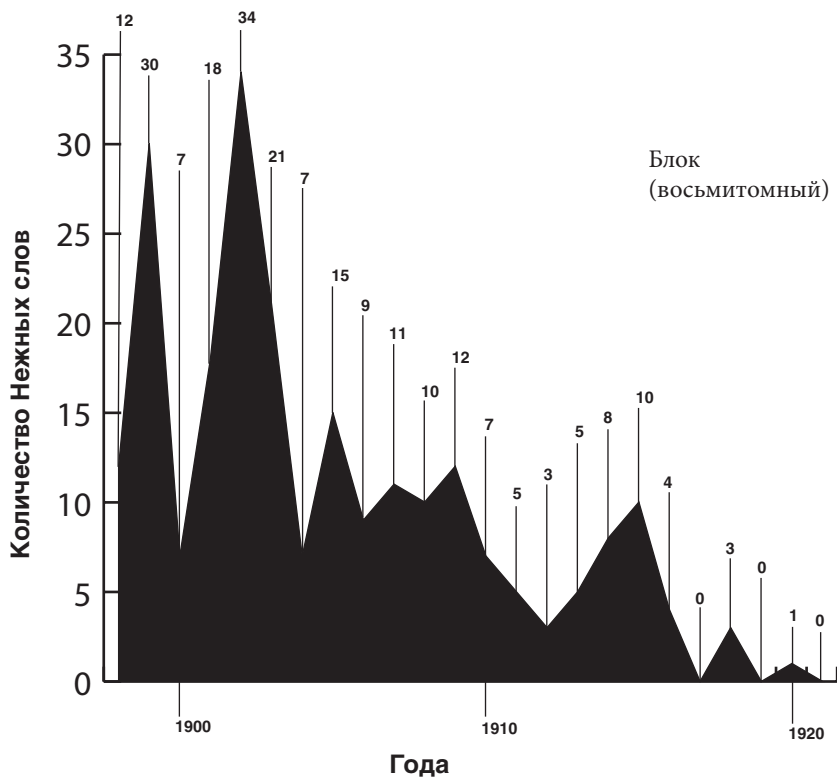
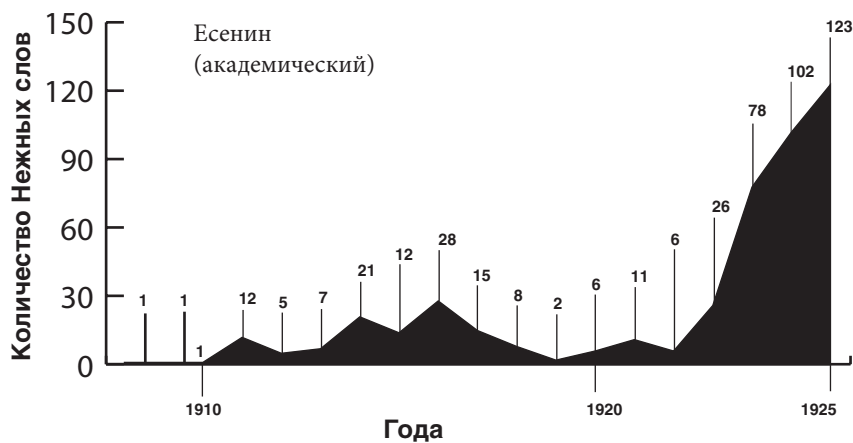
***Доклад прочитан автором на есенинской научной конференции «Мировое значение Есенина» в ИМЛИ имени А.М. Горького, октябрь 2000 г.**

Диаграмма 1



Поэт		Всего в сборнике		Нежные слова							Количество Нежных слов на 100 страниц
		Стихов	Страниц	Всего в сборнике	В том числе						
					Милый	Родной	Любимый	Дорогой	Ласковый, ласка	Нежный, нежность	
1	Есенин	92	155	117	28	26	20	14	12	17	76
2	Клюев	40	116	42	7	22	3	-	5	5	36
3	Ахматова	126	177	53	22	3	5	1	6	16	30
4	Цветаева	149	177	41	8	5	6	-	4	18	23
5	Блок	70	128	27	5	5	4	1	2	10	21
6	Гумилев	106	144	30	13	4	2	2	1	8	20
7	Брюсов	107	153	29	7	6	2	-	2	2	19
8	Мандельштам	260	303	42	8	6	-	-	7	21	14
9	Пастернак	82	173	13	3	2	6	-	-	2	8

Диаграмма 2
 Лексическая «нежность» Есенина и Блока по годам



«Апостол нежный Клюев»: статистический анализ стихотворений

На есенинской конференции в ИМЛИ в 2000 году был проведен сравнительный анализ эпитетов нежности девяти поэтов Серебряного века: Ахматовой, Блока, Брюсова, Гумилева, Есенина, Клюева, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой. Для анализа были взяты книжки стихов поэтов, выпущенные в серии «Поэт и Время». Для оценки использовался метод статистического анализа. Были взяты шесть слов, служащих выражению нежных чувств: «милый», «дорогой», «родной», «любимый», «нежный», «ласковый». Вместе со всеми производными эти слова были подсчитаны в указанных сборниках, для сравнения отнесены на 100 стихотворных страниц каждого сборника и показаны на диаграмме в возрастающем порядке. На первой ступени стоял Пастернак — 8 Нежных слов на 100 страниц сборника, высшую ступень занял Есенин с 76 словами нежности. И стало ясно, что для достижения заоблачных высот в поэзии в XX веке мало было даже «рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души». Надо было иметь еще что-то, Богом данное. Есенин это что-то имел:

*Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.*

Николай Алексеевич Клюев на этой диаграмме занял ступеньку рядом с Есениным, но 36 слов на 100 страниц и 76 слов — разница слишком велика. Есенин же Клюева назвал «апостол нежный». Такая высокая оценка должна была иметь математическое подтверждение. Поиском этого подтверждения и посвящена данная статья. Одновременно проверим справедливость положения Блока в этом ряду.

Увеличим объем числовой информации. Выпишем все эпитеты нежности во всех 519 стихах Санкт-Петербургского собрания стихов Клюева «Сердце единорога», во всех 432 стихах Полного академического собрания сочинений Есенина и в 1340 стихах собрания сочинений в 8 томах Блока.

Выберем наиболее объективный метод сравнения: отнесем количество нежных слов на каждые 10 000 стихотворных строк, написанных поэтами за всю жизнь. На нынешний день у Клюева известно 21 359 таких строк, у Есенина — 16 286, у Блока — 33 716.

Получим: Есенин — 210, Блок — 159, Клюев — 123 нежных слова на каждые 10 000 стихотворных строк. Вновь стихотворная нежность Клюева почти в два раза ниже есенинской. Что же заставило нежнейшего поэта России назвать своего учителя «апостолом нежным»? Посмотрим еще

один нюанс. Выбираем все слова с уменьшительными и уменьшительно-ласкательными суффиксами -еньк, -оньк, -ишк, -юшк, -ок, -ек, -ик, -очек, -ечек, -енок, -еночек, -енныш, -атушк, -инк. Эти суффиксы придают словам ласковое звучание или нежный оттенок.

У Клюева таких слов оказалось 1054, у Есенина — 402, у Блока — 315. В сведении к единому показателю (пересчету на 10 000 строк) это составило, соответственно, 489, 246 и 93, т.е. у Клюева нежно звучащие слова встречаются в стихах почти в полтора раза чаще, чем у Есенина и Блока, вместе взятых!

Рассмотрим эту особенность клюевского стиха более подробно. Объединим все нежно звучащие слова по смысловой принадлежности в 3 раздела и 32 подраздела.

I раздел — человек. Подразделы: мать, отец, дитя, женщина, мужчина, плоть человека, частица его плоти.

II раздел — природа. Подразделы: звери, птицы, рыбы, насекомые, сказочные существа, деревья и кусты, травы, цветы, культурные растения, небесные светила, свет и цвет.

III раздел — быт. Подразделы: окружающая среда — земля, вода, воздух; жилье — селение, усадьба, дом; явления, события; предметы быта и утварь; пища; одежда, обувь, украшения, духовность.

Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами в обращении к человеку (см. I раздел) у Клюева звучат в два с лишним раза чаще, чем у Есенина, по сравнению с Блоком — чаще в пять раз.

Особенно это заметно в отношении к матери. Нежное «матушка», «маменька» у Клюева встречается в стихах 52 раза, что чаще, чем у Есенина, в 3 раза, в 16 раз чаще, чем у Блока. Клюевская нежность обращена к мужчине 85 раз. Это в 3 раза чаще, чем у Есенина, и в 12 раз чаще, чем у Блока. Даже в отношении к женщине нежность Клюева в 1,5 раза превосходит Есенина и в 2 раза Блока.

Интересно отношение анализируемых поэтов к слову «девушка». Сегодня это слово вошло в обиход общепризнанным смыслом, потеряло нежный оттенок звучания, но в начале XX века отношение к нему было другое. У Блока этим словом было «дева». Впервые слово «девушка» он употребил на пятом году своего сознательного творчества — в апреле 1902 года в 502-м своем печатном стихотворении! Есенин, не стесняясь, пишет в стихах слово «девки». Клюев никогда это слово не употреблял.

У Клюева слово «девушка» встречается всего 21 раз, у Есенина — 25, у Блока — 35.

Во II-м разделе следует выделить две особенности Клюева: нежное отношение к зверям и травам.

В III-м разделе у Клюева больше нежнозвучащих слов, относящихся к дому, усадьбе, избе, и значительное превосходство над Есениным и Блоком в проявлении нежности в духовных словах: лампадка, церквушка, образок, крестик, боженка.

Если взять за критерий наиболее любимых слов поэта количество нежных звучаний этих слов, то можно назвать слова, нежно прозвучавшие в стихах Николая Клюева более 10 раз:

Мама	-31	Огонёк	-26
Матушка	-12		
Солнышко	-12	Берёзка	-23
Слезинка	-11	Девушка	-21
Печурка	-11	Душенька	-16
Церквушка	-10	Аринушка	-10
Избушка	-14	Детинушка	-10
Горенка	-15	Лосёнок	-13

В строке Есенина, положенной в название статьи, звучит слово «апостол». Для обоснования такого определения, данного Есениным Клюеву, была лексически подтверждена духовность стихов Клюева в сравнении со стихами Есенина и Блока.

Слова распределены по подразделам: Бог, Божья мать, святые ангелы, церковь, молитва (молиться), крест (креститься), церковная служба, песнопение, церковные праздники, церковная утварь, церковные книги, церковная одежда, часть церкви, святые места, церковные служащие, иерархия, богомольцы, старообрядчество.

Всего духовных слов у Клюева оказалось 1132; у Есенина — 475; у Блока — 620. В пересчете на 10 000 стихотворных строк соответственно, 530, 268 и 183, т.е. — у Клюева значительно больше, чем у Есенина и Блока.

Для них Клюев действительно был апостолом.

*Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.*

1. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. — М., 1989.
2. Блок А.А. Стихотворения. — М., 1988.
3. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. — М-Л., 1960–1961.
4. Брюсов В.Я. Стихотворения. — М., 1989.
5. Гумилев Н.С. Стихотворения. — М., 1989.

6. Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. — М., 1989.
7. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — М., 1999.
8. Клюев Н.А. Стихотворения и поэмы. — М., 1989.
9. Клюев Н.А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. — СПб., 1999.
10. Мандельштам О.Э. Стихотворения. — Томск, 1990.
11. Пастернак Б.Л. Стихотворения. — М., 1989.
12. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. — М., 1989.

*** Доклад опубликован в сборнике:**

Николай Клюев: образ мира и судьба. Сборник статей / Томск. гос. ун-т. — Томск: Сибирика, 2005. — 311 с. Подготовлен В.И. Николаевым и В.Г. Солоненко

«Орган, созданный природой...»

(Из статистических наблюдений над образами животных в творчестве С.А. Есенина)

*«Есенин не столько человек,
сколько орган, созданный
природой для выражения... любви
ко всему живому в мире...»
Максим Горький*

Любовь ко всему живому в мире Есенин унаследовал от своего отца Александра Никитича.

Неисчерпаемая любовь Есенина к природе: зверям, птицам, деревьям, травам, растениям, цветам — отчетливо видна в его поэтической лексике. На страницах «Полного собрания сочинений» в 16 286 строках его стихов живут 65 видов растений и 81 вид животных, возникая перед нами 1118 раз. Это близко к Пушкину (1153 раза) и заметно больше, чем у других его учителей: Некрасова, Кольцова, Блока.

В природе Есенин искал утешение своей душе. Он тянулся к природе, любил ее.

*Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.*

Природа отвечала ему взаимностью, дарила ему из своих кладезей самое лучшее.

*Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве.
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Эти слова были бы достойным эпиграфом ко всей жизни и творчеству поэтического гения России. Подобно воспевшему розу Блоку (165 образов — треть от всех растений, живущих в его стихах), названному современниками певцом Креста и Розы, Есенина можно назвать певцом Березы (72 образа). Каждая шестая строка из почти пятисот их, воспевающих мир растений, посвящена березе.

*За голые колени
Он обнимал меня,*

— почти шепотом вещает береза о любви поэта к ней. В начале поэтической жизни Есенина дед давал ему наказ:

*Пиши про рожь,
Но больше про кобыл...*

И он писал. Рожь — следующее за березой любимое растение Есенина (30 образов). Как и все поэты — учителя его, Есенин отдал дань образу коня (133 образа). Во всех своих стихах, кроме не оконченных в рукописи и коллективно написанных, Пушкин создал 289 образов коня, Некрасов — 201, Блок — 97, Кольцов — 31. Пушкинские кони Петра и вещего Олега, увядший в сугробе некрасовский Савраска — были идеалом для ученика великих учителей. И он создал образы оглоблинской «шкети» и коней с колокольчиком, хохочущим до слез.

Но подлинный гимн Есенин создал собаке (60 образов). Глаза его «рыжей суки», покотившиеся золотыми звездами в снег, и «милая доверчивая приятца» Джима не уступают ни в чем образам, созданным поэтом-охотником Некрасовым.

Очень часто встречаются на есенинских страницах животные. 34 зверя, 40 птиц, 8 рыб 650 раз появляются в его стихах. К ним 17 раз Есенин обращается с нежным словом («милый», «любимый» и др.). Заметим, что гордый, недоступный Блок позволил сделать это только один раз!

Твари милые, небывалые,

— писал он, обращаясь к светлячкам. Особенностью есенинского стиха

является применение уменьшительно-ласкательных суффиксов к животным. В его стихах живут лебедушка с лебегатушками, клененочек, цыпущки, петушок, жеребенок, котенок, тигренок, воробышек.

*Тихий отрок, чувствующий кротко,
Голубей целующий в уста...*

Есенин ласково обращается к своим друзьям:

Каждый стих мой душу зверя лечит.

В природе, среди деревьев, трав, цветов, у своих друзей — зверей и птиц — Есенин находит радость и полноту бытия.

***Обобщенные данные по результатам проведенных наблюдений см. в прилагаемой таблице.**

***Доклад опубликован в сборнике:**

Есенин и поэзия России XX–XXI веков: Традиции и новаторство: Материалы международной научной конференции / Под ред. О.Е. Вороновой, А.Н. Захарова. — Рязань: РГПУ, 2004.

Животный мир

Пушкин	Некрасов	Кольцов	Блок	Есенин
СС в 3 т.	СС в 3 т.	ПСС в 1 т.	СС в 8 т.	ПСС в 7 т.
ЗВЕРИ				
36 видов 556 образов:	28 видов 532 образа:	5 видов 41 образ:	32 вида 245 образов:	35 видов 386 образов:
Конь — 289 Собака — 39 Медведь — 39 Змея — 33 Белка — 17 Волк — 15 Кошка — 14 Заяц — 13 Лев — 9 Олень — 7 Мышь — 7 Жаба — 7 Обезьяна — 6 Лиса — 5 Вол — 5 Коза — 5 Соболь — 4 Осёл — 4 Лягушка — 4 Овца — 3 Лань — 3 Крыса — 3 Серна — 3 Корова — 3 Байбак — 2 Верблюд — 2 Бобёр — 2 Ёж — 2 Сайгак — 2 Тигр — 2 Рысь — 2 Поросёнок — 1 Горностай — 1 Буйвол — 1 Лань — 1 Бык — 1	Конь — 201 Собака — 83 Корова — 45 Медведь — 41 Волк — 37 Заяц — 36 Овца — 13 Змея — 13 Свинья — 12 Кошка — 7 Лиса — 7 Соболь — 6 Коза — 5 Белка — 4 Мышь — 4 Лев — 3 Баран — 3 Крыса — 2 Рысь — 1 Ёж — 1 Осёл — 1 Верблюд — 1 Тигр — 1 Мартышка — 1 Обезьяна — 1 Гиппопотам — 1 Песец — 1 Уж — 1	Конь — 31 Овца — 5 Вол — 2 Змея — 2	Конь — 97 Змея — 42 Пёс — 29 Лев — 12 Осёл — 9 Кошка — 6 Овца — 6 Волк — 5 Тигр — 5 Мышь — 4 Олень — 3 Жаба — 3 Заяц — 3 Соболь — 2 Лань — 2 Бегемот — 1 Медведица — 1 Лягушка — 1 Гиена — 1 Козёл — 1 Кролик — 1 Ехидна — 1 Барсук — 1 Леопард — 1 Пума — 1 Пантера — 1 Рысь — 1 Газель — 1 Крот — 1 Бычок — 1 Свинья — 1 Летучая мышь — 1	Конь — 133 Собака — 60 Корова — 40 Волк — 27 Овца — 17 Кошка — 16 Лягушка — 10 Заяц — 9 Змея — 9 Медведь — 7 Мышь — 7 Лиса — 5 Вол — 5 Крыса — 4 Жаба — 4 Осёл — 4 Баран — 3 Горилла — 3 Коза — 3 Белка — 2 Верблюд — 2 Слон — 2 Свинья — 2 Ягнёнок — 1 Соболь — 1 Суслик — 1 Тигрёнок — 1 Поросёнок — 1 Бык — 1 Лось — 1 Олень — 1 Львица — 1 Шакал — 1 Выдра — 1 Тюлень — 1

Мир природы в поэзии Н.А. Клюева

Основателем Северского общественного музея С. Есенина В.И. Николаевым разработан и опробован в докладах, прочитанных на есенинских конференциях, проводимых ИМЛИ им. Горького, РГПУ им. С.А. Есенина и ГМЗЕ, лирико-математический метод анализа стихотворений. Доклады одобрены конференциями и публикуются в сборниках.

В основе метода положена количественная оценка употребления того или иного слова в стихотворениях в рамках определенной темы.

Основополагающими являются 4 основных принципа анализа:

1. Однозначность и точность определения предмета анализа. В предлагаемом докладе это мир природы в стихах Н.А. Клюева. Животные: звери, рыбы, птицы. Растения: деревья и кустарники, травы, цветы, культурные растения. Небесные светила и явления: солнце, луна, месяц, звезды, заря, закат.

2. Выбор ключевых для анализа слов. В данном случае нужно иметь в виду, что поэт в стихах иногда употребляет местные названия животных и растений. В этом случае их общеизвестные названия являются ключевыми словами (напр., желна — дятел, загозынька — кукушка, витлюк — кулик, векша — белка и др.). Ключевыми словами могут быть только одушевленные лица и предметы (напр., для слова «медвежий» ключевым является «медведь»).

3. Исследование максимально большего количества информации. Чем большим числом описывается предмет, тем полнее он подчиняется закону больших чисел. В нашем случае взяты для анализа все 1430 стихотворных произведений 8-томного Блока, 432 стиха Полного академического собрания сочинений Есенина и 519 стихов Санкт-Петербургского собрания Клюева «Сердце Единорога».

4. При сравнении (сопоставлении) вскрытых исследованием цифровых данных сравнимость результатов обеспечивается отнесением их к каждому 10 000 написанных этими поэтами стихотворных строк. В указанных в третьем пункте источниках таких строк:

у Блока — 33 716,

у Есенина — 16 286,

у Клюева — 21 359.

А теперь перейдем к теме исследования.

*Нет прекраснее народа,
У которого в глазницах,
Бороздя раздумий воды,
Лебедей плывет станица!
Нет премудрее народа,
У которого в межбровье —*

*Голубых лосей зимовье,
Бор незнаемый кедровый...*

«Олонецкий ведун» Н.А. Клюев воплотил в этих строчках лучшие черты своего народа, его неразделимую связь с миром природы.

Результаты исследований по данной теме приведены в трех прилагаемых таблицах. Остановимся подробнее на таблице I — «Сравнительный количественно-лексический анализ мира природы в стихах Блока, Есенина, Клюева».

На страницах клюевских стихов образы животных и растений встречаются более чем в два раза чаще, чем в стихах Блока и Есенина вместе взятых: у Клюева животные — 1059 раз на каждые 10 000 строк, растения — по 631 разу; у Есенина и Блока — животные по 127 и 336 раз, растения — по 127 и 296 раз соответственно.

Особое внимание нужно обратить на отношение Клюева к рыбам. В его стихах 30 различных видов рыб встречаются 158 раз! У Блока рыбный мир представлен одним (!) дельфином, у Есенина всего 8 образов рыб.

*Эти вести — рыба стая,
Что плывет, резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь с Волды,
Лещ с Мегры, где ставят мерды,
Бок изодран в лютой драке
За лазурную плотицу...*

Большой любовью пользуются у него и птицы. 1155 раз встречаются в его стихах образы птиц! Это по 540 раз на каждые 10 000 строк. А у Блока и Есенина — по 55 и 153 раза соответственно. Большой любитель-охотник Н.А. Некрасов, исходивший с ружьем все «болотистые», «низменные» края своей земли, описал в своих стихах 37 видов птиц, Клюев же — 83 вида! Любимая птица Блока — соловей (53 образа), у Есенина — лебедь (31 образ). У Клюева — тоже лебедь. 114 раз он покорила его поэтическое воображение.

*И вот, как девушки, загадки
Покровы сняли предо мной
И первородной наготой
Под древом жизни воссияли,
Как лебеди в речном опале,
Плеща, любят себя!..*



Экспозиция , посвященная Н.А. Клюеву
(Северский общественный музей С. Есенина)

Ворона встречается у Клюева 90 раз, орел — 70 раз. 69 раз Николай Алексеевич прибегает к созданию образов мифических, сказочных птиц Сирина, Алконоста, Гамаюна, Финиста, Феникса, Жар-птицы, Кувы Красного ворона, Роха.

Самым любимым животным у Клюева, как и у Блока, Есенина, Пушкина, Некрасова, Кольцова, является конь.

*Прообраз всевышних, крылатых коней –
Смиренный коняга, страж жизни моей...*

Со страниц его стихов «смиренный коняга» встает перед нами 133 раза, столько же, сколько у Есенина. Подлинным героем клюевских стихов является медведь — 95 образов (тотемное животное на русском Севере).

Из 43 видов деревьев и кустарников, воспетых Клеуевым, 3 дерева дали две пятых всех образов: ель — 114, береза — 83, сосна — 71 образ.

*Три тысячи сосен — печальных сестер
Рядил в аксамиты и пестовал бор:
Пустынные девы всегда под фатой,*

*Зимой в горностаях, в убрусах весной,
С кудрявым Купалой единожды в год
Водили в тайге золотой хоровод
И вновь засыпали в смолистых фатах.*

34 вида цветов показал Клюев в стихах. Это столько же, сколько у Блока и Есенина, вместе взятых.

*Дитя родное! Меж цветов
Благоухает лепестков
Звенящий шорох. Это песни.
За них стань прахом и воскресни...*

Современники называли Блока певцом Розы и Креста. 165 раз возникает перед нами образ розы в его стихах. У Клюева роза тоже самый любимый цветок. И хотя в его стихах она «живет» значительно реже, чем у Блока, — лишь 35 раз, но по силе образа у Клюева иногда она не уступает блоковской.

*Чтоб пахнуло розой от страниц
И стихотворенье садом стало,
Барабанной переключки мало...*

Н.А. Клюев, как истинно крестьянский русский поэт, хорошо зная крестьянский быт, с любовью заселил свои стихи образами культурных растений. На страницах его стихов читатель встретит 269 образов 44 видов культурных растений. По плотности (насыщенности) стиха: 128 образов на каждые 10 000 строк. Это более чем в два раза больше, чем у Блока, Есенина, Некрасова, Кольцова, Пушкина, вместе взятых. У них у всех суммарно 57 образов на каждые 10 000 строк. У Клюева этот список возглавляет лен (всего 36 образов), за ним идут рожь (31) и виноград (27 образов). Есть даже финик, банан, миндаль.

Для Клюева характерно употребление в крестьянских стихах названий растений и животных, невиданных на Севере, таких как мимоза и кипарис, олеандр и магнолия, страус и фламинго, зебра и ягуар и др.

*Над избой взрастут баобабы,
Приютит хлевушка тигрят,
За тресковой ухой арабы
Поведут пустынный обряд.*

Эти строки подтверждают вселенское мышление крестьянского поэта. Он мечтал:

*Журавлями русские думы
Взбродзят Таити зенит.*

Клюевские животные и растения живут в постоянном свете небесных светил и явлений. Этот свет в клюевских стихах встречается чаще, чем у Блока и у Есенина. Причем, если у Есенина любимица Луна появляется 117 раз, а Блок более всего любит звезды — 263 образа, Клюев первенство отдает солнцу — 183 образа, причем 12 раз обращается к нему уменьшительно-ласкательно.

*Солнышко-светик! Согрей мужика!
В сердце моем гробовая тоска...*

Нежные, лирические нотки очень характерны для поэзии Клюева. Более 200 раз обращается он к растениям и животным, употребляя уменьшительно-ласкательные суффиксы. И в этом видится, конечно, огромная любовь поэта к миру природы, нежность, щемящая русскую душу.

*И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.*

*Елушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришел до вас...*

Мир природы в клюевской поэзии, такой разнообразный и богатый, таинственный и прекрасный, органично существует с миром человеческим с его крестьянской патриархальностью, религиозностью, мистицизмом. Часто у Клюева образы растений и животных являются образами-символами, которые помогают лучше понять глубокий философский смысл его стихов. А некоторые образы отмечены Богом, осенены православным крестом.

*Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустевшей избушкой...*

Мир природы помогает Клюеву ярче, красочнее, выразительнее соз-

дать свою картину мироздания и показать свое отношение к различным явлениям жизни, полнее раскрыть человеческие чувства своих героев и свои личные чувства.

*Бреду тропинкою медвежьей...
Уж сорок пять лесных пролетий
Совятами у смерти в сети, —
Их палый пух — мои стихи.
...Я — пихта ярая, поэт,
Ищу любви, как лось сохатый...*

Список использованной литературы:

1. Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург. Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 1999 г.
2. Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах. Москва — Ленинград. Художественная литература. 1960–1961 гг. Тома 1, 2, 3, 4.
3. Сергей Есенин. Полное собрание сочинений в семи томах. Москва. Наука. — Голос. 1995–2001 гг. Тома 1, 2, 3, 4, 7 (2 кн.).
4. Алексей Кольцов. Полное собрание сочинений. Ленинград. Советский писатель. 1958 г.
5. А.С. Пушкин. Сочинения в трех томах. Москва. Художественная литература. 1985 г. Тома 1, 2.
6. Н.А. Некрасов. Сочинения в трех томах. Москва. Художественная литература. 1959 г. Тома 1, 2, 3.

*** Доклад опубликован в сборнике:**

XXI век на пути к Клюеву: Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвященной 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева. 21–25 сентября 2004 г. — Петрозаводск, 2006.

Таблица I
Сравнительный количественно-лексический анализ мира природы
в стихах Блока, Есенина и Клюева

Поэт	Блок		Есенин		Клюев	
Первоисточник	СС в 8-ми томах		ПСС в 7-ми томах		СС в 2-х томах	
Количество стихотворных строк в первоисточнике	33716		162286		21359	
Животный мир						
1. Звери	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк	всего	на10000 строк
видов	35		35		60	
образов	245	73	286	171	952	446
2. Рыбы						
видов	1		6		30	
образов	1	(0.3)	8	5	158	73
3. Птицы						
видов	22		40		83	
образов	183	55	256	153	1155	540
Мир растений						
1. Деревья и кустарники	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк
видов	23		24		43	
образов	148	44	287	172	698	326
2. Травы						
видов	6		11		38	
образов	33	10	38	23	107	50
3. Цветы						
видов	14		20		34	
образов	232	69	80	48	223	104
Культурные растения						
видов	5		10		47	
образов	10	3	63	38	274	128
Небесные светила и явления						
	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк
Солнце	141		89		183	
Луна	77		117		97	
Месяц	58		87		36	
Звезды	263		89		165	
Заря	196		77		165	
Закат	74		14		61	
Итого образов						
	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк	всего	на 10000 строк
Животных	429	127	550	336	2266	1050
Растений	423	125	486	296	1293	631
Небесных светил	809	240	473	286	707	329

Таблица II
Численность животных в стихах Н. А. Клюева

Звери							
1. Конь	133	16.Морж	16	32. Песец	5	48. Ягуар	2
2. Медведь	195	17.Лиса	16	33. Куница	5	49. Крыса	2
3. Змея	71	18. Тигр	16	34. Кабан	5	50. Уж	2
4. Лось	56	19. Коза	14	35. Пингвин	4	51. Веприца	2
5. Волк	52	20. Горностай	11	36. Верблюд	4	52. Нерпа	2
6. Корова	42	21. Бобёр	11	37. Леопард	4	53. Антилопа	1
7. Олень	40	22. Соболь	11	38. Еж	4	54. Пума	1
8. Собака	39	23. Тур	10	39.Вол	4	55. Суслик	1
9. Енот	37	24. Крот	8	40. Тюлень	4	56. Хомяк	1
10. Лев	36	25. Выдра	7	41. Хорёк	3	57. Як	1
11. Белка	32	26.Росомаха	7	42. Ящер	3	58. Ишак	1
12. Овца	29	27. Боров	7	43. Барс	3	59. Морская корова	1
13. Рысь	23	28. Бык	6	44. Барсук	3	60. Зебра	1
14. Кот	23	29. Осёл	6	45. Слон	2	61. Коток	1
15. Заяц	21	30. Гиена	6	46. Обезьяна	2		
		31. Мышь	6	47. Косуля	2	Всего образов	651
Рыбы							
1. Кит	31	9. Треска	8	17. Язь	3	24. Кета	1
2. Сом	10	10. Окунь	7	18. Семга	3	25. Плотица	1
3. Кашалот	9	11. Ёрш	7	19. Форель	3	26. Омуль	1
4.Налим	9	12. Щука	6	20.Дельфин	2	27. Пескарь	1
5. Лещ	8	13. Лосось	5	21. Карась	2	28. Краб	1
6. Сельдь	8	14. Стерлядь	5	22.Золотая рыбка	2	29. Рак	1
7. Сиг	8	15. Камбала	4			30. Котик	1
8. Белуга	8	16. Акула	3	23. Угорь	1	Всего образов	158
Птицы							
1. Лебедь	114	23. Синица	13	45. Страус	4	67. Гриф	1
2. Ворона	90	24. Малиновка	12	46. Рябчик	3	68. Казарка	1
3. Орёл	70	25. Касатка	12	47. Аист	3	69. Перепелка	1
4. Гусь	43	26. Зяблик	12	48. Скворец	3	70. Буревестник	1
5. Павлин	42	27. Тетерка	11	49. Чирок	3	71. Дупель	1
6. Чайка	37	28. Щегол	11	50. Стриж	3	72. Бребезда	1
7. Голубь	36	29. Кречет	9	51. Беркут	2	73. Лирохвост	1
8. Гага (гага)	35	30. Иволга	8	52. Веснянка	2	74. Морянка	1
9. Петух	33	31. Сыч	7	53. Витюк	2	75. Колибри	1
10. Журавль	32	32. Коршун	7	54. Кулик	2		
11. Сорока	32	33. Воробей	6	55. Фазан	2	Мифические и сказочные птицы:	
12. Сова	31	34. Галка	6	56. Зимородок	2		
13. Курица	28	35. Зарянка	6	57. Кондор	2	76. Сирин	37
14. Жаворонок	27	36. Бекас	5	58. Клест	2	77. Алконост	11
15. Кукушка	26	37. Дятел	5	59. Коноплянка	1	78. Гамаюн	10
16. Сокол	25	38. Горлица	5	60. Косач	1	79. Финист	5
17. Утка	25	39. Грач	5	61. Цапля	1	80. Феникс	1
18. Ласточка	17	40. Альбатрос	4	62. Дрофа	1	81. Кува (Красный ворон)	1
19. Филин	15	41. Дрозд	4	63. Сайка	1		
20. Глухарь	15	42. Коропаты	4	64. Фламинго	1	82. Рох	1
21. Соловей	13	43. Попугай	4	65. Горихвостка	1	83. Жар-птица	1
22. Снегирь	13	44. Пингвин	4	66. Овсянка	1	Всего образов	1

Таблица III
Растения в стихах Н.А. Клюева

Деревья и кустарники							
1. Ель	114	12. Липа	22	23. Вяз	6	34. Пальма	2
2. Берёза	83	13. Пихта	16	24. Ольха	6	35. Тимьян	2
3. Сосна	71	14. Рябина	15	25. Вереск	4	36. Мимоза	1
4. Ракита	45	15. Терновник	14	26. Граб	4	37. Терн	1
5. Кедр	45	16. Калина	12	27. Дозняк	3	38. Тамарис	1
6. Дуб	40	17. Кипарис	11	28. Можжевель	3	39. Миндаль	1
7. Ива	33	18. Тополь	10	29. Тальник	3	40. Лаванда	1
8. Вербa	32	19. Баобаб	8	30. Слива	3	42. Акация	1
9. Черёмуха	25	20. Клён	8	31. Ясень	2	43. Осокорь	1
10. Яблоня	25	21. Смоковница	8	32. Вишня	2	44. Тамаринд	1
11. Осина	23	22. Ветла	6	33. Платан	2	Всего образов	698
Травы							
1. Ковыль	18	11. Белена	3	21. Горынь-травa	1	31. Пупырь	1
2. Полынь	10	12. Плакун	2	22. Призор	1	32. Пестрец	1
3. Конопля	9	13. Волчяк	2	23. Неедок	1	33. Курослеп	1
4. Осока	7	14. Чернобыль	2	24. Бодяга	1	34. Имболь	1
5. Лопух	6	15. Барвинок	2	25. Чертополох	1	35. Волченец	1
6. Мурава	6	16. Душица	2	26. Крапива	1	36. Бамбук	1
7. Клевер	4	17. Береклест	2	27. Смолка	1	37. Адамово	
8. Лебеда	4	18. Имбирь	2	28. Бузина	1	дерево	1
9. Анис	3	19. Педрец	1	29. Купырь	1	38. Аир	1
10. Камыш	3	20. Певун-травa	1	30. Молочай	1	Всего образов	107
Цветы							
1. Роза	35	10. Кашка	9	19. Тюльпан	5	28. Олеандр	1
2. Кувшинка	24	11. Гвоздика	8	20. Левкой	4	29. Хризантема	1
3. Василёк	21	12. Герань	8	21. Одуванчик	3	30. Маргаритка	1
4. Мак	17	13. Резеда	7	22. Ирис	2	31. Медунница	1
5. Ландыш	16	14. Шиповник	6	23. Бальзамин	2	32. Лютик	1
6. Незабудка	14	15. Сирень	6	24. Колокольчик	2	33. Магнолия	1
7. Фиалка	14	16. Жасмин	6	25. Ноготки	2	34. Нарцисс	1
8. Подснежник	13	17. Лилия	5	26. Львиный зев	2		
9. Ромашка	11	18. Повелика	5	27. Мята	2	Всего образов	223
Культурные растения							
1. Лён	36	13. Капуста	6	25. Арбуз	2	37. Коринка	1
2. Рожь	31	14. Гречиха	6	26. Брусника	2	38. Миндаль	1
3. Виноград	27	15. Морошка	6	27. Жимолость	2	39. Огурец	1
4. Пшеница	17	16. Горох	5	28. Костеника	2	40. Смородина	1
5. Озимь	13	17. Репа	4	29. Лук	2	41. Укроп	1
6. Земляника	12	18. Редька	4	30. Финик	2	42. Черешня	1
7. Малина	12	19. Картофель	4	31. Хмель	2	43. Черника	1
8. Грибы	10	20. Голубика	4	32. Банан	1	44. Цикорий	1
9. Ячмень	9	21. Барбарис	3	33. Брюква	1		
10. Овёс	8	22. Морковь	3	34. Веник	1		
11. Просо	8	23. Вишня	3	35. Клюква	1		
12. Яблоко	8	24. Подсолнух	3	36. Кабачок	1	Всего образов	269

Глава II Эхо событий

«Я последний поэт деревни»

Девяносто пять лет назад три дня — 20, 21 и 22 сентября — ликовала Рязань. Счастливые горожане заполнили Кремль и аллеи на высоком красивом берегу Трубежа. Играл оркестр. Разноцветные огни фейерверков освещали радостные лица.

И кто его знает, может быть, в недалеком будущем кто-нибудь, сев в летающую тарелку (уж если летают, то почему бы не сесть) и, с высоты их мистического полета заглянув в прошлое, вдруг увидит, что не только восьмисотлетнему своему юбилею радовалась Рязань, а было для них знамение — рождение в это время (21 сентября по старому стилю) рядом, в раздольном приокском селе Константинове, великого голубоглазого рязанца Сергея Есенина.

*Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.*

А что? Не под радостные ли только песни народа может родиться великий поэт — песнотворец народный? И не потому ли мы так долго ждем (и пока бесполезно) рождения нового поэтического гения?

Многострадальная судьба Есенина. Шестьдесят пять лет назад его называли великим, а только недавно стали отмечать его день рождения.

В этом году праздник проходил широко, в рамках фестиваля «Есенинская Русь». Участвовали многочисленные хоровые коллективы и ансамбли области, хоровая капелла имени Юрлова, Рязанский государственный русский народный хор, чтецы и артисты страны.

28 сентября в здании областного общества «Знание» начались организованные Всесоюзным есенинским обществом «Радуница» XII Есенинские чтения.

Страстные собиратели есенинских материалов, пытливые исследователи и убежденные пропагандисты его творчества приехали на чтения из 32 городов Союза. Из Баку и Барнаула, Мурманска и Москвы, Ленинграда и Липецка, Вытегры и Вязьмы, Самары и Саратова, Челябинска и Черкесска, Владимира и Владивостока, Тулы и Ташкента и т.д.

Вместе с профессорами-филологами, литературоведами и писателями выходили на трибуну с докладами и сообщениями рабочие, инженеры, врачи, библиотекари, военнослужащие, студенты.

Гостеприимные рязанские книголюбы из клуба «Сергей Есенин», на чьи плечи легли сложности по организации чтений, сделали все, чтобы

приехавшие на земле Есенина чувствовали себя как дома.

Наконец, центр праздника перешел в родное есенинское село. Гордо и уверенно стоит оно на высоком берегу Оки. Его название — Константиново — в ряду других наших святынь, таких как: Шахматово, Тарханы, Карабиха, Ясная Поляна, Михайловское. Заметим — да ведь это все русские села. Большинство и думать не хочет, что Пушкин родился в Москве. Колыбелью пушкинского гения в нашем сознании было и останется Михайловское. Знать, не в пыли городов, а в «травном одеяле» должен родиться поэт на Руси, чтобы стать выразителем чувств и стремлений народа, его воли и желания, чаяний и надежд.

Со всех деревень Рязанщины приехали в Константиново самодеятельные артисты. Всюду песни, переливы гармошек и балалаек. Всюду роскошные русские сарафаны и вышитые рубашки.

Праздник продолжился большим литературным митингом в ставшем уже традиционном месте. Это большая поляна на берегу у края обрыва. Отсюда видно целых три извива Оки, уходящей в бесконечную заокскую даль.

Наверное, еще одно непереносимое условие рождения большого художника — красота места, где он родился. Не здесь ли формировалось есенинское вселенское, космическое восприятие бытия?

*Там за млечными холмами,
Средь небесных тополей
Опрокинулся над нами
Среброструнный Водолей.*

Не отсюда ли видел есенинский гений Землю, входящую к концу нынешнего тысячелетия в созвездие Водолея? И это означает, по предсказаниям астрологов, рождение эры, когда идеалы добра, человечности, отказ от жестокости и насилия будут доминировать в отношениях между людьми. И главную роль в этом будет играть Россия. И не отсюда ли Есенин увидел это время, и написал:

*Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет боль и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть Земли
С названьем кратким Русь.*

Приятным событием было участие в митинге первого секретаря Рязанского обкома Л. Хитруна. Не в обращении ли лицом к культуре и традициям своего народа лежит будущее возрождение благородных устремлений истинных носителей почти забытой и затоптанной уже общечеловеческой коммунистической идеи!

После митинга было еще одно очень значимое событие в жизни Рязанщины — состоялась служба в только что отреставрированной константиновской церкви Казанской иконы Божьей Матери. Это была панихида по Сергею Есенину. Шесть высоких церковных сановников более часа вели службу. И сотни людей с горящими свечами в руках: простые люди и ученые, коммунисты и демократы, молодые и старые, родственники поэта и местные жители — скорбно склонили головы перед памятью трагической судьбы поэта и миллионов его крестьянских собратьев, ушедших из жизни в годы «великих преобразований сельского уклада».

В этой службе был ответ и на многочисленные вопросы о гибели Есенина. По самоубийцам православная церковь панихиду не служит.

...Есенин желал крестьянской России, верным и преданным сыном которой он был, счастья. Он не был крестьянским утопистом и писал:

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам.
А Русь все также будет жить,
Плясать и плакать под забором.*

И все же в душе он ждал. Ждал чуда. Чуда, на которое способен только русский мужик. Верил. Надеялся.

*Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.
Снова в рощах напоенных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.
О, я верю — знать, за муки
Над пропавшим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.*

В борьбе за эту веру и ушел из жизни «последний поэт деревни». Гордый, задиристый, не сломленный в своей вере. Патриот. Интернационалист. «Мечтатель сельский». Реалист. Человечнейший и милосердный. Нежный. Добрый. С глазами, как васильки. Красивый! Великий гений Сергей Есенин.

*** Газета «Правда Ильича», 16 ноября 1990 года,
Газета «Новое время», 30.01.1991.**

«И чувствую в скулах упрямых...»

Третье октября нынче снова выдалось ярким, солнечным, приветливым. Любители есенинской поэзии со всех концов России и из ближнего зарубежья собрались, чтобы здесь, в Константинове, на крутом берегу Оки, встретить радостный для многих праздник — день рождения Сергея Есенина.

Один за другим прибывают народные ансамбли и хоры. Зеленые еще константиновские поляны покрываются всеми цветами радуги от расписных русских рубашек и сарафанов. Всюду песни, частушки, шутки-прибаутки, смех. Тут и там выводят мелодии милых сердцу есенинских песен гармошки.

Тысячи лиц — и ни одного грустного или раздраженного. Как будто бы на дворе и не 93-й год. Забылись все невзгоды. Торжествует красота. Из происходящего сама по себе вызревает есенинская строка: «Как прекрасна земля и на ней человек».

Традиционно венцом праздника стал литературный митинг. Выступают поэты Рязани и Москвы, Украины и Молдовы. Общность чувств усиливается общностью мыслей.

Прожитый на одном дыхании день прошел, как один миг. Нехотя покидают есенинскую землю гости. Только приехавшие издалека не торопятся расставаться. Хочется вместе с уставшими, но счастливыми сотрудниками музея — организаторами праздника — разделить радость большого напряженного дня. Чарующий закат провожаем во дворе Есениных. Быстро надвигается ночь. Задремавшая в бесконечной убаюкивающей тишине земля укрывается мягким желтоватым лунным светом, воздух настоен ароматами осенних листьев и трав.

Шапки еще не опавших кленов зажглись изнутри каким-то тончайшим светом. Поставленные прямо вдоль улицы большие стога сена стелят по дороге глубокие тени. В лунной дымке просматриваются даже заокские дали. Воздух не колыхнется. Тишину нарушил лишь одинокий всплеск рыбы, услышанный с середины реки.

К утру посвежело. Трава покрылась серебром инея. Звезды заискрились. На западе из-за горизонта прямо вверх по Млечному пути устремился в вечность Лебедь. На востоке навстречу чародею Сириусу поднимался красавец Орион. Почти с зенита величественно созерцала рождающую поэзию земной красоты загадочная Лира. А прямо за Окой на самое острие ручки встал ковш — Большая Медведица. Показалось на миг, что там, на севере, что-то нераспознанное, ледящее струится на землю из этой небесной чаши. Откуда-то далеко-далеко, со стороны базы десантников, одиноко тявкнула собака. Приближался рассвет четвертого октября. А с ним и время расставания с этим волшебным уголком земли — родиной поэтического гения России. Реальность обрушилась на нас утром в Рыбном, где мы садились на московский поезд.

— Как?! Вы ничего не знаете? Да ведь там же, в Москве... там такое! Мы ведь только проводили туда своих ребят десантников.

Три часа неопределенности. Сознание подготовлено к принятию неожиданного. Половина одиннадцатого. Поезд прибывает на Казанский вокзал. На перроне почти никого. Нет привычных электричек. Нет встречающих. Небо исписано трассирующими белыми следами. Сизая дымка в воздухе пахнет перроном, шпалами, сгоревшим порохом с привкусом черемухи. Непривычная для вокзала тишина. Прохлопал где-то сбоку невидимый вертолет.

Вдруг раздался приглушенный расстоянием артиллерийский залп. Почти сразу же негромко, но отчетливо короткими очередями застрочил автомат. И снова залп. Еще один... И еще, еще ... Что-то ужасное обдало холодом. Да ведь же война! Там гибнут люди! Наши же люди! Мальчишки!!!

Увиделись молодые, почти детские детские лица из батальона дзержинцев. В касках, бронежилетах. Это там — в оцеплении Белого дома. А напротив — пацаны в папахах — казаки из Красноярска и Новосибирска. Добровольцы. И люди. Люди. Много людей. И... кровь.

Навсегда останутся в памяти эти два дня. День незабываемого возвышенного счастья и день дикого ужаса, день торжества муз и день господства пушек. И уже настойчиво и жестко зазвучало в памяти продолжение услышанной в ликующем константиновском воздухе есенинской строфы из «Анны Снегиной»:

*Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!*

*И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судорогу щек.*

Владимир Николаев

* Газ. «Томский вестник», 28.12.1993.

Шагнул Есенин на бульвар...

Сейчас могу совершенно точно сказать: такого проникновенного, чистого праздника в сегодняшней России еще не было. Он вырос словно изнутри, снизу, из народа. С начала сентября, как волны, начали накатываться никем не спланированные и не финансируемые есенинские вечера, выставки, фестивали, конкурсы. Уставшая от всего нехорошего творящегося на земле, истосковавшаяся по чувствам нежным и простым, душа народа выплеснулась, раскрылась навстречу доброй и искренней поэзии Есенина.

Во время презентации первого тома Полного собрания сочинений Сергея Есенина директор ИМЛИ, член-корреспондент Ф. Ф. Кузнецов, назвал происходящее «праздником Пушкина XX века — Есенина». Этой презентацией начались главные юбилейные есенинские мероприятия. Значимость выхода семитомника Есенина состоит в том, что это третье в истории России Полное академическое собрание сочинений. И на его презентации присутствовали практически все ученые-есениноведы — академики, профессора, писатели и поэты. Символично, что «на шампанское» гости перешли в Каминный зал, где некогда отмечала все праздники бывшая хозяйка дома, дочь А.С. Пушкина Мария Гартунг.

Главным событием для всех есенин-



цев стал международный научный симпозиум «Есенин в XXI веке», организованный ЮНЕСКО, Российским организационным комитетом, Российской академией наук, Институтом мировой литературы имени А.М. Горького, Министерством культуры России, Союзом писателей, благотворительным фондом имени А.С. Есенина, Всероссийским писательским комитетом и Администрацией Рязанской области. Есениноведы из 12 стран мира, 7 республик бывшего Союза и более чем из 30 городов России сделали на пленарных заседаниях и по секциям более 80 докладов. На русском языке говорили о Есенине Эммануил Штейн и Мария Павловски из США, француз Мишель Нике, Гордон Маквей из Англии, Милодраг Сибинович из Югославии, Ежи Шокальски из Польши, Лео Кашут из Германии, Ван Шоуженя (Китай), Тиз Оги (Япония). Это был блестящий научный форум, какого не знала Россия за 100 есенинских лет. Была на симпозиуме и четвертая секция — «Народное есениноведение»: поиск ведет «Радунца», где я прочел доклад «Томская Есениниана».

С огромным волнением все мы ждали открытия памятника Есенину на Тверском бульваре. Не мне одному вспоминалось в это время открытие памятника Пушкину — так, как это описывали очевидцы: выступает Достоевский, зловеще шипит Идалия Полетика, торжествует Россия...

Теплый солнечный день. Звучат выступления на открытии памятника, а за сквером, на противоположных тротуарах, толпы народа и мощный голос поэта С. Топтыгина призывает пропустить народ к Есенину... Мне запомнились эти люди в окнах домов, на ступенях доронинского МХАТА. Большое оживление вызвало появление Солженицына. Слышны строки поэта:

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой...*

Как претворение мечты, заново рожденный через сто лет, красивый, с открытой душой и милой улыбкой, выверенный скульптором Бичуковым с точностью до сантиметра рост в рост с бронзовой фигурой Пушкина, кажется, легкой походкой шагнул бронзовый Есенин с постамента на тротуар. Прямо к людям и бронзовому Пегасу. Многие в этот момент не могли сдержать слез. Звучит «Славься...» Глинки. Ложатся к памятнику цветы: розы, калы, скромные осенние букетики из кленовых листьев, облитые «кровью ягод рябины...»

Везде — на открытии памятника поэту, и в Колонном зале и в консерватории им. Чайковского, на Рязанщине неизменно присутствуют чле-

ны правительства и общественные деятели. Смешным выглядел в этой праздничной атмосфере публичный отказ участвовать в мероприятиях, посвященных Есенину, наших поэтов Андрея Дементьева и Евгения Евтушенко. Жалкими выглядели потуги некоторых центральных средств массовой информации испортить всеобщий праздник. Особенно обидно было рязанцам, где празднование носило действительно всенародный характер.

Например, телевизионщики приехали в Константиново 3 октября с утра пораньше. Засняли еще пустую деревню, пробежали объективом по двум первым приехавшим ансамблям, которые репетировали без зрителей, засняли еще несколько таких же подготовительных фрагментов и уехали готовить материал для вечерних новостей. А народ все прибывал. Почти четырехкилометровая дорога вдоль деревень Федякино, Константиново, Кузьминское сплошь была заставлена автобусами с туристами. Более 20 ансамблей и хоров съехались на торжества со всей России. По совместной оценке общества «Радуница» и сотрудников Константиновского музея, за праздничную декаду в Константинове побывало примерно 100 тысяч человек.

Многие любители творчества Есенина провели на Рязанщине свои отпуска. По 50-60 экскурсий в день проводят сотрудники музея (а их меньше 10 человек). В этом году, помимо «Дома родителей» и «Литературной экспозиции», открылся еще «Дом Кашиной» и «Константиновская школа». По мнению лауреата первой Есенинской премии 1995 года, первого директора музея (его называют есенинским Гейченко) Владимира Исаевича Астахова, ни одна мемориальная усадьба не выдержала бы такой нагрузки, даже Ясная Поляна.

Одухотворенная столетним юбилеем своего гениального сына, Рязань спланировала праздники до декабря: проводятся вечера и встречи в библиотеках и школах, дворцах культуры и концертных залах. Тепло встречали рязанцы театральные коллективы, приехавшие на фестиваль с есенинскими спектаклями. В художественном музее до декабря художники страны выставляют свои работы на выставке под названием «О Русь, взмахни крылами».

Долгожданным гостем на Рязанщине был приехавший на праздник сын Есенина А.С. Есенин-Вольпин. Эту поездку для него организовали рязанские общественники-есенинцы. Вынужденный покинуть Советский Союз 23 года тому назад, ныне гражданин США, он только с 1989 года получил разрешение посещать живущую в Москве мать Надежду Давыдовну Вольпин. Ей нынче пошел уже 96-й год. Тогда же, в 1989 году, он впервые побывал на родине отца. Сейчас Александр Сергеевич Есенин-Вольпин вместе со своей женой Г.Г. Путятиной пробыл там пять дней.

В свои годы (ему 71 год) он держится бодро, проводил по 3-4 встречи в день. На мой вопрос о взаимоотношениях родственников Александр Сергеевич ответил:

— С Татьяной, сестрой, я встречался и ездил к ней. Вместе с Костей добились реабилитации расстрелянного в 37-м году брата Юрия.

Он посидел за партой в школе Есенина, поинтересовался оценками отца, побывал на берегу Оки, в художественном музее заинтересовался работой Шилова «Есенин в «Англетере». На встрече с учеными-математиками, он выпускник мехмата МГУ, защитивший диссертации в Москве и Бостоне, сделал полуторачасовой доклад по неформальной логике. Встречался сын Есенина и с администрацией Рязанской области, выступал по телевидению и дал понять, что не против поселиться здесь, если ему найдут домик, и, возможно, стать одним из директоров Есенинского музея.

В городе Талдоме состоялась есенинская конференция — там в 1992 году был основан музей друга Есенина поэта С.А. Клычкова. На конференции были представлены музеи Пушкина, Блока, Паустовского, Клюева. Там, на круглом столе, проведенном отделом музеев Министерства культуры и кафедрами музеев институтов культуры, была одобрена инициатива «Томской Есенинианы» — создать музей Н. Клюева в Томске. В канун дней памяти учителя и друга Сергея Есенина Николая Алексеевича Клюева хотелось бы вновь обратиться к литературной и культурной общественности и Администрации области — мы обязаны создать такой музей.

Владимир Николаев

* Газ. «Красное знамя», 28 октября 1995 г.

Пусть это миф...

«В архивах КГБ найдено стихотворение С. Есенина» — под таким заголовком в областной газете «Красное знамя» в 1991 году появилась публикация, взволновавшая многие умы. Сотрудник Управления АФБ РСФСР по Томской области В. Уйманов сообщал:

— Читатели помнят, что по Указу Президента РСФСР архивы Комитета государственной безопасности СССР передаются в Госархив республики, и, как мы уже сообщали, в Томске создана специальная комиссия из работников архива с участием народных депутатов, которая и занялась решением этого вопроса. И вот сегодня еще раз об архивах. Как и в последние годы, сотрудники Управления, теперь уже Министерства безопас-

ности и внутренних дел (МВД) России, совместно с большой группой историков, журналистов, членов историко-просветительского общества «Мемориал» продолжают разработку архива, регулярно публикуя на страницах газет и журналов наиболее интересные и ценные в историческом и культурном плане материалы и документы. А Западно-Сибирской студией кинохроники на основе архивных уголовных дел в истекшем году был снят и уже показан по томскому телевидению документальный фильм «Конец дворянского гнезда. Неизвестный террор».

Еще одним результатом разработки архива явился выход в свет книги памяти томичей, репрессированных в годы сталинизма «Боль людская». Пользуясь случаем, замечу, что в ближайшие дни выйдет из печати второй том книги.

Но, отмечая это, необходимо, видимо, сразу оговориться. У определенной части населения, в основном представителей творческих кругов, сложилось мнение, что в наших архивах скрыты сотни и тысячи произведений литературы и искусства, изъятых в ходе арестов в годы репрессий у представителей творческой интеллигенции. Но это далеко не так. Очень и очень редко удастся обнаружить автографы либо ранее не публиковавшиеся произведения. Так уж действовал репрессивный аппарат — после окончания следствия абсолютное большинство изъятых материалов уничтожалось.

И все-таки время от времени удастся что-либо обнаружить. Вот и сегодня мы рискнули предложить стихи, под которыми стоит подпись «С. Есенин». В результате проведенных исследований установлено, что этот автограф известен, является копией и, возможно, не принадлежит перу С. Есенина. Но, учитывая наличие разных точек зрения специалистов на авторство (одни признают авторство за С. Есениным, другие отрицают), мы решили представить эти стихи к публикации.

*Я часто думаю, за что его казнили!
За то ль, что, враг субботы,
Он против всякой гнили
Отважно поднял голос свой;
За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом Кесарю полны и свет, и тень,—
Он с кучкой небольшой из бедных рыбаков
За Кесарем признал лишь силу злата;
За то ли, что себя, на части разорвав,
Он к горю каждого был милосерд и чуток,
И всех благословлял, мучительно любя,
И маленьких детей, и грязных проституток.*

Не знаю я, Демьян, в «Евангельи» твоём
Я не нашёл правдивого ответа.
В нём много бойких слов (ах, как их много в нём).
Но слова нет, достойного поэта.
Я не из тех, кто признаёт попов,
Кто безотчётно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.
Я не люблю религии раба,
Покорного от века и до века,
И вера в чудеса моя слаба —
Я верю в знание и силу человека.
Я знаю, что, стремясь по нужному пути,
Здесь, на Земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к божественным пределам.
И все-таки, когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна —
Мне стало стыдно так, как будто я попал
В блевотину, изверженную спьяна.
Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос —
Далекий миф; мы это понимаем,
Но все-таки нельзя ж, как годовалый пес,
На всех и вся захлебываться лаем.
Христос — сын плотника, когда-то был казнён —
Пусть это миф, но все ж, когда прохожий
Спросил Его: «Кто Он?» Ему ответил он:
«Сын человеческий», а не сказал: «сын Божий».
Пусть миф Христос, как мифом был Сократ.
Так что ж! От этого и надобно подряд
Плевать на то, что в человеке свято?
Ты испытал, Демьян, всего один арест,
А уж скулишь: «Ах, крест мне выпал лютой!»
А что, когда б тебе Голгофский дали крест
Иль чашу с едкою цикуттой?
Хватило б у тебя величья до конца
В последний час, по их примеру тоже
Иль о бессмертии учить на смертном ложе?
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его нимало;

*Разбойник был, Иуда был,
Тебя лишь только не хватало!
Ты сгустки крови у креста копнул ноздрей,
Как толстый боров,
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.
Но ты свершил двойной тяжелый грех —
Своим дешевым балаганным вздором —
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И малый свой талант покрыл позором.
Ведь там, за рубежом, прочтя твои стихи,
Небось, злорадствуют российские кликуши:
«Еще тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, покушай!»
А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где образцовый стих печатался дуплетом,
Еще отчаянней потянется к Христу,
А «коммунизму» «мать» pošлет при этом.*

«Ответ Есенина Демьяну Бедному» — в статье под таким названием в одном из последующих номеров «Красного знамени» было опубликовано размышление Владимира Ивановича Николаева по поводу найденного стихотворения.

Весной 1925 года «Союз безбожников» в 11 номерах «Правды» и одновременно в газете «Беднота» напечатал стихотворение «Новый завет без изъяна Евангелиста Демьяна». Автор этого стихотворного издевательства над Священным писанием был Ефим Алексеевич Придворов, он же Демьян Бедный, — по собственной характеристике, «мужик вредный». Вскоре эта пародия вышла отдельным изданием. Это было «достойным венцом» беспрецедентной кампании травли и репрессий против православной церкви, других религий.

Сегодня даже стыдно и жутко об этом вспоминать. Авторы статьи о жизни и творчестве Демьяна Бедного в прекрасном библиографическом словаре «Русские писатели», вышедшем в 1990 году в издательстве «Просвещение», очевидно, по этим соображениям ни словом не обмолвились об этих позорных страницах жизни и творчества Демьяна Бедного.

В газете «Беднота» в это время работала Галина Бениславская, у которой тогда Есенин жил. Самую свежую информацию он получал из первых

уст. Творение Демьяна Бедного вызвало резкое неприятие Есенина, который к этому времени, по меткому выражению Георгия Иванова, очнулся от угара революции. Благодаря певцу Малинину сегодня каждый знает есенинские слова, написанные после возвращения из-за границы: «Стыдно мне, что я в Бога не верил, горько мне, что не верю теперь».

Новые взгляды Есенина отличались от господствующей идеологии. «Я перестаю понимать, какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому. В нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь», — писал он Кусикову. Есенину было что скрывать. Потомки Есенина считают, что социально-политические мотивы в стихах Есенина после возвращения его из-за границы были направлены на сокрытие истинных взглядов поэта.

В середине 25-го года среди литературного мира России в списках стали распространяться стихи «Ответ Евангелисту Демьяну». Все знали их как стихи Есенина. Через три месяца после трагической и загадочной до сегодняшнего дня смерти Есенина его сестра Катя поторопилась без убедительных доводов публично отречься от есенинского авторства «Ответа...». Поторопилась или ее поторопили?

В 1927 году в Париже «Ответ...» был опубликован в есенинском сборнике с пропусками строчек и опять с выражением сомнения в авторстве.

Имажинист Матвей Ройзман радостно сообщил всем в начале 70-х годов, что автор этих стихов Н.Н. Горбачев — «графоман с контрреволюционным душком» — был найден и наказан.

Но живы еще люди, которые помнят то время, слышали и сохранили списки этого стихотворения. Некоторые знали Есенина лично и не сомневаются в его авторстве. Живут они в Москве и Подмосковье, в Ленинграде, в Витебске, Ростове, в Севастополе и других городах. В прошлом году лично знавшая Есенина и весь поэтический мир 20-30-х годов поэтесса из Истры Екатерина Холина, напрягая уже уставшую от долгой нелегкой жизни память, пыталась для членов есенинского общества «Радуница» восстановить его звучание:

*Я знаю: жизнь не так
проста,
И ты всего лишь
толстый боров.
Ты только хрюкнул
на Христа,
Ефим Лакеевич
Придворов.*

Наверное, именно хлесткость фразы и смелость образа сохраняют у них уверенность в принадлежности этого стиха Есенину.

Некоторые утверждают, что участие Есенина ограничивалось лишь правкой стиха, написанного другим автором. И это, очевидно, потому, что Есенин, занявшись стихотворной конспирацией, применив не свойственный размер и отдельные слова, не мог не остаться самим собою. Да ему и не очень хотелось отдавать кому-то свое авторство.

Нет-нет да и мелькнет есенинское словечко или образ: «к божественным пределам», «годовалый пес», «захлебывался лаем», «на смертном ложе» и др. Главное же — стихотворение звучит от 1-го лица, сохраняет есенинскую жизненную позицию, отношение к православию и его неприимиримость к автору пародии, ранее выраженную строчкой: «Я вам не кенар! Я поэт! И не чета каким-то там Демьянам».

К сожалению, серьезного исследования по стихотворению «Ответ Евангелисту Демьяну» еще не сделано. Есть и противники авторства Есенина.

По инициативе «Книжного обозрения» (№ 39, 1990 года) вновь обращено общественное внимание к «Ответу...». Положительно, что на основании множественных вариантов списка восстановлены в первом приближении недостающие строки.

Но вот новая находка. Работая над Книгой памяти, сотрудники Томского УКГБ обнаружили в архиве еще одну рукопись «Ответа Евангелисту Демьяну». Внимание привлекла подпись: «С. Есенин». Подпись действительно в первых трех буквах сохраняет все основные признаки есенинской подписи последних лет жизни. Затем, особенно в написании буквы «н», эти признаки исчезают. Что это — неумелая подделка? Но тогда почему автор так тщательно выписал первые буквы? И совсем не позаботился о достоверности концовки. Или, что более вероятно, лихо начав подпись, пишущий вдруг вспомнил о необходимости прятаться и закончил уже по-другому.

Все буквы в словах соединены — так Есенин не писал в 25-м году. Но... он умеет писать в соединении — в молодости он все соединял и, конечно, не забыл, как это делается!

Почерк неустойчив. Похожести в написании букв мало. Но одну букву не скроешь. Пять раз автор пишет заглавную букву «А», и во всех пяти случаях эта буква написана так, как в письме Есенина Блоку, в письмах Панфилову, в стихотворении «К Пушкину» и др. Есть похожесть в заглавной букве «Я» и некоторых других буквах.

Сравнивая текст найденного автографа со списком, который прислал мне в свое время внук Бенуа Юрий Валерьянович, можно найти мало раз-

личий. Все так же отсутствует 23-я строка, которая была восстановлена «Книжным обозрением» и прозвучала: после «... был Сократ»... «...и не было его в стране Пилата...». Спорная последняя строка звучит не так, как в парижском издании, где было: «А коммунизму мат пошлет при этом».

Так что есть над чем подумать литературоведам и есениноведам.

Публикация В.Н. Уйманова, несомненно, большой подарок всем любителям Есенина в дни его памяти.

Глава III Благодарственное слово

Основатели

В семидесятых годах Министерство среднего машиностроения, возглавляемое Ефимом Павловичем Славским, в полный голос заговорило о себе. Советский Союз укреплял свою обороноспособность, почти 20 процентов годового бюджета расходовалось на содержание Советской армии. Еще столько же средств тратилось на поддержание ядерного и ракетного щитов родины (Средмаш и Министерство машиностроения — соответственно).

В закрытых городах Средмаша сосредотачивалась львиная часть технического и научного потенциала страны. Десятки тысяч высококвалифицированных специалистов и руководителей обеспечивали ядерную безопасность народов всего мира. Е.П. Славский во всеуслышание сообщил, что только в вузах, НИИ и НИЛ министерства трудятся более тысячи докторов и кандидатов наук. По тем временам это была внушительная цифра. Социальную сферу он также поднял на должную высоту. В закрытых городах небывалыми в СССР темпами строились школы и детсады, театры и библиотеки.

В 1970 году Центральная городская библиотека Томска-7 стала методическим центром для публичных библиотек системы ЗАТО. Методистом этого центра назначили в 1978 году молодого дипломированного специалиста — библиотекаря-библиографа высшей квалификации Валентину Ивановну Исаеву. Верой и правдой исполняла она эту обязанность почти 20 лет.

В 1985 году за внедрение новых форм работы с читателями библиотека была занесена в Почетную книгу Министерства культуры СССР. Три сотрудника библиотеки, в том числе и Валентина Ивановна, были награждены знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу».

В сентябре 1990 года очередное отраслевое совещание библиотечных работников системы ЗАТО проводилось в нашем городе. В Томск-7 съехались библиотекари из Челябинска-65 и Челябинска-40, Свердловска-45, из Красноярска-16 и Красноярска-45, из Пензы-19, Златоуста-36, Арзамаса-46. Для гостей В.И. Исаева приготовила неожиданное. В фойе читального зала она предложила мне как владельцу частного передвижного музея «Томская Есениниана» разместить свою экспозицию. Вдоль читального зала были расставлены столы. На них развернули легкие планшеты-раскладушки, разложили редкие книги, журналы и газетные публикации,

собранный в есенинских местах на Рязанщине гербарий. В простенках развесили крупномасштабные фотопортреты Есенина и его ближайшего окружения, его детей, жен и любимых женщин. На одной стене демонстрировались извлеченные из хранилища «Томской Есенинианы» женские адресаты лирики А.С. Пушкина.

Заключительное заседание устроители совещания перенесли из актового зала в фойе читального зала. В.И. Исаева, ведущая совещание, не остановила лектора — владельца «Томской Есенинианы», нарушившего регламент. Тема лекции «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою» была интересна собравшимся. Все увиденное и услышанное произвело большое впечатление на хозяев и гостей города.

Делегация из Красноярск-45 во главе с директором ЦГБ имени В.В. Маяковского В.Е. Малаховой увезла с собой на неделю лектора и восемь сумок экспонатов. А Валентина Ивановна по-новому увидела Есенина и затаила желание иметь в библиотеке постоянно действующую есенинскую выставку. Об этом она призналась автору этих строк позже. Ее желание претворилось в жизнь лишь через девять лет. 26 ноября 2000 года в ЦГБ состоялось открытие общественного литературного музея Сергея Есенина.

Взяв в конце прошлого века под свое крыло частный передвижной музей «Томская Есениниана», Валентина Ивановна понимала, сколько дополнительных забот взвалила она на свои плечи. Но ее мудрое око увидело, какую роль будет играть библиотечный музей в эпоху сплошной компьютеризации и Интернета. Он поможет сохранить любовь к книге. Ее дальновидность оправдалась. Не прошло и десяти лет, фонды музея выросли с одной тысячи до десяти тысяч единиц хранения. Есть книги, изданные тиражом 100-200 экземпляров. Их не сыщешь даже в «Ленинке». Многих сотен книг, журнальных и газетных публикаций, написанных есениноведами и клоеведами Москвы, Петербурга, Вытегры, Мурманска, Рязани, Саратова, Харькова, Челябинска, Баку, Ташкента, нет и в Научной библиотеке Томского государственного университета. Есть что почитать о Есенине иностранцам из Германии, Болгарии, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Украины, Китая и Великобритании на своем родном языке. Все хранится и демонстрируется в современных витринах и книжных шкафах. В музее просторно, светло, красиво и уютно. На полке представлены поступившие в библиотеку уже в третьем тысячелетии академическое Полное собрание сочинений С.А. Есенина в семи томах девяти книг, многотомная «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина», объемные журналы «Современное есениноведение», регулярно поступающие из Рязанского педагогического университета им. С.А. Есенина. Любопытный читатель, зайдя однажды в музей, будет стремиться вновь и вновь

побывать в нем. Здесь могут найти много полезной информации о поэзии Есенина и Клюева студенты и аспиранты филологических факультетов. Вас любезно встретит компетентный в вопросах есениноведения и клюеведения библиотекарь музея Сергея Есенина, проведет экскурсию и может подобрать интересный материал.

Музей Сергея Есенина появился на свет одновременно с компьютерным залом. Валентина Ивановна испытывает доброе чувство гордости — это ее дети. Заботливая мать бережно пестует и растит своих двойняшек.



С Татьяной Маматовой познакомились мы в 1979 году. В этот год была отчетно-выборная конференция в городском Обществе любителей книги. От каждого объекта СХК нужно было избрать по два делегата. Ко мне дошел секретарь парткома Н.П. Попушин и сказал: «Ты любишь читать книги, будешь вместе с В.Н. Морозовым (начальником ОТК объекта, главным редактором объектовой газеты «За коммунистический труд») представлять нашу организацию».

Конференция проходила в читальном зале ЦГБ. Живо и интересно обсуждались вопросы проведения литературных мероприятий. Выступал и я. В перерыве ко мне подошли две симпатичные приветливые женщины. Представились: Зинаида Николаевна Дубова и Майя Ивановна Цыгановская из работающего при профсоюзной библиотеке СХК клуба «Собеседник» и пригласили: «Приходите! У нас интересно». И я пошел. Всей литературной жизнью профсоюзной библиотеки заправляла Т.Я. Маматова. Вскоре меня выбрали председателем библиотечного совета.

6 февраля 1980 года на совете обсуждался план работы на год. Это был год юбилеев А.П. Чехова и С.А. Есенина. Татьяна Яковлевна взяла на себя Чехова, а мне предложила подготовить вечер к 85-летию Есенина. Я спросил: «Когда юбилей? 3 октября? Он написал три томика стихов, прожил 30 лет — да я за 8 месяцев выучу все его стихи, узнаю жизнь его по дням.» С этими грандиозными планами, обложившись книгами, я начал постигать Есенина. Чем занимаюсь по сей день.

Татьяну Яковлевну я считаю своей крестной матерью.

В октябре я был в Константинове. Вечер состоялся 22 ноября 1980 года. В этот день была партийная отчетно-выборная конференция, и мне, делегату, пришлось отпрашиваться у секретаря. Он спросил: «Кому посвящен вечер? Как — Есенину? Ведь ты же любитель Маяковского! Жаль! Лучше, если бы ты оставался верным Маяковскому».

Татьяна Яковлевна сразу после вечера предложила провести вечера в общегититях СХК. Для практической организационной работы мне в помощь

закрепила отличного организатора — заведующую абонементом Зинаиду Николаевну Дубову. Она же стала моим первым литературным наставником.

В 1989 году, побывав на моей Есенинской выставке в Доме культуры СХК, она предложила мне сделать постоянную экспозицию в библиотеке и начала готовить под нее место. В революционное время начала 90-х годов, я отошел от идеи создания постоянной экспозиции. Затем три года болезни. И только в конце 90-х мы снова вернулись к идее выставки. 19 августа 2000 года она позвонила мне, сказав, что две комнаты готовы.

— Но я думаю, что там будет очень тесно. А вот в городской библиотеке пустует подходящая комната.

— А как смотрит на это Валентина Ивановна?

Через несколько минут мне позвонила В.И. Исаева:

— У нас свободная девятнадцатая комната: просторная, высокая, светлая, уютная. Давайте в ней сделаем музей С. Есенина. Не выставку, а музей.

5 сентября 2000 года мы, В.И. Исаева, Т.Я. Маматова, В.И. Николаев, создав инициативную группу, направили в Администрацию ЗАТО Северск «Решение о создании в ЦГБ музея Сергея Есенина».

26 ноября 2000 года музей был открыт. Для памяти об этом значимом событии журналисты Иван Погуляев и Вероника Медведева записали три аудиокассеты. Они хранятся в музее.

Главное детище

И.Г. Эренбург свои воспоминания назвал «Люди, годы, жизнь». В литературе я не жил столь долго, как Илья Григорьевич, но более трети своей жизни я отдал Сергею Есенину. Поэтому о нем я знаю многое. Главное — собрал и прочитал более пятисот книг и журналов, около шести тысяч газетных и журнальных публикаций. Неизгладимые впечатления остались от встреч с родными и знакомыми: с его близкой подругой, с его тремя детьми, с четырьмя племянницами, с тремя внуками и внучкой, с пятью знакомыми. Об этих встречах сохранилось около трех тысяч страниц дневниковых записей и конспектов. Мне довелось близко общаться со многими ведущими российскими и зарубежными есениноведами и клюеведами. Участие в Есенинских и Клюевских чтениях и конференциях в Ленинграде, Москве, Рязани, Орле, Липецке, Томске способствовало более серьезному подходу к осмыслению собранного и изученного материала.

Шестнадцать раз я был на родине любимого поэта в селе Константинове. С 1985 по 1995 годы участвовал во всех праздниках есенинской поэзии. Все встречи, все есенинские мероприятия, все посещенные за эти годы есенинские места России я отснял на фото пленку. Всего получилось около 5,5 тысячи кадров.



Встреча в музее с журналистами (слева направо): В.И. Исаева, В.Г. Солоненко (стоит), А.А. Фадеева (Улан-Удэ), В.И. Николаев, М. Панфилова (Железногорск), О.А. Кочеткова (Северск).
Январь 2007 года

Весь собранный за эти годы материал я передал в 2000 году в музей Сергея Есенина при Центральной городской библиотеке. В этом собрании значительная толика моей жизни. В нем годы, люди, жизнь.

Подлинный кладезь — письма ко мне родных и близких Есенина, его друзей, есениноведов и клюеведов, а также многих членов есенинского общества «Радуница». В фондах музея их более тысячи.

Есть в наших фондах и около трех тысяч афиш с есенинских мероприятий России и СССР, репродукций, открыток, экслибрисов, проспектов, почтовых конвертов, значков и памятных медалей, денежных купюр дореволюционной России, аудио- и видеокассет, грампластинок.

В 2003 году генеральный директор СХК В.В. Шидловский проявил попечительскую заботу и выделил средства на большую реконструкцию музея. Стараниями многих исполнителей сделаны современные витрины и стенды, шкафы и хранилища. Все это позволяет сохранять и демонтировать экспонаты на должном уровне.

Еще в 2002 году музей решением главы Администрации города получил «Паспорт» и официальное название «Северский общественный литературный музей С.А. Есенина» МУ ЦГБ ЗАТО Северск. В 2007 году паспорт продлен на очередные пять лет.

Количество переросло в качество. Началась новая жизнь музея. Его посещают не только убеленные сединой ветераны, студенты, школьники старших классов, но и «первачки». Музей известен не только северчанам. В книге отзывов есть отклики посетителей из 31 города России и СНГ: из Томска и Асины, Новосибирска и Кемерово, Барнаула и Тюмени, Железногорска и Зеленогорска, Москвы и Санкт-Петербурга, Челябинска и Улан-Удэ, Одессы и Кишинева, Донецка и Макеевки. Томичи получили возможность заезжать группами.

В книге отзывов свои впечатления и добрые пожелания оставили восемь профессоров, докторов наук: два филолога, два химика, три физика, математик; пять кандидатов — филологов, историков, юристов, химиков.

В коллективе ЦГБ сформировалась и уже поменялась за эти годы лекторская группа, способная проводить мероприятия: вечера, лекции, уроки по отдельным темам из жизни Есенина. Это женщины, любящие поэзию: Ольга Румянцева, Елена Ютвалина, Ольга Жданова, Светлана Ватулина, Марина Козлова, Елена Волошина, Наталья Девятярова, Виктория Параева, Маргарита Рогалева. Отрадно, что руководители всех отделов библиотеки заинтересованы и поддерживают участие своих подчиненных в творческой жизни музея. Заведующая молодежным отделом С.А. Третьякова сама с интересом посещает все мероприятия.

Музей — главное детище моей жизни, и с первых дней своего существования я подумывал о подготовке своей замены. В начале много сделала для музея зав. абонементом Лидия Николаевна Фомина — первая моя помощница, главная хранительница его фондов. Она проводила вечера, есенинские уроки, читала есенинские стихи.

Разработав темы есенинских уроков, она подобрала в каждом отделе библиотекаря, согласившегося проводить эти уроки, помогла девушкам в разработке выбранных тем.

После введения в штаты библиотеки работника для музея попробовали работать в этой должности две молодые специалистки, но они вскоре ушли на более оплачиваемую работу.

В мае 2003 года библиотекарем музея была принята педагог по образованию Вера Геннадьевна Солоненко. Ее появление в музее я воспринял настороженно. Сказались неудачи с первыми назначениями. К тому же она не имела литературного образования. Как радуюсь я сегодня, что мои опасения оказались беспочвенными!

Идет смена поколений. Каждый хочет, чтобы дело его жизни продолжалось.



Занятия с учащимися младших классов проводит В.Г. Солоненко



В гостях «у Есенина» члены городского литературно-поэтического клуба «Друза», интеллигенция Северска. Встреча, посвященная Всемирному дню поэзии. 21 марта 2003 года. В первом ряду (слева направо): В.И. Николаев, В.И. Исаева, Н. Кононенко, Е.А. Хованскова

Спасибо

Большое спасибо за помощь в сборе информации и ее осмыслении москвичам: Н.М. Солобай, Н.Г. Юсову, Н.И. Шубниковой-Гусевой, В.В. Соколову; С.И. Субботину из Троицка, В.Е. Кузнецовой из Рослякова, А.И. Михайлову, А.Г. Барсукову, Н.Н. Бердяновой из Константинова, харьковчанину В.А. Божко, А.Л. Казакову из Челябинска, Л.И. Абаполовой из Энгельса.

Томичам: В.А. Доманскому, Р.И. Колесниковой, северчанам З.Н. Дубовой, Г.И. Житомирской, Е.А. Хованской, Г.А. Дубровинской, С.В. Березовской, И.Т. Погуляеву, В.И. Исаевой, В.Г. Солоненко. Т.Я. Маматовой за признание важности мною осуществляемой работы и способствование ее продвижению.

Особая моя благодарность журналисту Ольге Кочетковой, превратившей меня из книголюб-читателя в писак-мемуариста.

Бесценно терпение моей семьи, особенно жены Людмилы Герасимовны, выдержавших не один десяток лет мое хобби собирателя, безропотно поддерживающих во время работы над этой книгой мои писательские амбиции. Спасибо!

Владимир Иванович Николаев

Вы всё, конечно, помните...

Проект **Press
Integral**

Издательская подготовка:

*Лаборатория редакционно-издательского дела
факультета журналистики Томского госуниверситета,
Издательский дом «Бизнес и техника»*

Руководитель проекта: И.Ю. Мясников

Литературное редактирование: О.А. Кочеткова

Компьютерная верстка: О. Кулешова

Корректор: Т. Рогович, Ж. Воронова

Фотографии из фонда Северского общественного музея Сергея Есенина

Обложка: портрет С. Есенина. Художник: В. Кудрявцев

Изд. лиц. ИД № 04000 от 12.02.2001. подписано к печати 31.08.2009.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 11, 85. Уч.-издл. 5,91.

Тираж 100 экз. Заказ № 89.

ООО «Издательство научно-технической литературы»
634050, г. Томск, пл. Ново-Соборная, 1, тел. (3822) 53-33-35

Отпечатано в типографии «Принтинг» (Новосибирск)